

84(21-А)Х
КФ. X-19

КОНСТАНТИН ХАНЫКАН

ЖИВОЙ ПОТОК

Рассказы. Легенды и предания земли эвенской

у
кр. 84(2Рор.-А19)
X-19
КОНСТАНТИН ХАНЬКАН

*Посвящаю Галине,
моему верному другу и помощнику*

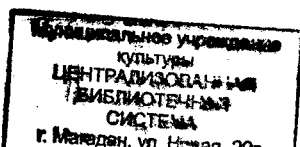
ЖИВОЙ ПОТОК

Рассказы. Легенды и предания земли эвенской

Б 024763 8 *од*

Магадан • 2007

Редактор В. И. Данилушкин

Оформление: А. В. Мягков, К. А. Ханькан

Издание Магаданской областной писательской организации Союза писателей России.

Книга издана при финансовой поддержке администрации Магаданской области и благотворительного фонда «Омолон».

Охраняется законом РФ «Об авторском праве». Воспроизведение всей книги или любой ее части, равно как и перевод на другие языки без письменного разрешения автора воспрещается.

Ханькан, К. А.

Х 19 Живой поток : рассказы. Легенды и предания земли эвенской / Константин Ханькан ; предисл. Владимир Данилушкин. – Магадан : Новая полиграфия, 2007. – 175 с.

ББК 84 (2Рос=Эвы)

© К. А. Ханькан, текст, составление, 2007
© А. В. Мягков, К. А. Ханькан, оформление, 2007
© Магаданская писательская организация, 2007
© В. И. Данилушкин, предисловие, 2007
© ООО «Новая полиграфия», 2007

От первого лица

Есть у альпинистов правило: взобрался ты на вершину горы первым – имеешь право дать ей название. Так появились на карте Магаданской области стараниями магаданских путешественников, в том числе заслуженного мастера спорта Рудольфа Седова, пик Билибина, гора Куваева...

Автор этой книги еще не стал знаменитостью, но его имя уже есть на неписанной географической карте: «Высокая морская терраса без разрывов тянется по суше по обоим берегам Б. Гарманды и вдается в сушу на расстояние 20 километров, вплоть до урочища Ханькан». История появления этого, как и многих сотен других топонимов, могла бы стать книгой, как, скажем, исследование магаданского теперешнего Владилена Леонтьева. Испокон веков на громадных просторах теперешних Северо-Эвенского, Омсукчанского да и других районов жили оленеводы, охотники, рыбаки. Они-то и дали в незапамятные времена названия рекам, горам, озерам. И ориентировались в них, как в собственном доме. Сильные, мужественные люди умели не только выживать в суровых условиях, но и жить полноценной жизнью – петь песни, рассказывать сказки. И, говоря об авторе данного сборника, добавим: писать прозу.

Константин Алексеевич Ханькан родился 3 июня 1943 года в селе Камешки Северо-Эвенского района Магаданской области, в семье оленевода-кочевника. Рано оставшись без матери, воспитывался в интернате. Уезжал на «материк», вернулся. За пределами своего района, куда, как поется в песне, только «самолетом можно долететь», и Магаданской области окончил училище механизации № 17 на ст. Сита Хабаровского края, отслужил три года в армии, немного поработал трактористом лесной промышленности на Дальнем Востоке. Спустя несколько лет поступил в Приморский сельскохозяйственный институт, окончил его. А прежде, как и многие земляки, получил диплом Магаданского сельскохозяйственного техникума.

Как принято писать в официальных бумагах, прошел путь от пастуха-учетчика оленеводческой бригады до председателя районного Совета народных депутатов, а когда началась иная историческая эпоха, работал главным зоотехником района, затем заместителем Главы администрации района по сельскому хозяйству вплоть до ухода на пенсию.

Впрочем, слово «путь» в отношении Константина Алексеевича лучше употреблять в прямом смысле: будучи ветеринарным фельдшером и старшим зоотехником-селекционером в оленеводстве, объехал он на вездеходах, тракторах, оленьих упряжках, лошадях, исходил пешком

вдоль и поперек всю необъятную северо-эвенскую тундру и тайгу, кочевал со стадами по маршрутам сезонных миграций оленей, жил в станах охотников и рыболовов.

В разные годы рассказы и легенды Константина Ханькана печатались в газетах, специализированном издании «Новости оленеводства». С ними знакомы обитатели многих стойбищ не только Магаданской области, но и Чукотки, Корякии, Якутии, Эвенкии, Европейского Севера России.

Собранная под одну обложку проза коренного северянина предстает в новом качестве – как особый мир, жители которого – земляки рассказчика – работают, отдыхают, воспитывают детей, любят друг друга, наблюдают природу, мыслят и говорят по-эвенски. То, как они это делают, понятно и симпатично любому, будь он земляк-олeneвод или житель сугубо городской, знающий тайгу лишь по картинкам. Этот сборник – как след охотника по снежной целине: так много реалий таежной жизни показаны впервые, начиная с названия «Живой поток», означающего уникальное природное явление.

За годы странствий по тайге многое видел автор – следы прежней жизни, своей, эвенской Атлантиды, и проблемы истории его волнуют не меньше, чем нежданная встреча с НЛО. Удивляют и заставляют пылливо искать ответа природные аномалии, которые он видел собственными глазами – необычной окраски яйца, необычного вида куропатки с гребешком, про которых профессионалы биологи говорят: быть такого не может. И готов привести свидетельства аборигенов-охотников и даже чучела птиц. Кстати, и сам автор отменный охотник и рыбак.

Ко многим своим рассказам Константин Алексеевич сделал карандашные иллюстрации. Они использованы при оформлении книги.

Владимир Данилушкин

ШАМАНКА

Жила в стойбище оленеводов шаманка Адаптя, столь древняя, что многих старых мужчин и женщин своего племени она помнила с самого первого вздоха, поскольку принимала роды у их матерей. Благодаря цепкой памяти могла уверенно сказать, в каком месяце и у какой реки появился на свет тот или иной соплеменник или соплеменница. Отродясь не было у нее ни мужа, ни детей, и жизнь ей наскучила. Все чаще она причитала:

– До каких же пор буду обузой? Все мои подруги успели пожить у бунил в потустороннем мире и снова вернуться на этот свет – к своим взрослым детям, сестрам, друзьям. И уже по второму кругу живут рядом с нами. А я свою первую жизнь все завершить не могу. И за что мне такое наказание? В последнее время я довольно часто стала бывать у бунил. Сетую на свою долгую, занудную жизнь, иногда ругаюсь: почему не забирают к себе. А они твердят: всему свое время, Адаптя, поживи, потерпи еще малость, и ты тоже придешь к нам в буну.

...В бытность молодой красивой женщиной Адаптя несколько лет болела непонятной изнуряющей болезнью. Сильно исхудала, стала бледной, как исхлестанная дождями, выгоревшая под горячим солнцем оленья замша. При ходьбе ее качало, как молодую лиственницу в зимнюю вьюгу. Тогда еще живы были родители Адапти, их сильно беспокоила затянувшаяся болезнь дочери. И ведь непонятно было, как ее лечить. На вопрос «Где болит?» она отвечала:

– Ничего у меня не болит, только сил нет.

Отец Адапти ездил с ночевками в соседние стойбища, привозил с собой шаманов. Те качали головами:

– Адаптя довутын этэн ярда мэнкэн аедин. Тадук, Адаптя хаман оградин (Адаптя накапливает, копит, ничего с ней не случится, сама выздоровеет. Потом Адаптя станет шаманкой).

Девушка пошла на поправку так же внезапно, как и заболела. Выздоровела, но стала неуравновешенной, раздражительной. Правда, в иной день становилась веселой, энергичной и добродушной.

– Что-то творится с нашей дочерью: хорошо выглядит, не качает ветром, как пожухлую траву на бугре, щеки полные и розовые. Видно, отпустила ее тяжелая болезнь, – недоумевали тогда родители.

А на завтра опять она печальная и задумчивая, у нее болит голова, бессонница одолевает несколько ночей подряд.

Как-то Адаптя пошла на речку наколоть льда для чая и бульона. Вернулась и говорит:

— Слушай, мама, когда я укладывала льдинки в мешок, мне показалось, что кто-то сказал: «Собаку съедят волки». Оглянулась, рядом никого, только с большой сухостины на берегу речки с громким криком взлетела ворона и полетела к лесу. Я очень удивилась.

— Да что ты, доченька! Быть того не может. Уши надо хорошо чистить, — ответила мать, не отрываясь от шитья.

Спустя несколько дней в полумраке раннего зимнего утра вышел из юрты старик и, отойдя от жилища, уселся в ямке за выворотнем справлять большую нужду. В морозной тишине послышался шум. Старик вскочил, поспешно натягивая меховые брюки. Буквально на расстоянии длины аркана промчалась небольшая группа оленей, а за ними по пятам несколько волков. «Волки отбили оленей от стада и погнались на целину», — подумал старик.

Хищники и олени промчались так быстро и стремительно, что собаки ничего не заметили, за исключением одной. Оленегонная лайка Хэвка, прогуливавшаяся в стороне от стойбища, пару раз гавкнув, погналась за волками. Старик прошел по юртам предупредить пастухов, что на стадо совершено нападение, а Хэвка преследует волков и оленей.

Когда совсем рассвело, хозяин Хэвки пошел по следам. Волки действительно гнали оленей по целине. Среди волчьих следов были и собачьи. Вскоре оленевод наткнулся на утоптаный волками снег. Он был забрызган кровью, усыпан клочьями шерсти, тут же лежал хвост Хэвки.

Наступила весна, у важенков рождались оленята. Вскрылись реки. Перед тем, как распуститься листьям на деревьях, мать сказала Адапте:

— Сходи-ка на склон сопки, наруби хороших кустов ольхи. Снимем кору, приготовим хороший отвар и будем дубить новую замшу: то-то станет красивой и непромокаемой. Нельзя упустить время, пока листья на ольхе не распустились, самая пора дубить кожу. Потом поздно будет. Ты только наруби, а отец вернется из стада и принесет.

Взяв маленький топорик, девушка пошла к зарослям ольхи. Долго не возвращалась, мать забеспокоилась: «Вдруг поранилась? Может, сходить за ней, а то нарубит кустов столько, что на все стойбище хватит? Зачем зря губить деревья?». И засобиравшись к дочери на сопку, к зарослям ольхи. Но не успела мать выйти из юрты, как вернулась заплаканная Адаптя.

— Ты чем-то расстроена? Наверное, устала?

— Нет, мама, ничего я не устала, да и ольхи не нарубила, — ответила и стала раздеваться.

— А что, топорик забыла прихватить? — спросила удивленная мать.

— Да нет, у меня все было: и топорик, и старую уздечку-уси брала, чтобы хоть немного ольхи притащить, думала, отцу меньше достанется. Но не получилось, — отвечала Адаптя, все еще вытирая глаза краешком замшевой шапочки.

— Да ты мне толком объясни и перестань теребить шапку. Ведешь себя, как маленькая девочка, — рассердилась мать.

— Когда я пришла на сопку, вначале прошла по кустам. Присмотрелась и выбрала много стройных, без сучков. Полянку подобрала, куда выносить и складывать в кучу ольху.

Мать слушала, не перебивая.

— Только подошла я к первому кусту и прицелилась топориком, послышался голос: «Иди дальше!». От неожиданности я вздрогнула, подумала: кто-то из наших пастухов подкрался. Обернулась — никого. Стало жутко. Прислушалась. Тишина. Подошла к другому кусту, не успела топор поднять, опять кто-то сказал: «Иди дальше!». Вздрыгнула, огляделась. Никого. Вышла из зарослей, уселась на бугорок. Не хочется ничего делать. Вижу: между сопками пасется стадо, успокоилась. Подумала: «А что я сижу, ведь за ольхой пришла!». Набравшись решимости, взяла топорик, шагнула раз-другой. Опять: «Иди дальше!». Стало страшно: неужели с ума схожу? Побрела домой. Размышляю: как же так, голос-то был негромким, но послушаться его не посмела.

Вечером вернулся из стада глава семейства, узнал о дневных приключениях дочери, встревожился. Пошептались они с матерью и обратились за помощью к старому опытному стойбищному шаману. Во время ночного камлания пришло ему понимание, и он сказал:

— Сейчас шаманский дар Адапти находится в замкнутом круге и не может вырваться на простор. Надо помочь ему пробиться, дать правильное направление. Адаптя не только разумом поймет, но и физически ощутит избавление от оков. И только после этого ее дар сможет проявиться в полной мере, сможет она стать настоящей шаманкой. Иначе всю жизнь будет мучиться, не принося пользы людям. Раскрыть ее дар может только шаман. Ей надо будет сделать бубен, сшить шаманский наряд. Адаптя сама найдет дерево, из которого можно изготовить рамку для бубна. Я вижу то деревце на берегу небольшого ручья. Это молодая лиственница, ствол изогнут кольцом, размером как раз с большой бубен — даже гнуть твердую лиственницу не надо, только обтесать, утончить, просушить и обтянуть кожей. Скоро — на второй или третьей стоянке ваша дочь отыщет его, здесь вы ей не помощники.

Адаптя не горела желанием заниматься поисками. Родителям пришлось ее уговаривать сходить к очередному оврагу. Разные деревья

попадались в лесу — согнутые полукольцом, дугой, а то и просто кривые. Были и старые толстые лиственницы, и молодая поросль — все это не годилось на бубен. Отец, сам не свой, все свободное от дежурства время бродил по склонам сопок в поисках заветного дерева.

На третьей стоянке Адаптя взяла нери (длинный женский посох с металлическим изогнутым наконечником в виде багра) и пошла в лес наломать свежих веток, чтобы обновить подстилку юрты.

— Адаптя, перестань маяться, все равно через два дня откочем. Еще нери сломаешь. Займись чем-нибудь другим, — ворчала мать.

Но дочь уже направилась к лесу, прихватив валявшуюся на вещах ильчарку (плетеный ремень). В это время отец Адапти вместе с двумя мужчинами пригнал из стада молодого третьяка-кастрата, чтобы забить семье на мясо. Крупный упитанный олень с путами на ногах шел медленно и тяжело дышал. Отец Адапти обеими руками держался за конец длинного маута (аркана), привязанного к задним ногам оленя, не давал ему разогнаться. Возле своей юрты он удержал оленя, помощники повалили кастрата на правый бок. Тот порывался встать. Подбежавшие собаки уселись вокруг, как голодные вороны, почуявшие поживу.

Отец Адапти взял оленя за ухо, за второе, мягко пожал в знак благодарности и нежности к оленю. Скрестив пальцы, тихим взмахом руки «поставил» условные крестики на висках и лбу животного. Проведя нехитрую процедуру обряда, он левой рукой взялся за переднюю конечность животного, подтянул вперед, подпер левой же ногой, нащупал кулаком биение сердца и нажал на рукоять острого ножа.

Подошла мать Адапти, неся под мышкой свернутую рулоном самодельную скатерть, сшитую из шкурок оленьих голов. Утром, уходя в стадо, муж предупредил ее, что забьет оленя на питание.

— Вдвоем разделяйте, чтобы пораньше управиться и заморозить мясо, а мне некогда. Поем, нарублю дров и опять пойду к оленям. Надо перегонять на свежий корм и разжечь костры на гнилушках. Сегодня на рассвете снова крутились волки. Где Адаптя?

— Одна справлюсь. Адаптя перед вашим приходом пошла в лес веток наломать, разве она послушается кого?

— Ну вот! Да что она, сдурела? Через пару дней укочем, а она подстилку обновлять. Управляйтесь с мясом как знаете, а мне некогда, — проворчал в сердцах отец и, громко кашлянув, направился к юрте.

Не успел он доесть кусок мяса, извлеченный из котла, как в юрту вбежала раскрасневшаяся на морозе дочь и, присев на колени возле огня, с ходу выпалила:

— Ама (отец), я нашла дерево, которое мы с тобой столько искали! Оно совсем близко, на том берегу ручья, куда мы ходили за дровами, мимо проходили, а не видели. Пойдем, покажу.

Тот впопыхах вывалил недоеденное мясо в котел, накрыл кастрюлю деревянным корытом, в котором ел мясо, чтобы собаки не достали, надел авын (меховую шапку).

— Пойдем, покажешь свое дерево, — проговорил он безразличным тоном и вышел из юрты вслед за дочерью.

Ему почему-то не верилось, что Адаптя нашла именно то дерево, о котором говорил в день камлания шаман. Сам он неоднократно ходил вдоль ручья, но ничего такого не замечал. Но это было то самое дерево. Он провел ладонью по шершавому стволу и срубил молодую лиственницу. Теперь-то он сделает дочке знатный бубен.

Перекочевав на новую стоянку, отец принялся за работу: бережно, слой за слоем снимал лишнюю древесину. Получилось легкое деревянное кольцо, которое обтянули свежей кожей. Колотушку из березы изготовил старый шаман. Под его присмотром сшили головной убор дэлбувын. Из двух монет, привезенных кем-то с морского побережья, кажется, с погэдзека (ярмарки), местный мастер два дня ковал очки для Адапти. Пробил на них две тонких, словно ниточки, продольных щели, чтобы сквозь них шаманка могла смотреть во время камлания. Наконец все шаманские атрибуты были готовы.

Время от времени, как и полагается, по вечерам Адаптя стала камлать. Сначала просто была в бубен. У нее еще не было своих шаманских песен. Камлание было поверхностным, без транса. На каждом камлании девушки присутствовал опытный шаман, наставляя на одному ему известный путь. Он подобрал Адапте серьезного помощника, чтобы присматривал за ней и окружающими во время камлания, не допустил непредвиденного. Этот же помощник перед камланием должен был обрядить ее, выполнять поручения, подсушивать бубен, если отсыреет от холода или влаги — чтобы звучал громче.

Помощнику приходилось туго. Он был начеку, следил, чтобы Адаптя ненароком не упала в пылающий костер. Пот градом катился по его побледневшему от нервного напряжения лицу.

Старый шаман стойбища подарил Адапте одну из своих няя (песня шамана), девушка выучила слова и мелодию. Это не какая-нибудь легкомысленная песенка, а такая мелодия, которая должна вводить Адаптю в глубокий транс.

Наконец, сбылись надежды старого шамана, сородичей, обитателей стойбища и, конечно, родителей. Молодая шаманка начала активно камлать. Правда, делала это по просьбе наставника. Ну и обитатели стойбища по мере надобности стали ее просить «просмотреть» дальнейшую жизнь или полечить захворавшего. Адаптя, как и большинство шаманов, была безотказной. Если долго не шаманила, становилась раздражительной, могла ненароком обидеть или оскорбить. Правда, потом она долго каялась в своем поступке. После камлания становилась добродушной и веселой, хлопотала по юрте, как все женщины. Будто на свет заново народится, если кого-то вылечит. Плату не брала, хотя ей и предлагали в знак благодарности довольно

дорогие подарки, вплоть до оленя. Но она обходилась перчатками, бусами и другими мелкими, сугубо женскими вещами.

Недуги, за лечение которых она бралась, были довольно разнообразны: от ушибов до болезней сердца, желудка, нервного расстройства. Не всегда у Адапти получалось, какие-то хвори не поддавались ее врачующей силе. Тяжело было браться и за лечение стариков. А вот молодежь, дети быстро шли на поправку. Вылечивая какую-нибудь серьезную болезнь, Адаптя заболела сама, правда, не тяжело.

Камлание начиналось поздно вечером и заканчивалось ближе к полуночи, собирались все обитатели стойбища, кроме малых детей. Юрта шаманки была битком набита желающими, ведь в трансе она могла предсказать судьбу любого обитателя родного стойбища, а кто же от этого откажется?

Молодая шаманка усаживалась посреди юрты, у огня, на специально подготовленное место — с мягкой подстилкой из шкуры. Зрители разговаривали вполголоса, а молодые и вовсе шепотом. Помощник Адапти — худощавый хмурый мужчина средних лет — молча расчехлив большой бубен, держал его у огня, ладонями поглаживая туго натянутую кожу и слегка постукивая по ней пальцами. При подсушивании звук становился все громче и громче. Адаптя, облаченная в шаманское одеяние, натягивала расшитые бисером новые замшевые перчатки.

— Ада унтун (бубен) готов к камланию, — наконец негромко говорил мужчина, осторожно подавая шаманке инструмент.

Адаптя, подогнув под себя ноги, сидит на мягкой шкуре. Берет унтун в левую руку, гисун (колотушку) в правую, тихо ударяет, и вот полилась песня шаманки. Удары все чаще и сильнее, бубен гремит, наполняя жутью сумрачное пространство просторной юрты. Грохот бубна сплетается с гортанной песней необычной женщины. Природа одарила молодую шаманку не только способностями вылечить больных и предсказывать будущее, но и приятным низким голосом.

В этом стойбище жила сравнительно молодая многодетная женщина по имени Бера, либо Бэча, как называли ее дети. Бера-Бэча не один уже год страдала ангиной. Перед началом камлания муж привел ее в юрту шаманки и усадил рядом.

— Болезнь скоро задушит Беру, горло так опухло, что она не может ни есть, ни спать, ни говорить. У нас дети маленькие, им мать нужна. Посмотри, пожалуйста, «во сне», может, болезнь отступит, — тихо проговорил муж больной, наклонившись к лицу шаманки, закрытому длинными гирляндами из обреза кожи, покрашенных ольховой корой.

Адаптя слегка кивнула, мельком глянув сквозь узкие щели металлических очков на лежащую на полу женщину.

Удары в бубен становились громче и чаще. Транс уже близок. Реальное сознание шаманки приблизилось к краю, сон и явь слились.

Все вокруг замерло — ни людских голосов, ни собачьего лая. Шаманку нельзя тревожить: иначе она может испугаться и наброситься на окружающих.

Адаптя громко закричала и замотала головой, изо всех сил колотя в бубен, словно дятел по сухостой. Все слилось в единую какофонию. Из груди шаманки вырвался вздох облегчения, будто она на одном вдохе поднялась на крутую гору. Слабее зазвучал бубен. Не прерывая песню, она распорядилась:

— Огня!

Помощник схватил сырую обгоревшую палку, выгреб из глубины костра две большие раскаленные головешки. Кто-то из сидящих предусмотрительно бросил ему полинявшую старую рукавицу. Натянув ее на руку, он схватил одну из головешек и подал шаманке.

— Тэк ыр тог! (Вот огонь!) — сказал он внятно.

Рукавица задымила. Отложив колотушку, шаманка легким взмахом руки откинула с лица кожаные лоскуты, чтобы не мешали, схватила поданную головешку и затолкала ее в рот, будто это был кусок мяса, с хрустом разжевала и проглотила.

— Уныт, дербы ялрыв дуррив! Хинмачь! (Еще две головешки, горящие! побыстрее!)

Помощник и сидевший рядом муж больной отодвинули пылающие длинные поленья и достали из середины костра две довольно большие малиновые головешки. Помощник подал их, одну за другой. Прервав пение, Адаптя разжевала и проглотила обе. Ее рот был черен от угля. Шаманка продолжала петь и бить в бубен.

— Никандув тэгсолры! (На шею сядьте!) — воскликнула она, тронув себя за шею колотушкой.

Помощник жестом подозвал одного из мужчин и усадил его на шею камлающей Адапти. Шаманка, не прекращая петь и бить в бубен, легко встала на колени, затем поднялась во весь рост, будто не ощущая тяжести. Помощник придерживал мужчину, чтобы тот не свалился. Шаманка замысловато заплясала, переминаясь с ноги на ногу, сгибая колени в такт ударам бубна. Мужчина же, чтобы не слететь с шеи камлающей женщины, держался руками за шесты, крепящие каркас жилища, время от времени он ударялся головой об остов и замшевое покрытие юрты.

Наконец Адаптя опустила на колени и нагнула голову. Мужчина слез с шеи шаманки и, покачиваясь, направился на место. Внезапно Адаптя положила бубен плашмя и сказала:

— Подведите ко мне больную.

Бера подползла к шаманке. Та, ни слова не говоря, левой рукой притянула к себе голову больной, взявшись за шею, и припала ртом к ее горлу. Больная застонала. Было видно, что шаманка сосет горло больной. Вот она оторвалась от горла женщины, схватила свой бубен

и, придерживая его перед собой обеими руками, что-то выплюнула. Присутствующие видели, как изо рта шаманки вывалился темный клубок и шмякнулся о дно бубна, будто кусок сырого мяса.

— Вот чем мучилась больная, — сказала шаманка, показывая присутствующим дно бубна.

Там лежал плотный окровавленный клубок черных волос. В клубке четко виднелись сгустки гноя. Больная лежала с закрытыми глазами, положив голову на небольшой свернутый спальный мешок, по-видимому, детский, и тихо постанывала. Ран на ее горле не было видно. Шаманка приподнялась и опрокинула бубен над костром. Окровавленный черный клубок вывалился в огонь, с шипением охватился пламенем и сгорел.

Шаманка вновь схватила бубен и запела, но вскоре прекратила бить в него и замолчала. Поставив бубен ребром на колени и опершись на него руками, она обратилась к мужу больной женщины:

— Твою жену, когда она была еще молодой девушкой, сватали пастухи, приехавшие с низовьев Омолона. Но ее родители отказали им. Приезжие возвратились домой с большой обидой. Это они заколдовали Бери. Я вырвала болезнь, жена твоя будет жить. Но я вижу темно-синюю красивую тарелку с крупными белыми крапинками. Добудь такую, и Бера навсегда распрощается с болезнью.

Глубокой ночью расходились люди по своим уже остывшим юртам. Прошло несколько дней, опухоль в горле у Беры спала. Она повеселела.

Болезнь и камлание шаманки стали уже забываться, но спустя год, в начале зимы через стойбище, где жила Адапта, проезжали колхозные охотники из Камешков, задержались погостить. Охотники со стороны моря наведывались к кочевникам каждый год, все хорошо знали друг друга, многие были в родственных или дружеских отношениях.

Охотники и кочевники целую неделю ходили в гости друг к другу, дарили подарки, обменивались новостями. Муж Беры, которую вылечила Адапта, сходил в гости к колхозным охотникам, которые стояли под сопкой, за вторым распадом. В одной из палаток ему подали угощение в глубокой темно-синей тарелке в крупную белую крапинку. От растерянности на лбу его выступила испарина. Вспомнилось прошлогоднее предсказание шаманки. Он отказывался верить своим глазам.

— Бидэн дебыссоли омнэт чаюрудавыр! (Ну давай покушай, а потом чай будем пить!) — вымолвила хозяйка палатки, нарушив оцепенелое молчание гостя.

«Надо просить! Просить и просить! Это она. Та самая тарелка, которую говорила шаманка!» — от волнения у него пересохло в горле, особенно тогда, когда хозяйка убрала синюю тарелку. И пока пили чай, он даже два раза поперхнулся, подумал: «Неудобно и несолидно

просить тарелку у малознакомых людей. А что делать? Другой такой возможности, может, уже и не представится, ведь в нашей кочевой жизни как: сегодня тут, а завтра — там. Здоровье жены дороже моей стеснительности». И он решился.

— Таравыр аликусын, антэкэ эчилрым би (Эта ваша посуда мне сильно понравилась), — тихо выдавил он, глядя на тарелку, поставленную на свежие ветки около жестяной печурки.

После некоторой паузы охотник, глянув на свою жену, сказал:

— Холнэду тарелкавыр анысоли, муткы бакципту мэрдур (Подарим гостю нашу тарелку, мы-то себе еще найдем).

Жена кивнула мужу в знак согласия.

— И-и...

Назавтра, едва солнце поднялось над лесом, муж Беры привел в стан заезжих охотников молодого выючного оленя и подарил хозяевам голубой тарелки.

Летели годы. Рождались и выросли дети. Шаманка с сородичами по-прежнему кочевала по рекам и лесам, преодолевая большие и малые перевалы. К ней за помощью обращались не только «свои», но и кочевники из других стойбищ. Если не было возможности доставить больного, она, уже старенькая, верхом на олене ехала к нему. Несмотря на почтенный возраст, преодолевала дальние расстояния, ей даже нравилась верховая езда.

Зима выдалась морозная, снежная, да еще волки одолели: чуть ли не каждую ночь нападали на стадо и резали оленей. Молодые мужчины окарауливали стадо в морозные зимние ночи, держали его в кольце костров. Испуганные животные носились по лесу, утопая в глубоком снегу, от недоедания стали худеть. Надо было срочно что-то предпринимать. «Шаманка? Вот к кому надо обратиться», — смекнули измученные мужчины.

Когда пришли к Адапте, та строго спросила:

— А куда вы дели тушу старой волчицы, которую застрелили в прошлый раз?

— Там, на сопке валяется, где старое пастбище.

— Завтра же притащите сюда, к юртам.

— Да она старая, клыки обломаны, шкура не вылиняла. И хвост облез. На что такая годна, если даже вороны на нее не зарятся. Пусть валяется. Хотели сжечь, да спичку жаль тратить.

— Любого зверя надо почитать и уважать, тем более это ваш охотничий трофей. Хоть бы закопали в снегу и укрыли ветками, а вы бросили. Разве можно так? — укоряла шаманка. — У этой старой волчицы в стаях наверняка бродят ее дети, ее госик (самец). А теперь она валяется на пастбище, а вокруг сородичи рыщут, в которых течет и ее кровь. Притащите ее сюда, я посмотрю, что можно для вас сде-

лать, – сказала Адаптя и принялась нарезать в маленьком деревянном корытце отваренное мясо, вернувшись к прерванному обеду.

Старики пристыдили молодых: мол, слушайтесь Адаптю, дело говорит.

С утра двое молодых кочевников сходили на пастбище, притащили мерзлую тушу, положили около юрты шаманки. Услышав скрип их шагов, Адаптя вышла из жилища и принялась рассматривать мертвую волчицу.

– Ы!... ы, ыливын чикты, миндэ урэчу атыкан бисенды! (Ух, вот молодец, такая же старуха, как и я!) – проговорила шаманка и погладила рукой по холодной голове зверя. Затем вошла в юрту и сразу же вышла, неся в руке солидный кусок отваренного оленьего сала, помазала им оскаленную пасть.

Перед началом камлания шаманка велела мужчинам занести в юрту убитую волчицу и положить на старую шкуру посередине жилища, куда обычно усаживают уважаемых почетных гостей. Перед оскаленной мордой волчицы поставили укан (маленькое деревянное корытце из тополя, заменяющее тарелку), до краев наполненный кусочками мяса и сала вперемешку.

Камлание началось с наступлением темноты. Юрта была битком набита посетителями. Некоторые сидели даже в проходе. Шаманка быстро вошла в транс. В ее пении временами слышался требовательный, временами спокойный тон. Прервав пение, шаманка попросила закурить. Ей тут же сунули в рот спаянную из латуни металлическую трубку с деревянным мундштуком, набитую махоркой. Шаманка жадно выкурила трубку и схватилась за колотушку-гисун. Бубен надрывался. Вдруг она дико захохотала и прекратила камлать.

– Теперь все хорошо слушайте, – сказала шаманка и с резким криком, мотнув головой, ударила в бубен.

Через какое-то время удары стали слабеть, все тише становился голос шаманки, пение мелодичнее. И тут, словно из-под земли, со стороны оскаленной пасти мертвой волчицы послышался далекий протяжный вой. Кочевники недоуменно уставились на неподвижную волчицу и переглянулись. Шаманка продолжала тянуть тихую мелодичную песню под слабые удары в бубен. И опять раздался далекий утробный вой. Шаманка вскочила на ноги и заплясала. Она била колотушкой, громко пела, вода бубном над телом волчицы. Потом, опустившись на свое место, громко вздохнула и устало проговорила:

– Мне удалось ее уговорить. Больше волки не будут беспокоить наших оленей. Вы слышали вой?

– Да, все мы слышали, – ответил старший из стариков, сидевших около туши.

Волки действительно ушли с пастбища. Оленеводы-кочевники облегченно вздохнули после бессонных морозных ночей.

Пришло лето, в самый его разгар женщины с детьми пошли по ягоды. К концу дня засобирались домой и не досчитались одного мальчика лет пяти. Бросились на поиски, но уже стемнело. Отложили до утра. Трое суток искали потом малыша. Уже отчаялись увидеть его живым, думали, что унес медведь или он в речку упал. На исходе третьего дня обратились к шаманке. В тот вечер Адаптя камлала недолго, даже в транс не вошла. Постучала в бубен и, не допев песню, говорит:

– Кокачан жив, сидит под большим деревом в гуще леса, у реки. Далеко ушел, вы до него не доходили. Еще ниже русло реки упирается в высокую красноватую скалу. Пойдете за Кокачаном, возьмите только одну собаку – Авлакана (Пестрая Шапка).

Всю ночь мужчины не ложились спать, дожидаясь рассвета. Едва занялась заря, взяв собаку, помчались вниз по реке. Оленеводы-кочевники хорошо знали ту излучину, где вспененная вода бьет в красную скалу. Когда до указанного Адаптей места оставалось совсем немного, Авлакан, идущий на поводке, стал принюхиваться к земле. Завиляв хвостом, привел мужчин по густому лесу к высокой толстой лиственнице.

Прислонившись к ней спиной, сидел мальчик, безучастно смотрел на подошедших мужчин, не притронулся к еде, которую прихватил с собой отец. Весь измазанный ягодой, личико, искусанное мошкой, опухло. На Кокачане не было шапочки и одного олачика (замшевая обувь). После полудня мальчика принесли домой. Он проспал день и ночь, хорошо поел,пил бульон, а к вечеру попросил чаю. Но не разговаривал, на ласки и расспросы родителей не отвечал, лишь отрешенно смотрел на окружающих.

Родители Кокачана обратились к шаманке.

– Речь вернется, – успокоила та, – мальчик проживет долгую жизнь. Но до конца дней останется замкнутым и молчаливым.

Спустя несколько дней Кокачан заговорил.

...Еще много лет мудрая загадочная шаманка помогала людям избавиться от недугов. Адаптя умерла внезапно уже в глубокой старости. С утра попросила забить ей хорошего оленя и наварить побольше мяса, чтобы хватило на всех гостей.

– Что это бабка расщедрилась? – удивлялись соседи.

Она достала из мунгурки заранее сшитую погребальную одежду, сложила в углу.

– Что это с Адаптей? Никак, умом тронулась, – перешептывались в стойбище.

На следующее утро Адаптя не проснулась.

Похоронили старушку в широкой долине реки, на небольшом бугре, поросшем густым лиственным лесом. На самой сопочке росли

густые кусты карликовой березы и высокий стланик вперемешку с молодой лиственницей.

Однажды осенью, еще до снега, в той местности разразился большой пожар. Долина наполнилась плотным дымом, гудела и стонала от огня. С шумом падали высокие лиственницы, вывороченные с корнями. Невиданной силы пожар оголил местность. Обгоревший лес почернел. Кочевники не смогли проехать и перенести стадо сквозь плотные завалы. Вся растительность выгорела, оленям не было корма.

Следующим летом мужчины-кочевники, налегке проезжая мимо сопочки, где была похоронена шаманка, не поверили глазам: среди мертвого леса та возвышенность стояла зеленая, плотно укутанная молодой порослью. Как и прежде, росла здесь березка, шелестя легкой листвою, рос смолистый стланик, на котором уже наливались шишки. Под теплым дуновением ветра мирно покачивались тонкие кроны молодых лиственниц, они тянулись друг к другу, пытаясь слиться в единое целое, как сливаются чистые и светлые таежные ручьи в сильную могучую реку.

ОСЕННЯЯ ОХОТА

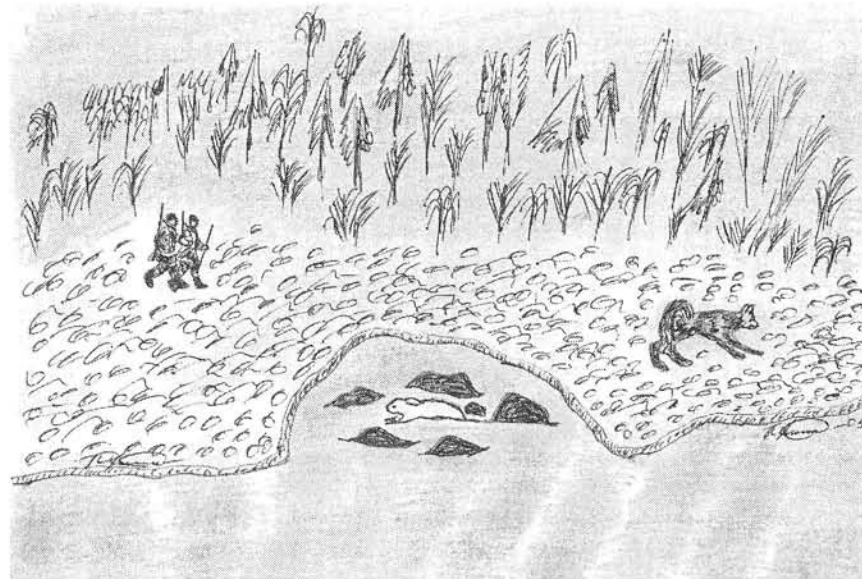
Когда мы жили в Гижиге, у нас в семье имелась моторная лодка. Выезжали по воде на рыбалку, охоту, по ягоды, да просто отдыхать. Поднимались по реке километров на пятьдесят, изредка выходили в море, но, откровенно говоря, я не любитель морских прогулок без острой нужды. Иное дело — река. Как-то в сентябре мы решили с сыном-школьником ехать на охоту вверх по течению, в пятницу, в конце рабочего дня. Пока набрали бензина, перетаскали к лодке вещи, поужинали — солнце село. Что делать — выезжать или переждать до утра?

— Пап, давай выедем. Где темнота застанет, там и заночуем, — умолял мальчик.

— Дима, сентябрь месяц, река обмелела, особенно на перекатах. Наскочим на мель, сорвет шпону — это полбеда, а вот если винт... У нас всего два винта осталось, третий пришлось отдать дяде Савелию.

— Ничего, пап, на перекатах будем глушить мотор и перетаскивал лодку на руках. А то сейчас придется вещи перетаскать с реки домой, а завтра рано вставать и обратно. Пока до места доберемся, день пройдет.

— Ладно, веди к лодке Малыша, а я оба наших кукуля понесу, — сказал я, глянув на часы. — До Подковы должны дотянуть засветло, а до устья Туромчи вряд ли.

Я увязал спальники один к другому, завернул их плотным ситцевым пологом зеленого цвета.

— Ну до Подковы — это уже хорошо, там-то гуси всегда перелетают Гижигу со стороны Асарки, — обрадовался сын и побежал отвязывать собаку, неистово лающую в предвкушении охоты.

Погрузили вещи в лодку, я запрыгнул в нее. Дима выбрал кованный легкий якорь, оттолкнулся шестом от дна, и течение сразу подхватило моторку. Запустив двигатель и круто развернув суденышко, я дал полный газ. Нос лодки сразу поднялся из воды, и мы помчались по водной глади. Свежий вечерний ветер бил в лицо. «Лишь бы на перекатах не рубануть, а так до полной темноты дотянем до устья Туромчи и заночуем, — думалось мне. — А завтра утром и до озера Красовского домчимся, и после обеда можно будет идти в тундру на озеро — на гусей поохотиться». Я с тревогой поглядывал на тускнеющие отблески вечерней зари.

Малыш, задрал уши, восседал на носу лодки, как пень, и тоже смотрел вперед поверх темной глади реки, время от времени он оглядывался на нас, словно спрашивая: «Ну ничего? Я вам не мешаю?».

На широком тихом плесе сын, показывая вперед рукой, потянулся к рулю.

— Утки! — крикнул он мне сквозь грохот мотора.

— Не надо... — крикнул я в ответ и мотнул головой.

В нескольких десятках метров прямо по курсу лодки поднялась против течения большая стая крупных уток. Не успели оторваться от поверхности воды, как лодка догнала их. Птицы шарахнулись в разные стороны от стремительно наседающего носа лодки либо попадали в воду и нырнули.

Видя такое дело, пес громко лаял, оглядываясь на Диму: что, мол, не стреляешь?

Несколько опасных мелководных перекатов проскочили хорошо. Помогало знание русла. Когда-то я завидовал заядлым лодочникам, рыбакам, охотникам — их мастерству вождения моторных лодок. Ночуешь, бывало, на берегу реки и слышишь, как сверху по течению на сумасшедшей скорости несется тонкий звук, не видно ни самой лодки, ни берега, ни воды.

Километров двадцать пять проехали без сложностей. Стемнело. С обоих берегов реки темными стенами подступал лес. До Подковы, куда мы рассчитывали дотянуть и заночевать, оставалось восемнадцать-двадцать минут приличного хода. И вдруг... Визг, треск, пронзительный гул, искры... Я едва успел выключить зажигание. И тишина, тишина до звона в ушах, настигла нас. И темнота.

— Дима! У тебя все хорошо, не ушибся?

— У меня-то все хорошо, я за сиденье держался. Я за тебя испугался: вон как мотор кидануло, чуть с креплений не сорвало.

Малыш стоял на берегу с приподнятой правой передней лапой и постанывал. При ударе лодки о берег его по инерции выбросило с носа судна на камни. Я прощупал ногу собаки: вдруг перелом, мало ли что. Серьезной травмы нет, ушиб в области лопатки.

— Ничего, Малыш, до свадьбы заживет, — подбодрил я нашего помощника.

Оказалось, я не вписался в поворот и на полном газу наскочил на косу. Лодка буквально выпрыгнула на сушу, метра два прокатилась по камням и песку. Хорошо еще, коса ровная. Могло быть хуже. Осмотрели винт, подсвечивая китайским фонариком. Лопастей нет, одна култышка. Срезало и фиксирующую шпонку. В бардачке у нас запасной винт, но в такую темень — хоть глаз выколи — лучше не начинать. Хорошо, что рядом залом сухого наносника. Он хорошо горит.

Пока я шарился в темноте, чтобы срубить подходящую палку под таган, Дима собрал в кучу сухих дров, капнул на них бензина из бутылки и моментально разжег яркий костер. Открыли банку тушенки, достали вареные яйца, нарезали хлеб. Поели и попили чаю.

Громко залаял Малыш. Он смотрел вниз по левому берегу. Лайда, на которой мы оказались, тянулась далеко вниз по левому, то есть по нашему берегу. А выше нас начинался обрывистый разрушенный берег, к которому примыкал лиственный лес: заросли крупной ольхи, ивняка с высоким травостоем. По такому берегу люди обычно не

ходят. Здесь по кустам тянется только глубокая тропа, протоптанная многими поколениями медведей во время ежегодного нереста горбуши и кеты.

— Возьми Малыша на поводок: медведь, небось, ходит, — сказал я сыну и подбросил в костер дров.

Чувствовался сильный запах тухлой рыбы. Чуть выше в реку впадает большая нерестовая протока, которая так и называется — Кислая. Сюда до глубокой осени наведываются медведи, чтобы полакомиться отнерестившейся кетой, пожевать высохшую дохлую горбушу.

— Пап, где будем ночевать? — спросил мальчик.

Я уже думал об этом. Около костра, на камнях, да и на песке не очень уютно. Да еще этот отвратительный запах. Вдобавок и в кустах столько влажной травы — чувствуется, что туман упал. Да и собака будет лаять, реагировать на малейший шорох.

— Давай-ка, Дима, отплывем на середину и бросим якорь.

Легко столкнули лодку. Пес запрыгнул и примостился на своем излюбленном месте.

— Затащи его в лодку, а то еще сорвется за борт. Я на веслах, а ты держи якорь наготове.

Легкое течение подхватило лодку. Короткими рывками в крошечной темноте гребу к середине реки, придерживая лодку против течения. Дима стоит за моей спиной, опершись на лобовое стекло. Вот тут должна быть середина реки.

— Кидай! Страви веревку на всю длину.

Якорь гулко падает в воду. Слышно, как толстый капроновый линь, стравливаемый сыном, глухо скользит по дюралевым краям борта. Лодку тихонько тянет течением. Вот она дрогнула и резко остановилась.

— Молодец! — похвалил я сына. — Сейчас подниму и расправлю тент, а ты посвети фонарем.

Я быстро натянул на лодку тент, расстелил на дне легкий брезент, который мы возим в качестве подстилки. Сверху кладем легкую старую оленью шкуру. Потом уже кукули.

— А теперь раздевайся и укладывайся спать. Не хуже, чем в палатке. Одетый никогда толком не отдохнешь, не выспишься, как следует, — говорю сыну. — Сапоги наши положи плашмя около мотора, а то портянки повлажняют. Ружье свое заломи, чтобы случайно не задеть курки.

Я забираюсь в кукулю. Пес устраивается у нас в ногах. Сразу становится тепло и покойно. Речная зыбь убаюкивающе постукивает по дюралевым бортам. Ночной лес дремлет, река таинственно шепчет, неустанно струясь к океану.

— Пап, а хорошо путешествовать по реке на лодке, — мечтательно проговорил сын.

— Мне много раз приходилось сплавляться по Гижиге на плоту, несколько раз даже ночевать прямо на нем. С детства люблю не только осеннюю охоту на гусей и уток, но и саму тундру, реку, озера.

— А вдруг медведь приплывет и заберется к нам в лодку? Это же он лазил по берегу, когда Малыш лаял?

— Да зачем ему лодка, тем более на воде? Ему рыба нужна, вот и бродит по берегу. После рыбалки пойдет в лес лакомиться ягодой да орехами. Он так быстрее накопит жиру, — вполголоса объясняю уже засыпающему сыну.

Проснулся я от пронзительного крика сидящих в воде гагар. Большая стая чаек затеяла возню у самого берега, не поделив какую-то рыбину. Белые клочья утреннего тумана таяли над водной гладью таинственных нерестовых протоков, где лежат запрятанные под камешками рубиновые икринки кеты и горбуши.

Туман, нависший над рекой, цеплялся за густой увядающий лес. День обещает быть солнечным и ясным. Зато от мошки спасу не будет. Глянул на часы. Семь утра. Выбравшись из кукуля, выбрал якорь и погреб к правому берегу, вернее, к небольшому узкому островку, протянувшемуся метров на двести между двумя рукавами реки. Мы стояли на левом, большем рукаве, на основном русле. А за островом протекало неширокое каньонистое разветвление. Когда дно лодки коснулось островка, пес прыгнул с носа лодки на влажный песок, тихо взвизгнул и отряхнулся. «Видать, щадит ушибленную лапу», — подумалось мне.

— Пап, мы где? — послышался из лодки заспанный голос Димы.

— К острову пристали. Пора тебе вставать, пока то да се — день пройдет, — отвечаю Диме, доставая из носового люка топорик и брезентовый мешок с посудой. — Кукули аккуратно скатай и заверни брезентом, а я схожу срублю палок на таган и дровишек притащу.

Малыш, поджидавший меня, побежал впереди, слегка прихрамывая. На екатын (перекладину над костром, на которую подвешиваются кастрюли) я выбрал ровный куст тальника, срубил и ножки-рогатулилки. Рядом громоздилась огромная куча старого, еще с прошлых паводков, наносника. Быстро собрал сухого тонкача на костер, а унести все на руках не могу — веревку-то с лодки прихватить забыл. А, не беда — ивы нарежу, несколько длинных кустиков соединю — и порядок.

Я часто применяю иву плакучую вместо веревки. Она мягкая и прочная. Вон ее вокруг сколько — изящная, ровненькая, вся малиновая, с нежным голубым налетом. Из нее вяжут мероши (мордуши) рыбаки, можно и корзины плести. Да что там корзины! Однажды мы с напарником оказались без веревки, а надо было переправиться через Гижигу. Так мы связали плот ивняком и благополучно переплыли на другой берег без кусочка веревки. А сколько кеты переловили в детстве петлями из ивы! Тогда ведь в Камешках не было сеток из

капрона и лески. Мало кто имел сети из прядины. А ива никогда не подводила.

Срастив несколько длинных веток, я сделал широкую петлю, увязал дрова и вскинул вязанку на плечи. Недалеко от лодки кинул дрова на чистые сухие мелкие камни. Здесь и костер разведем, и позавтракаем.

Дима, раздетый по пояс, разложил на борту лодки полотенце, на нем мыло и зубную пасту.

— Пап, что у нас на завтрак? Может, пару мальмин поймать на уху?

— Ладно, пару штук поймай. Если крупная попадется, то и одной хватит. С вермишелью и с картошкой сварим. Ты лучше мою блесну возьми, сразу хватанет.

— Зачем? На свою поймаю, — отвечает Дима, вытаскивая тонкое выструганное удилище, которое было аккуратно уложено внутри лодки вдоль ее борта вместе с моим точно таким же удилищем.

На противоположной стороне кустов, куда я ходил за таганом и дровами, послышался азартный лай Малыша. Лай стал быстро удаляться вниз, за кустами не было видно, за кем погнался пес.

— Пап, там не медведь? — спросил Дима, уже забредая в воду и разматывая удочку.

— На зайца, скорее всего, набрел, может, лису поднял.

— Точно, зайца гонит, чертяка, вон внизу, смотри! Заряди ружье, может, застрелим, он уже почти белый.

Снизу вдоль кустов по серому песчанику во всю прыть несется заяц. За ним на приличном расстоянии, прижав уши от напряжения, — Малыш. Он уже не лает. Заяц, не обратив на нас внимания, проскакал по краю влажных кустов и забежал в заросли в том месте, где я рубил палки. Не уменьшая скорости, забежал в кусты и Малыш. На удочке Димы заплескалась, поблескивая серебристым боком, крупная мальма.

— Это уже вторая рыба — первая, тоже большая, сорвалась у меня, когда я кричал и смотрел на зайца. Отвлёкся, не сразу среагировал, — сказал мне Дима, снимая рыбу с крючка. — Хватит одной или еще поймать?

— Да поймай еще одну, чтобы и на Малыша хватило. Котелок большой, уместится, — говорю Диме, а сам, высыпав клубни прямо в воду у берега, чищу картошку.

Едва Дима закинул удочку подальше на глубину, клюнула вторая рыба, помельче первой. Тем временем Малыш носился по кустам, очевидно, потеряв зайца.

— Пап, пойдём посмотрим, куда девался заяц, — подошел ко мне Дима.

— Да спрятался, наверное, куда он денется с острова? Почисти рыбу, пока я картошку опущу, сходим глянem, заодно Малыша приведем, а то будет шариться.

Увидев нас у кустов, Малыш подбежал, тяжело и часто дыша. С высунутого языка обильно капала слюна — как говорится, собачий пот.

— Возьми его на поводок, — сказал я сыну. — А то опять за зайцем погонится.

— Может, он рукав переплыл, в лесу отдыхает, посмеивается?

— Вряд ли. Если бы он мог, давно бы ушел с острова. Скорее всего, где-нибудь рядом прячется.

Идем по кромке кустов, обходя остров. Присматриваемся к каждой кучке отдельно стоящих кустиков, пучков травы, сухих палок.

Малыш возбужден, тянет Диму вперед, аж хрипит.

— Подергивай пожестче, чтоб не рвался.

Большую часть островка прошли, а зайца нет. Остается пройти верхнюю часть, где река разбивается на два рукава. У самого разветвления протоки от главного русла реки образуется небольшой изгиб. На этом самом изгибе, вернее, в бухточке, на сравнительно тихой заводи, недалеко от берега блестят три серых больших валуна, торчащих из воды. Когда мы проходили мимо них по берегу заводи, Дима, шедший рядом, со стороны воды, резко остановился и придержал меня за рукав.

— Смотри, вот он, — показал левой рукой на воду.

Метрах в трех от берега между камнями, прижав уши, затаился наш заяц и слегка покачивался, как пушистый серый поплавок.

— Давай собаку уберем, а то он прыгнет в воду, — негромко говорю Диме. — Стой на месте и не делай резких движений, пойду привяжу Малыша.

Дима быстро передал мне поводок, и я повел собаку к кустам. Выбрав куст помощнее, привязал Малыша, кинув около него свою легкую куртку: сидеть! Погрозил еще пальцем, сделав строгое лицо, и вернулся к Диме.

Заяц сидел в воде в прежней позе. Черные круглые глаза выражали явную настороженность. Мы тихо переговаривались с Димой, удивляясь хитрости и находчивости косоного. Заяц держался на плаву. Это было хорошо видно с берега. В том месте, где заяц плавал, глубина была около метра. Но как он держался в воде, не делая движений лапами? Для нас с Димой это осталось загадкой. А как оказался в воде? Скорее всего, прыгнул с берега на камень, выступающий на поверхность воды, а потом спустился в воду для пушей маскировки. Ай да заяц! Ну как убьешь такого хитреца?! Рука не поднимется. Мы с Димой посмеялись и, отвязав собаку, пошли к костру.

Пока бродили по острову, картошка сварилась, чайник начал остывать, костер прогорел. Пришлось запалить заново, чтобы сварить рыбу. После завтрака заменили винт и дозаправили бачок горючим.

День разгулялся. Не было ни малейшего дуновения ветра. Под далеким куполом синего неба висели редкие клубочки белых, как заячья шерсть, облаков. Ранняя мошка робко, но надоедливо гудела над ушами, порой забираясь не только за ворот, но и в глаза.

— Река обмелела, дождей-то давненько не было. А до Красовского нам еще переть да переть. Перекатов пять придется перетаскивать лодку волоком. А винт у нас один, если угрожаем, домой придется на веслах возвращаться, — говорю Диме, а он кормит собаку остатками ухи.

— Что ты предлагаешь?

— Выше устья Туромчи Гижига станет еще мельче, потому что Туромча вливает в Гижигу много воды. Может, дойдем только до устья Туромчи, в нее, в Туромчу и войдем. Поднимемся немного по ней и остановимся. И времени немного потеряем. Главное — охота не хуже, чем в районе Красовского и Ложниковского. Мы с дядей Мишей раньше так и делали, заходили в Туромчу и останавливались бивачком. Озер по обоим берегам полно, местный гуменник до самого отлета тут и жирует, ягод и прочего корма ему хватает. Утки и по реке, и на озерах тоже много. Думаю, мы здесь обоснуемся, за два дня наохотимся и нарыбачим вдоволь. Зато и ты эти места будешь знать.

— Давай, пап, так и сделаем, — загорелся сын.

Загружаем вещи и отчаливаем. Хотя мы уже не первое лето путешествуем по реке, выдавший виды руль-мотор «Вихрь» завелся, как говорится, с пол-оборота. Малыш невозмутимо уселся на носу лодки, как передсмотрящий.

Вот и слияние рек. В этом месте в весеннее половодье бушует длинный пенистый водоворот, опасный для резиновых лодок и мелких плотов. Поэтому люди и предпочитают останавливаться у слияния рек, чтобы, идя по берегу, провести «резинку» или плотик за трос через опасный участок.

Не сбавляя скорости, я пересек Гижигу и с ходу вошел в русло Туромчи, представляющее собой длинный глубокий плес. Три крупные ларги, гревшиеся после сытной рыбалки на теплых камнях, когда наша лодка поравнялась с ними, шумно бросились в реку, поднимая огромные фонтаны брызг. Эти крупные морские звери нередко поднимаются с моря вдогонку за кетой по реке на тридцать-сорок километров. Кету и мальму ларгам гораздо легче ловить в реке, нежели в открытом море. В прозрачной воде нам прекрасно видно, как нерпы удирают от лодки.

Плес кончился перед очередным перекатом, поэтому я причалил к берегу и заглушил мотор. Малыш спрыгнул в мелководье и побрел

к берегу. Все-таки он прихрамывает на правую переднюю лапу, хотя и ступает твердо. Зато всласть погонялся за зайцем.

— Приподними мотор, — говорю Диме, вылезая из лодки. — Немного отдохнем и будем тащить моторку по перекаату, а там снова заведемся, а Малыш пусть идет по берегу, еще чего не хватало, его на руках нести.

— Пап, а далеко еще до стоянки?

— Скоро уже. Кроме этого переката протащим еще один и остановимся на ночевку.

Стоянку устроили на правом берегу реки Туромчи, в устье неширокой глубокой речушки. Камни на дне темно-коричневые. Наверное, потому, что исток речки связан с болотом. По этой реке весной, когда она вскрывается, к озерам на нерест поднимается хариус. Водится в этой реке и щука.

Берег, к которому мы пристали, был разрушен некогда большими паводками, береговая терраса в этом месте высокая, не менее двух с половиной метров. Под береговой террасой, где мы остановились, — узкая полоска каменистой лайды. Бросив якорь на камни, мы с сыном вскарабкались наверх по рассыпающимся камням, чтобы осмотреться и хорошенько выбрать место, где ставить полог для ночлега.

Здесь, на террасе, есть крошечная полянка, окруженная густыми кустами карликовой березы. Кустарник не только густой, но и высокорослый. За ним проглядывалась большая лощина, от которой начинался лиственный лес.

— Ну что, на этой поляне будем обосновываться? Тут и до тундры рукой подать.

— Пап, давай лучше будем ночевать внизу, между речками, на открытом месте. Там и дров полно на косе. Выскочил из полога — и рыбачь. Вон, смотри, со стороны топольника какой песчаник тянется, наверняка там по ночам зайцы бегают. А на этой поляне что-то мрачновато. Никакого обзора. Около воды на открытой лайде и обдувает хорошо. А тут тучи мошки — ни раздеться, ни продохнуть, — убеждал меня Дима.

— Что же, давай так. Время обеда. Сейчас по-быстрому что-нибудь сварганим, попьем чаю и сходим в тундру, по ближним озерам. На косу, где будем ночевать, пока лодку перетаскивать не будем, чтобы времени не терять. Пообедаем прямо тут, под берегом, где лодка.

Быстро вскипятили чай, открыли пару банок говяжьей тушенки. Дима притащил обломок сухого бревнышка, бросил возле костра, чтобы сидеть на нем, а не на голых камнях. Таган стоял под самым береговым обрывом. Дима отложил свою банку с едой, встал и стал что-то трогать руками в мелких камнях, в толще берегового обрыва. Он скреб землю, отбрасывая камни под ноги.

— Что ты там ищешь? Видишь, камни сыплются в костер, в кружки попадают?

— Здесь какая-то железка торчит из земли. Камни плотно лежат, железка даже не шатается. И блестит. Давай в сторону посуду отодвинем?

Дима передвинул от костра чайник, кружки с чаем, хлеб и масло, обе банки с недоеденными консервами. Я с ворчанием взял пачку рафинада, прихватил рюкзак и перенес на новое место. Перенес бревнышко и, усевшись на него, продолжал прерванный обед. Какая железка может торчать на такой глубине, почти полметра от поверхности земли? Олений рог небось или окаменевшая лиственница?

Дима тем временем усердно ковырял рассыпающиеся камни ножкой от тагана. Вот он что-то начал расшатывать, пытаюсь вырвать, и повернулся с большой массивной ложкой, тускло поблескивающей на солнце, рассмеялся.

— Хорошая блесна из нее получится, тяжелая, — обрадованный сын присел у костра, все еще восхищаясь находкой.

— А ну-ка, дай сюда. Вот так ложка!

Массивная, с толстой длинной ручкой и объемным черпаком. По своим размерам она была раза в полтора больше обычной. Ручка длинная и широкая, и по всей ее длине рисунок в виде цветков на одном длинном стебле. И больше ничего. Из белого тяжелого металла, сверху небольшой налет из желтоватого металла, очевидно, это было покрытие. Ни единой раковинки и ржавчины, словно ее только что закопали в грунт.

Но в этом месте нет ни малейших признаков пребывания человека. Обыкновенный береговой обрыв. Мы долго восхищались находкой, терли ее о траву, очищая от прилипших песчинок.

— Ложка старая. Как оказалась на такой глубине? Возможно, много лет назад здесь был похоронен человек. А наши старики считали большим грехом присваивать вещи, предназначенные для умерших, и строго запрещали трогать захоронения. И нас с тобой это тоже касается.

— Ладно, пойду спрячу ее под корнями дерева на поляне. И пусть себе дальше лежит.

Дима проворно вскарабкался на террасу и тотчас вернулся. Скоро мы уложили поклажу в лодку и, взяв ружья, углубились в лес. День разгулялся. Ни малейшего дуновения ветра.

Душно, особенно в кустах и в лесу. Мошка тучами вьется над нами и налетает так, словно горсть снега швыряют в лицо. Попадает в рот, в глаза, несколько раз я выковыривал ее из ушей. Она умудряется залезть даже в рукав, под ворот брезентовой ветровки.

Вскоре вышли на открытое редколесье кочкарниковой тундры. Она вся ярко-красная и, кажется, вот-вот вспыхнет ярким пламенем. Наши предки верили, что яркие краски осени – к лютой зиме.

Мы пошли вдоль болотистого ручья, обрамленного с обоих берегов густыми зарослями кустов. Осока высокая, еще зеленая, местами полегла сплошным зыбким ковром, по которому ровной блестящей лентой течет глубокий, местами широкий и чистый ручей с озер. Таких ручьев много, целая сеть. И подолгу приходится искать брод, чтобы перейти их. В этих ручьях водится щука. По ним из одного озера в другое переходят гуси с выводками. Тут и уток много, и куликов, и бекасов. Впрочем, бекас – тоже кулик. Летом дичи раздолье, тут она в безопасности. В этих травянистых зыбунах, где корма много, попадают и лебеди-кликуны с выводками. В некоторых местах густая сочная травка как будто скошена, вырвана из влажной почвы с корнем. Это кормились гуси и утки, повсюду их помет. По густой траве проложены тропы-лабиринты, по которым птицы ходят от ручья или из озера на кормежку. Повсюду валяются маховые перья гусей и лебедей, в воздухе кружат пушинки.

С места чаевки мы прошли изрядно. Стало жарко от скорой ходьбы по мягкой почве. На большом бугре, то есть на огромной плоской кочке уселись передохнуть и остыть. Здесь много высохшей морошки, которая не опала, так и осталась висеть на кустиках-стебельках. Сочная и переспелая голубика – сладкая и лопается от малейшего прикосновения. Она до того вкусная и сладкая, что насытиться ею невозможно. В сырых мхах и террасах вокруг небольших озер в изобилии крупная шикша и брусника. В эту пору, после заморозков, самое время ее собирать.

Всюду виднеются жидкие кучки медвежьего помета чернильного цвета вперемешку со скорлупками орешков стланика. Такой цвет говорит о том, что звери питаются преимущественно ягодой и орехами.

Идешь по сплошному коврику шикши и брусники – он хрустит под сапогами. И брюки на коленях посинели: когда ешь ягоду, приходится наклоняться, опираясь на колени.

Жарко. Солнце давно перевалило за полдень. Мошка не дает передохнуть. Против солнца плохо видно в бинокль. Весь горизонт блестит и колыхается, сливаясь в единое марево. Большие и маленькие озера – в тихой ряби, бесформенными зеркалами расстилаются по обеим сторонам устья реки Хулындя.

У нас в планах нет намерения переходить на левый ее берег. Это слишком далеко и ни к чему. На нашем, правом берегу ничуть не меньше озер, а может быть, больше. Притом Хулындю не везде перейдешь. Глубоко. Вода темная, течение тихое и перекастов нет, наверное, поэтому эту речку и любит щука.

– Тут, за лесочком, под сопочкой, есть озерко. Хоть и небольшое, но богатое, в нем всегда бывают утки. Наверное, корма много. Очень травянистое: одна половина полностью заросла. Вот где уткам раздолье. Стрелять бессмысленно – не достанешь. А со стороны кустов чистая вода. Легко достанем. Наевшись, в чистой половине озера утки отдыхают. Я всегда подхожу от кустов. Мы с дядей Мишей разных уток добывали в этом озере немало.

Вот оно где должно быть. Лохматая, круглая сопочка, заросшая густыми высокими кустами. Самого озера не видно, оно приютилось в котловине, у самой подошвы сопки, и весь его южный берег окружен кустами.

Мы взяли правее, чтобы оглядеть озеро, маскируясь кустами. Нагнувшись, вошли в заросли. Трава здесь высокая, трудно разглядеть, что делается в воде. А тут еще и кусты мешают. Не выпрямляясь, снимаю рюкзак и накомарник, кладу на траву.

– Приготовь ружье и накомарник сними, – шепчу я Диме, – а то за кусты зацепишь. Иди за мной, сильно не приподнимайся.

Раздвигая руками траву, пробираемся между кустами. В их просвете заблестела вода. Не доходя до кромки воды, отклонились чуточку левее, где кустарник и трава пореже.

Опустившись на колени, я выставил ружье и подал знак Диме, чтобы поравнялся со мной. У самой воды берег пологий, окаймленный молодыми кустиками ивы. Высокая трава, как и кусты, разрежена, и хорошо просматривается озеро. На ровной глади воды сидят утки. Много, притом разные. Нас это приятно удивило. Под теплыми и нежными лучами закатного солнца некоторые утки прихорашиваются, приподнимаясь на лапы, похлопывают крыльями, перебирая клювами перья на груди.

Буквально перед нами спокойно дремлет несколько турпанов-самцов. На близком расстоянии хорошо видны желтые клювы птиц. Этих крупных черных уток эвены называют кекавками, то есть свистунами. Очень спокойные, к ним можно подкрасться поближе. Чуть правее кекавок плещутся чуткие шилохвосты. Ну эти птицы еще те! Охотнику практически невозможно подойти к ним незамеченным. Ближе всех, у самой кромки воды, на узкой темной полосе вздвинувшегося зыбуна кормится стайка чирков-свистунков. Временами красивое оперение этих маленьких уток поблескивает на солнце. Тут же между редкой щетиной осоки вертятся, словно желтоватые бумажные лодочки, кулики-плавунчики. Мы, эвены, называем их тёткянга-тэматы (кулик плавающий). Плавунчики, как и чирки, тоже кормятся. Птички что-то высматривают и выклеивают на темной поверхности воды. Возможно, ту же мошку, которая серыми клубочками кружится вокруг всего живого. Кулички давно услышали наши с Димой шорохи, а может, даже видят нас, просто не обращают внимания.

До уток близко. На таком расстоянии лучше не стрелять: дробь идет кучно и ложится, как пуля. Можно промазать. Нужно дать уткам отплыть чуть подальше.

— Ты будешь стрелять по шилохвостям, а я по турпанам, — шепчу Диме. — Стреляй дуплетом. Пальнем одновременно, я скажу, когда.

Мы приподнялись на колени. Утки насторожились и стали отплывать к середине озера, оставляя за собой темные полосы на тихой блестящей воде.

— Давай...

Выстрелили одновременно. Пара турпанов осталась на месте, один из них сразу перевернулся вверх брюшком. Дима сбил трех шилохвостей. Много уток сидело в траве, в озере, но мы их не видели, пока они не стали взлетать.

— Пап, и вправду хорошее озеро, а с виду невзрачное. Ну кто бы мог подумать, что тут будет много уток, — с восторгом говорит сын, сворачивая закидушку, с помощью которой он доставал уток.

Закидушка наша — вовсе не рыболовная снасть. Это небольшая, специально выструганная палка с металлическими шипами, выступающими над поверхностью на два сантиметра. Это не специально сделанные шипы, а просто шляпки прибитых гвоздиков. К этой палке привязан длинный тонкий шнур. Убитая дичь зачастую застревает в траве или в забуне недалеко от берега. В этом случае мы и применяем закидушку, которую носим в рюкзаке. Цепляем утку, словно граблями.

— Я это озеро давно знаю, еще студентом здесь охотился. Уток надо сразу ощипать, пока горячие: остывшая дичь плохо ощипывается, да кишки вытащить. Вечером останется опалить на костре, — говорю я Диме, забирая рюкзак и ружье, чтобы выбраться из кустов.

Расположившись на пышном сухом ягельнике недалеко от озера, начали обрабатывать трофеи. Управились с дичью быстро. Дальше в тундру, где мы надеялись найти гусей, решили не углубляться: солнце уже низко.

Привязанный около лодки Малыш весело завизжал, обрадованный нашим приходом.

— Отвяжи его, пусть побеждает. Сейчас спустим лодку вниз, заведем в основное русло, чтобы около нас стояла, — сказал я Диме, поднимая вверх голенища болотников.

С широкой длинной косы, где мы решили заночевать, прекрасный обзор. Тут, между двумя речками, как-то даже светлее. Сама Туромча просматривается вниз и вверх довольно далеко.

— Дима, потом будешь удочками заниматься, когда дела закончим. До темноты еще далеко, да и рыба перед сумерками отлично клюет. Я пойду рогатулины для натяжки полога вырублю, а ты займись

костром, дров натаскай. Уток надо будет опалить, на ужин сварим утиный суп.

У края леса, в самом широком месте «нашей» галечниковой косы довольно широкая полоса песчаника, которая перерезала всю косу от русла до Бурной речки, на берегу которой мы оставляли лодку, когда сегодня ходили в тундру. Так вот на этом песке множество свежих заячьих следов. На краю леса лежит толстый тополь. Внутри он пустой, толстый ствол при падении разломился на несколько кусков. На поломанных сучьях и тонких верхних ветках листва еще зеленая и сочная на вид. С виду дерево крепкое, но корни преждевременно пострадали от гнили. Кора на толстых сырых сучьях и сама вершина тополя обгрызены зайцами, вон кучки их катышков.

На песке видны и следы двух лосей. Один принадлежит крупному самцу, а второй, помельче, возможно, бычку. Здесь, на окраине леса и кустов, они отдыхали. Лежали долго, трава придавлена тяжелыми телами. Потом лоси снова углубились в лес. Впрочем, возможно, они ушли в тундру, на озера — лакомиться сочными болотными водорослями, где и мошка не так сильно донимает. О том, что оба зверя были самцами, можно было догадаться по форме помета, оставленного на лежанках: у самцов-лосей экскременты круглой формы, а у самок — овальной конфигурации.

Нарубив ровных тальниковых палок, я уже собрался было идти к месту нашего будущего костра, как услышал истошный лай собаки. Доносился он из междуречья, правее нашей лодки, прямо из центра косы, где Дима выдергивал из большого залома сухие палки на дрова.

— Пап! Быстрее иди сюда! В заломе выдра, она рычит. Ружье, ружье захвати! — кричит Дима и машет руками.

Я бросил палки у рюкзаков, где лежали и ружья, ускорил шаги. Лай Малыша стал глуше, наверное, пес залез в залом. Дима с палкой ходит вокруг высокой кучи наносника.

— Пап, быстреей, она может выскочить. Я видел выдру, она внутри залома. Малыш не может протиснуться за ней.

На ходу заряжаю ружье и еще не верю, что в заломе может таиться какой-то зверь. Вдруг из-под нагромождения сухих деревьев, сучьев, пней и всякого рода обломков и палок выскочила темно-коричневая выдра и пружинистыми прыжками помчалась к реке.

Малыш тут же догнал, навалился на зверька. Выдра, громко рыча, ловко вывернулась из-под собаки и, как змея, обвила шею Малыша. Тот по инерции, а может, от силы выдры, вместе с ней с визгом перевернулся через голову, тут же встал на лапы и отскочил в сторону. Но и выдра не растерялась: слетев с шеи собаки, помчалась к воде. Дима ударил ее по спине, сухая палка сломалась. Малыш тут же схватил выдру за шею, но она ловко вывернулась, освободившись от зубов

собаки. Обвив шею Малыша большим живым шарфом, снова сбила с ног преследователя. Тот завизжал. Выдра во время схватки, как и Малыш, все время рычала. «Как бы не задушила собаку», — мелькнуло в голове.

Обрубком палки Дима два раза ударил выдру. Малыш опять отскочил в сторону, зверек тотчас же рванулся к воде. Река была уже рядом. Не успела собака в очередной раз схватить зверька, как выдра рывком оттолкнулась от камней и, как лыжа, пронеслась по мелководью, нырнув затем в стремнину.

Обозленный Малыш, не поняв, куда девалась выдра, побежал вниз по берегу, но, никого не обнаружив, примчался к нам. Ухо его кровоточило у основания.

— Пап, а что ты не стрелял? Надо было стрелять, у меня-то палка сломалась, — тараторил Дима, разгоряченный и взволнованный не меньше Малыша.

— Боялся в Малыша ненароком попасть: они с такой скоростью крутились — не прицелишься. Да и ты рядом. Как тут выстрелишь?! А в воде стрелять бессмысленно: она даже смертельно раненная нырнет.

— Все-таки здорово они с Малышом схватились! Вот уж никогда не думал, что выдра такая сильная и свирепая, и рычит страшно, — удивлялся сын.

— Мне тоже не приходилось видеть. Был на Оломоне случай, когда две собаки не могли сладить с крупным самцом росомахи. Тогда у меня был карабин, и я тоже не смог выстрелить: боялся попасть в собак, пока шла борьба, росомаха же, все время обороняясь, дотянула до огромных валунов размером с палатку, нырнула под камни. А там, под камнями, она — хозяйин. Выдра тоже крупная, очевидно, зрелый самец.

— Ладно, ушла так ушла. Что бы мы с ней делали, если бы убили? Хлопот по горло. Может, в капкан кому-нибудь попадется зимой...

— Сегодня будет заморозок: видишь, небо какое чистое и ветерок северный. Полог поставим на горячих камнях.

На ужин сварили утиный вермишелевый суп. Он получился жирный и очень вкусный.

— Пап, пока ты будешь обжигать камни под палатку, я на веслах перееду на ту сторону. С того берега хорошо рыба плещется, наверное, хариус.

— Долго не уди, а то темнеть начинает. Малыша не отпускай и ружье возьми. Я пока обжиг сделаю и сырых веток и травы на подстилку принесу. Как вернешься, полог поставим.

Я взял из костра пару толстых горящих палок, положил на крупные камни, разжег большой костер. Принес еще сухих дров и разложил так, чтобы площадь костра была большой, под весь полог.

Когда костер разгорелся, я нарубил сырого ивняка, нарезал ножом сочной, еще не успевшей высохнуть высокой травы. Все это уложим на горячие камни, поверх постелем брезент, и будет греть всю ночь, как большая печь. Внутри полога будет тепло и ароматно от сырого ивняка и травы. На брезенте портянки и носки подсохнут. В кукулях жарко будет спать. Я всегда так делаю, когда ночую в сильные заморозки. Были бы дрова, а сырой кустарник всегда найдется, чтобы на горячие камни положить.

На том берегу слышались два выстрела. «Уток стреляет... Откидаю костер и пойду крикну», — подумал я.

Все горящие концы палок я перенес в костер, где варили еду, сгреб в кучу горящие головешки и придавил плоскими камнями, чтобы быстрее потухли. Взял ружье и пошел на речку. Вижу, Дима идет по той стороне к лодке. В обеих руках ноша, а впереди бежит Малыш. Вытянули лодку на берег.

— В кого стрелял? — спросил я у Димы.

— Пару крохалей сбил. Летели низко над водой, не разобрался в сумерках, что за утки. Три так и ушли вниз, а этих Малыш достал. Знал бы, что крохали, не стал бы стрелять, — говорил Дима, доставая из лодки свой улов.

— Ну убил так убил, не выбрасывать же! Их надо добывать весной, по прилету. Они сейчас рыбой пахивают. Лучше уж рыбу сварить.

— Кстати, я трех хариусов поймал и двух мальмин. Одна большая, думал, кижуч клюет. Оказалась мальма.

На горячие камни, убрав костер, быстро настелили ветки, на них сено, сверху раскинули тонкий брезент, в который заворачиваем наши шмотки. Поставили четыре ножки, в каждой по три палки, скрестив за роготулины, и у основания придавили камнями. В пологе четыре угла и в каждом по длинному шнуру, натянутому на ножки. Получилась маленькая палаточка. Управились быстро. Годами выработанная привычка помогает даже в мелких делах.

Скинув сапоги, я заполз в полог. Дима подал мне несколько камней: края полога изнутри придавить, затем спальные и остальные вещи.

— Пап, ружья возьми, я проверил — они не заряжены.

Закончив все, я выбрался из полога. Уже окончательно стемнело. На западном небосклоне, над самым горизонтом, угадывалась тонкая полоска угасающего заката.

— Подбрось в костер дров и подогрей чай, — говорю Диме. — Печенье с маслом достань. Попьем перед сном. А я пока желудки у крохалей вырежу, а то протухнут: у них там все непереваренной рыбой забито. У этих уток желудок надо сразу удалять.

Попив чаю, привязали собаку к бревну, притащенному от залама, и по очереди забрались в полог.

— В каком-то рюкзаке в кармашке есть обломки свечей. Посмотри-ка, — попросил я Диму.

— Да, нашел.

Я взял у Димы горящую свечу.

— Ты пока укладывайся, а я буду светить. А потом я буду ложиться. Я фонарик в бардачке лодки забыл, да и батарейки, наверное, сели, — сказал Дима. — Пап, вот здорово! Как в палатке с печкой: тепло и такой аромат, будто летом в зеленой траве спим в жаркую погоду.

— Ладно, спи, завтра рано вставать. По прохладцу на озера пойдем, может, гусей увидим. В тундре тоже нужно уметь ночевать — хоть зимой, хоть летом. Особенно охотнику.

— Да, пап, как в тундре хорошо. Особенно осенью и весной, — отвечает Дима уже в полудреме.

Через несколько мгновений уже спит, посапывает. Умаялся за целый день-то. Незаметно заснул и я.

В середине ночи злобно залаял Малыш. Наверное, медведь набрел. Дима тоже проснулся.

— Папа, Малыш лает. Ружье заряжать?

— Не надо, — нащупываю ружье с патронташем.

— Пап, ты жаканами заряди: вдруг медведь.

Малыш по-прежнему громко лаял. Я выполз наружу в одном трико и босиком. Ночная прохлада вмиг согнала сонное оцепенение. Дробью зарядил оба ствола и подошел к собаке. Продолжая лаять, пес оглянулся на меня и повернул морду в сторону бурной речки, на берегу которой мы вчера пили чай, когда Дима нашел ложку.

— Дима, я выстрелю в воздух, не напугайся.

Направив стволы ружья вверх, я выстрелил в сторону речки. В ночной тишине раскатистое эхо разнеслось по ближнему лесу. Напуганные выстрелом, взлетели и закричали чайки, спавшие внизу на косе. В стороне нашей лодки, звонко крикнул и тотчас умолк кулик. Малыш успокоился и, зевнув, улегся на подстеленную вчера солому.

Ночь стояла тихая, звездная и по-осеннему прохладная. Ноги на холодных камнях замерзли. А в пологе тепло и уютно, лесной аромат.

— Пап, на кого он лаял?

— Да лось, наверное, бродит...

Когда проснулся, в пологе было уже светло. Глянул на часы — начало шестого. Вылив воду из большого старого котелка, направился к лодке, чтобы почистить рыбу и, нарезав, принести в котелке: надо сварить: иначе она завянет и пропадет зря.

Сполоснув котелок, набрал свежей воды и начал чистить рыбу, нанизанную за жабры на упругую тонкую иву, выдергивая ее по одной из связки. Рыба жирная, особенно хариусы, все желудочки покрыты жиром. Такие желудки, поджаренные на костре, очень вкусны. И сейчас я их не выбрасываю, а, распоров, выполаскиваю содержимое и тоже кидаю в кастрюлю.

Слышу какой-то шорох. Звонкий, жесткий шум. Оглядываюсь: на той стороне реки, выше меня, к воде идет лосиха с сохатенком, поотставшим от матери. Лосиха забрела в воду и, повернув горбоносую голову, стала смотреть на теленка, очевидно, поджидая его. Сохатенок, войдя в реку, опустил голову: видимо, пил. Все это время мать ждала его, осматривая местность. Я чувствовал ее пристальный взгляд на себе. Лосиха не могла не видеть меня и лодку, но никак не проявляла тревогу. Однако через какое-то время, разом глянув в мою сторону, лоси быстро побрели по плесу к нашему берегу. Они быстро прыгнули на травянистый берег и тотчас же скрылись в лесу.

Я оглянулся в сторону полога. Малыш волок бревно в мою сторону. Я не стал его отпускать: погонится за лосями, потом жди его! Сварив уху и подогрев суп, разбудил Диму. День обещал быть солнечным и ясным. И ни малейшего ветерка. Это уже хуже: благодать для мошки. Эта «живность» до первого снега будет порхать. На заморозки ей начать.

— Пап, а ты давно встал? Я как уснул ночью, так больше и не просыпался. Спал как дома. Внутри полога и сейчас теплынь, камни и ветки еще теплые.

Рассказал ему о лосях. Сын пожалел, что я не разбудил его раньше, а то бы он тоже увидел лосей.

— Откуда я мог знать, что они выйдут к реке. Хотел крикнуть, да побоялся, что Малыш залает, и они убегут.

Покончив с завтраком, мы собрали рюкзаки и пошли на озеро. Малыш, сидевший всю ночь на привязи, носился сломя голову. На выходе в тундру он поднял выводок куропаток. А чуть дальше, около ручья, взлетела стая дальневосточных кроншнепов. Эти длинноклювые кулики — самые крупные, перед отлетом, как и гуси, кормятся ягодой. Но сейчас не до них. Надо гусей поискать, пока не улетели в теплые края. Гусь-гуменник, жирующий на переспелой сочной голубике, сейчас в силе: очень жирный — весеннему перелетному не чета.

Идти легко. Еще держится утренняя прохлада. Багряно-красная тундра дышит таинственным покоем. Пожелтевший убор лиственниц еще не начал осыпаться. Незаметно и быстро дошли до «вчерашнего» озера.

Сняв ружья и рюкзаки, сели отдохнуть. Перья, которые мы вчера выщипывали, разбросаны, желудков утиных нет: видать, лиса подобрала или пернатый хищник сажился. Отдохнув и поостыв, двинулись

дальше по берегу того же большого ручья с множеством извилистых рукавов и глубоких бухточек, которые расходятся и через очередной поворот вновь соединяются в единое русло. Малыш бежит впереди и уже несколько раз поднимал уток.

Вот и первое большое озеро. В длину с километр, в ширину — метров четыреста. Из него вытекает речка, по берегу которой мы шли. По всей блестящей озерной глади спокойно плавают стаи уток. Озеро раскинулось в большой котловине, с обеих сторон прижато буграми, которые тянутся с ближних сопок. В озеро впадают два ручья, берущие исток от подножий ближней каменистой горы. На берегу озера, откуда вытекает речка, высится большой травянистый бугор, на вершине которого растут три хилые молодые лиственницы.

Рядом с ним, в стороне от озера, как вздутые волдыри, громоздятся участки земли, от которых в разные стороны тянутся зияющие зловеющие трещины. В них видны прозрачные стены льда. Эти самые бугры-волдыри подняты линзами векового глубинного льда. И трещины тоже образовались при гигантской силе давления льда из-под земли.

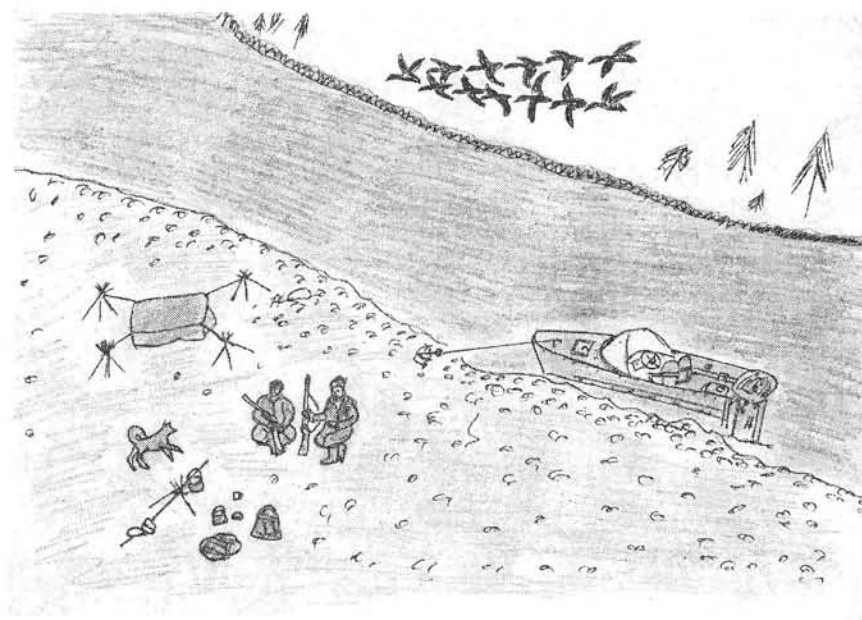
Берег озера песчаный, мелководный. Такие места любят гуси. И обзор у них здесь хороший. Это место, как и озеро, мне знакомо: в разные годы приходилось тут охотиться.

Поднявшись на бугор, где растут три чахлые лиственницы высотой не больше двух метров, мы сбросили рюкзаки и сели отдыхать. Здесь, на макушке сопочки трава высокая, есть ямки, в которых можно сидеть. Если не шевелиться, летящие гуси не заметят. Рюкзаки от птичьих острых глаз мы тщательно укрыли травой.

— Пап, Малыша надо привязать.

— Пусть побегаёт, гуси собак не боятся. Даже тяготеют к ним. Проявляют агрессию, но, похоже, принимают за «своих», вольных зверей. Часто бывает, делают круги над собакой, снижаясь при этом, особенно если собака белой или серой масти, а Малыш вон какой темно-серый.

— Мы посидим пока тут, отдохнем. Обедать пойдем на другой конец озера: там старый горелый стланик, дров много. Рано еще, гусь на кормежке. По берегам озера, на буграх и в ложбинах сейчас много голубики, и гуси кормятся. Пространство большое, мы можем их просто не видеть, пока не взлетят, — объясняю Диме. — Видишь, за тем концом озера маленький невысокий перевальчик между сопочками. За перевальчиком большая впадина. Там два других больших озера, меж ними узкий красивый перешеек. Там тоже бывают гуси. Если тут не получится, после обеда пойдем за перевальчик. Из тех озер за перевалом тоже вытекает речка, которая впадает в Наумку. В те озера весной поднимается на нерест хариус. А в озере рядом хариуса нет, зато щуки полно. Через этот перевальчик весной летят гуси и осенью,

бывает, перелетают от тех озер сюда, — рассказываю сыну. Я перематываю портянку, а Дима рассматривает в бинокль окрестности.

— Пап, тихо! Гуси кричат! — он хватается за ружья и, пригнувшись, тихо шепчет: — Справа, со стороны бугра летят. Не шевелись: низко летят, прямо в нашу сторону.

Малыш, шаставший по берегу озера, услышав крики гусей, помчался к нам, чем привлёк внимание пернатых и спровоцировал интерес, а может быть, и агрессию стаи. Птицы с гвалтом пикировали прямо на нас. В следующий миг большая стая гусей-гуменников «накрыла» нас. Мы оба выстрелили дуплетом. Один гусь гулко шлепнулся около Димы, второй упал у подножия нашего бугра, третий, отвернувшись от стаи, упал в кочкарник на том берегу ручья. Стая круто развернулась и, набирая высоту, полетела в сторону водораздела озер и скрылась за перевальчиком, о котором я только что говорил Диме.

Взбалмошный и возбужденный Малыш с лаем помчался за тем гусем, который упал за речкой.

— Сходи за ним, а то порвет. Прикрикни на него, — говорю я сыну, спускаясь с бугра за вторым гусем.

Пока Дима переходил речку, Малыш нашел гуся.

— Малыш! Ча-а-а! — крикнул Дима и погрозил собаке посохом. Обрадованный сын принес третьего гуся.

Когда мы стреляли, с небольшого травянистого озера на том берегу поднялась еще одна стая. И тоже полетела за большой стаей за бугор. Гуси, поднявшиеся с сухого озера, сидели в яме. Поэтому мы из бинокля их не видели.

— Я почему-то был уверен, что будет удача. Надежда такая была. И Малыш помог, не сплеховал. Он самый настоящий несыч (везучий, удачливый), — восторгался Дима.

Гуси были тяжелые. Дима выдернул несколько перьев на груди одного из трофеев, и там все было бело от жира. Клювы и лапы гусей выкрасились битой голушкой.

— Надо их ощипать. Остынут — сало будет вырываться вместе с перьями, — напоминаю Диме.

— Жаль, поблизости дров нет. А то здесь бы и чаю попили, и гусей опалили.

— Ничего, целых полдня впереди. Сейчас ощиплем и пойдем на угол озера, к стланику.

Когда шли к месту чаевки, от берега отплывали и отплывали утки, да так близко! Но нам уже было не до них.

Пока я обрабатывал гусей, Дима вскипятил чай, разогрел банку тушенки, да и отварная рыба была. Поев и попив чаю, накормили собаку. Гуси отличные — весь желудок в жиру. Держу их над костром — жир течет в костер и шипит.

— Трех гусей мне тяжело будет нести. Одного тебе в рюкзак засунем.

— Хорошо, пап, о чем разговор!

На обратном пути к стоянке несколько раз отдыхали. С нашего озера, где вчера мы стреляли уток, спугнули еще несколько птиц. Придя к пологу, попили чаю и стали собираться. Загрузив вещи, походили еще у нашего гостеприимного и теплого очага и отплыли домой.

ЗА ХВОСТ СЕРОГО РАЗБОЙНИКА

Двое суток бушевала пурга. Снега напало выше пояса. Олени с трудом добывали корм. Пришлось перегонять стадо на ближайшие возвышенности, там снежный покров не столь мощный.

На рассвете пастухи обнаружили на пастбище задранный волком оленя. Большая часть туши была съедена. Волчьи следы уходили в сторону невысоких холмов за ближними распадками. По свежевыпавшему рыхлому снегу сытый хищник не уходит далеко, чтобы ночью вернуться и продолжить трапезу.

По следу пошли молодые пастухи бригады — Семен и Николай. Передвигаться было тяжело даже на лыжах: по колену утопали в пушистом снегу. Пока были силы, сравнительно быстро дошли до

распадка. По обоим берегам реки тянулись мелкие лиственницы, встречались пятачки небольших озер. Глубокая, слегка запорошенная борозда волчьего следа пересекала ручей. Значит, волк ушел на следующий большой ручей, там тальник гуще. Не дойдя до следующего ручья, хищник повернул на юг, к реке Туромче. Там недалеко виднелась небольшая сопочка. Волк — зверь ушлый, даже в непогоду не устраивает лежку в низинах. Видимо, решил уйти на дневку, поднявшись вон на тот видневшийся изолированный бугор, похожий на человеческую голову.

Посоветовавшись, ребята решили, что Николай остается на следу, не доходя до сопки. Почуввав опасность, волк вернется по своей тропе, чтобы затем вырваться в горы. Северный склон хорошо просматривается в бинокль, зверя там, в редком ольховнике не видать. Следы ведут прямо к сопке.

Семен, проваливаясь в пустоты полегшего под снегом стланика, поднимался на сопку. Южный склон с небольшой котловиной, тянувшейся до самого основания бугра, был покрыт довольно густым высоким ольховником. Едва заметный след вел вниз, в эти заросли. Хищник где-то здесь, в этих кустах.

Опираясь на палку, чтобы не скатиться в завалы занесенных кустов, Семен начал спускаться боком, взяв правее волчьего следа. Остановился, чтобы осмотреться и перевести дыхание.

Тихо. Следы терялись в высоких зарослях ольхи. Навел бинокль на подножие сопки. Там, где кончались кусты, проваливаясь в снег, прыжками уходил волк. Далековато — пуля долетит, но в зверя не попасть. Переведя прицельную планку на дальний выстрел, Семен воткнул лыжную палку в снег. Приложив к ней ствол, чтобы руки не дрожали, выстрелил.

Волк по-прежнему мелькал в редколесье. Надо спешить. Пастух закинул карабин за спину, проваливаясь в снег, заскользил по волчьей колее. Лыжи не держали на рыхлом снегу. Пот застилал глаза. Пройдя не менее полутора километров, Семен остановился перевести дыхание и осмотреться. Вытер лицо шарфом.

В просвете лиственного редколесья, как тень, мелькнуло продолговатое тело. Волк, периодически переходя на шаг, спешил прочь. Стрелять сейчас — только пулю тратить. Вот он в русле ручья, и не видно, чтобы вышел на другой берег. «Прошивая» небольшие озерки, ручей уходит на реку Туромчу. По берегам ручья могут быть плотные надувы, волк может воспользоваться ими. Надо идти правее, чтобы сократить путь, срезав значительный изгиб русла.

Вот и ручей. Следов не видно. Семен перешел ручей. Возможно, он опередил зверя или волк все-таки пересек овраг и затерялся между деревьями. Может, вот-вот вынырнет в поле зрения.

Подождав немного, Семен пошел берегом ручья вверх. Вот и наклоненная над оврагом большая листовенница. Ее хорошо видно с того места, откуда Семен пошел наперерез волку. Где-то здесь он должен был пересечь ручей. Да, вот он, след.

Скрывшись в русле, волк действительно двигался по нему вниз, незаметный издали. Вот он остановился и, потоптавшись на месте, развернулся и пошел обратно по своему следу. Зверь почуял, что параллельно ему идет человек, ветер как раз дул от Семена. Умный зверь решил вырваться из замкнутого круга. Хорошо, что за сопкой остался Николай. Хоть бы не сошел куда в сторону, не пропустил волка в горы.

По лыжне идти стало легче, но, уходя по ручью, волк увеличил разрыв. В просвете деревьев он пока не заметен. Сопку, откуда Семен начал преследовать волка, уже хорошо видно. Оптика бинокля запотела, но можно было разглядеть хищника у подошвы бугра, слегка повернувшись, тот глянул на преследователя, рванул на подъем по своему следу и тотчас скрылся в кустах.

Семен выстрелил вверх, чтобы предупредить напарника. Поднявшись на вершину сопки по своей лыжне, он повернул влево, где волк должен был выйти наверх из зарослей. Следа не было. Осмотрел подножие сопки сверху, и там не видно. Неужели все-таки затаился на склоне, в ольховнике? Семен скатился к подножию по своей лыжне, чтобы подниматься по следу волка.

Зверь поднимался по склону строго по своему следу. Вот и лежка, откуда Семен первый раз поднял зверя. А это что? Чуть выше полузанесенной лежки, под поваленными кустами стланика зияет большая свежевыкопанная снежная нора. Значит, здесь он, в норе под снегом. Семен снял карабин с предохранителя. Волк мог выскочить из норы в любой момент, а мог скрытно уползти далеко в сторону. Под сугробами и полегшим стлаником снег зернистый и рыхлый, и без особого труда можно двигаться под настом. Как горячий нож сквозь масло — есть такая поговорка.

Надо снять лыжи, а то потеряешь равновесие, грохнешься в сугроб. Осторожно подойдя к выходу норы, Семен прислушался. Тихо. Внутри норы полумрак, никого. Семен встал на колени и выстрелил в темноту норы. Пуля со свистом срикошетила, попав под снегом в мерзлый ствол стланика. Было бы слышно, если бы задела зверя.

Нельзя его упустить. Не каждому выпадает такой шанс. Иначе сколько еще наделает бед в стаде!

Семен пяткой лыжи стал откапывать снег по ходу норы, прощупывая палкой ее направление. Прокопал уже более двух метров, а лабиринт под ветками стланика тянулся дальше. Подошел Николай.

— Я уже устал тебя ждать. Слышал два выстрела, думал, ты его убил.

Николай с карабином наготове встал поодаль от Семена на тот случай, если волк выскочит из-под снега. Семен продолжал раскапывать, подложив под себя одну лыжу. Пробив наст между толстыми стволами лежащего под снегом стланика, ударил ногой, расширяя отверстие. Плотный кусок снега провалился в пустоту между кривыми стволами. В образовавшейся щели мелькнул серый толстый хвост зверя. Отбросив камусные рукавицы, Семен обеими руками ухватился за хвост и, упершись ногами в торчащие корни, с силой потянул на себя, заламывая хвост за толстый изогнутый ствол стланика, на котором он сидел. Волк рванул, хвост скользнул по стволу куста, но Семен не выпустил. Ограниченное пространство в норе не дало зверю рвануться в полную силу. Он сам себя загнал в ловушку. Волк попытался, пытаясь развернуться, но Семен крепко удерживал заломанный хвост.

— Стреляй в снег позади меня, там голова, — крикнул Николаю.

Два выстрела почти слились. Семен почувствовал, как зверь дернулся, обмяк. На всякий случай подергал хвост, зверь остался неподвижен.

Короткий зимний день клонился к закату. Усталость одолевала ребят.

В ПУРГУ

Лето и осень 1986-го года в Северо-Эвенском районе были дождливые. На Охотском побережье, в районе Гижигинской и Наяханской губы часто стояли туманы, затрудняющие работу оленеводческих бригад на равнинной тундре побережья. Я работал в то время зоотехником совхоза «Расцвет Севера», одновременно исполнял обязанности ветеринара и был закреплен за пятой и девятой бригадами. Расстояние между ними было значительным для пешего хождения, а гонять трактор ради одного человека из бригады в бригаду было непросто, да и экономически невыгодно. Поэтому в начале лета я взял с собой лошадей: крепкого, молодого, привычного к полевым условиям мерина Якута и молодую необученную кобылу Зорьку, надеясь приучить ее к седлу.

Помощником у меня был Борис, только что окончивший школу. Тогда из-за дождей и туманов летовка у нас затянулась. В обеих бригадах к 20 сентября изрядно недосчитались оленей. Пастухи вели поиски отколов. Иногда им давали Якута и Зорьку. Да и сами мы с Борисом как могли помогали оленеводам. Запас овса для лошадей у нас кончился, но в пойменных местах еще было достаточно зеленой травы, особенно хвоща, и лошади не голодали. Еще раньше я заметил, что на чистых водоемах, на сочных травах лошади всегда хорошо

набирают вес, хотя и много ходят по тундре. Обычно ветеринарные специалисты и раньше держали в бригадах в летнее время лошадей не только на побережье, но и в отдаленных бригадах. Например, на реке Омолон.

Только к середине октября пастухи обеих бригад сказали, что стада собраны и можно делать просчет. Сначала мы просчитали оленьей бригадира Ивана, потом выехали в бригаду Андрея – на исток Туромчи, под перевалом Кварцевый. После просчета стада мы на день-два задержались в девятой бригаде, чтобы оформить текущие документы, а уж затем выехать в Гижигу.

Шла третья декада октября. На реках уже были забереги, но водоемы оставались открытыми. Внезапно пошел снег, запуржило, и за сутки выпало снега по пояс. Оленям-то ничего, а вот лошадям гибель: весь зеленый корм ушел под снег. Перегнать лошадей на центральную усадьбу совхоза, к кормам – тоже непросто.

На пару с Борисом мы вынуждены были с утра до вечера ходить с лопатами по берегу речки, откапывая траву. Лошади понимали, что мы ищем им корм, ходили за нами следом, терпеливо ждали. Лошадь – животное крупное, это не олень, и сухая трава, которую можно откопать – им на один зуб. К вечеру мы, усталые, возвращались к палаткам. Женщины давали понемногу муки, и мы заводили в тазиках болтушку лошадям.

Несколько суток крутила пурга, валил снег, появились заносы, лошади мерзли, на ночь их укрывали брезентом вместо попоны. Иногда ночью голодные Якут и Зорька уходили на речку, где мы работали лопатами днем, пытались сами раскапывать траву, но снег налипал на копыта комьями размером с большой чайник – не то, что копать, с места не сдвинуться, и они стояли, как прикованные, пока не собьем молотком лед с копыт. О перегоне лошадей в центральную усадьбу теперь уже и речи быть не могло.

Лошади начали худеть. Я передал по радию на центральную усадьбу, чтобы в бригаду вездеходом привезли прессованное сено, овес и старые одеяла – кормить и укрывать животных. Я сказал руководителям совхоза, что погоню лошадей в поселок только после вездехода, когда пробьет дорогу, иначе им не дойти. Тем более что на перевалах и сопках образовались плотные надувы, сугробы. Но мне дали категорическое указание немедленно перегонять лошадей в село, не ждать вездехода, он будет не скоро. Мы были вынуждены выехать из бригад своим ходом.

Что и говорить, лошади не могли передвигаться по глубокому снегу. Мы старались идти по руслу речки, по воде, вниз по Туромче. Обулись в болотные сапоги, подняв голенища. По воде и нам, и лошадям идти легче. Поднимались на берег только для того, чтоб обойти глубокие места, крупные валуны. В первый день прошли километров

семнадцать и заночевали на берегу в густом топольнике. Погода вроде бы установилась, ветер стих, ударил морозец.

Вечером перед ночевкой раскопали ногами в лесу немного травы, дали Якуту и Зорьке по несколько лепешек. У нас были продукты, понемногу сахар, масло, мясо и лепешки. С рассветом продолжили путь вниз по Туромче. Река стала глубже, течение сильнее. К тому же Туромча поворачивала в сторону реки Гижига, на восток. А нам надо было держать направление на юг, в сторону реки Вархалам. Поэтому во второй половине дня пошли вверх по правому притоку Туромчи, ручью Кэнгын. К ночи поднялись на водораздел Кэнгына с речкой Хивагчан, там и заночевали – как раз на истоке Кэнгына, в небольшой котловине, окруженной стлаником вперемешку с ольхой. В этой котловине было небольшое озерцо, снег неглубокий, а по берегам из-под снега торчала свежая мерзлая осока.

Пока раскапывали снег, чтобы разжечь костер и устроить ночлег, лошади с хрустом жевали осоку. Перед рассветом небо опять затянулось плотными тучами, не видно было звезд. Подул порывистый юго-восточный ветер. Мы наспех попили чаю, поели мерзлых лепешек и двинулись дальше. По пути открытых водоемов уже не предвиделось, поэтому мы переобулись в торбаса. Сапоги запихали в рюкзаки и привязали к седлам.

За эти два дня одежда на нас обледенела, но холода мы не чувствовали, потому что все время шли пешком. На перевале с Кэнгына на Хивагчан снег местами сдуло ветром, стало легче. Километров пятнадцать спускались по Хивагчану, переходя с одного берега на другой. Лошади передвигались с трудом. Кое-где на кочкарниках торчала сухая трава, которую мы расчищали ногами и какое-то время отдыхали, чтоб дать возможность уставшим лошадям немного поесть. В среднем течении реки Хивагчан снегу было много, лошади устали. Нам пришлось поворачивать вправо, чтобы подняться на отроги, ведущие к хребтам сопки, цепью тянувшихся к истоку реки Чотлова.

По сопкам лошади застревали по брюхо, не доставая до твердой земли. И тогда, чтобы вызволить животное из сугроба, нам приходилось ногами разбивать наст, чтобы дать лошадям встать на ноги.

Темень застала нас на южном склоне хребтов, где берет начало река Чотлова, левый приток Вархалама. В ручье с глубоким плотным снегом мы заночевали под торчащими кустам стланика. Вырыли себе нору: выгребли снег до земли и настелили лап стланика. Кое-как разожгли небольшой костерок – дров не было, не было и корма лошадям. Сами попили чаю, поели мерзлого вареного мяса, дали по лепешке лошадям, которые ничего не ели весь день. Здесь, на склоне горы, и подавно ничего съедобного для животных не сыскать.

Опять повалил густой снег, ветер усилился, под снегом нам было не так холодно, как лошадям, до рассвета они простояли, скрючив-

шись, голодные. О костре и чае думать уже не приходилось. Когда посветлело, начали спуск с горы, чтобы скорее выйти на равнину. Лошади сильно ослабли, особенно молодая Зорька. Устали и мы, временами у меня кружилась голова. Сильно пуржило. Видимость ухудшилась, все был затянута снежной пеленой.

Спустились на исток Чотловы, там началась открытая тундра. Кое-где в пойме реки встречались отдельные редкие кустики тальника, стланика и ольхи. На выдутых местах торчали головки больших кочек, на которых трепетала сухая трава. Якут жадно щипал ее, а Зорька сильно ослабла: дрожала, горбилась и пыталась есть, но очень вяло.

Пурга настолько усилилась, что видимость сократилась до 35–50 метров. В снежной круговерти единственным ориентиром была речка. Благо, я ее хорошо знал, как и весь путь, проделанный от бригады. Мы вымотались так, что добраться до Гижиги или Эвенска, да еще в такую погоду и не мечтали. Пределом желаний было достичь Вархалама, избушек сенокосчиков, где стояло сено в стогах, еще не вывезенное хозяевами.

Зорька слабела с каждым километром. Я впереди вел Якута, за которым медленно, пошатываясь, плелась кобылка. Ее уздечка была закинута к седлу. Борис обеими руками подталкивал лошадь за круп, вдобавок поддерживал за хвост, помогая сохранять равновесие. Переходя ручей за ручьем, мы вдвоем помогали ей выбраться на другой берег.

Через некоторое время она уже не могла переставлять ноги, остановилась на открытом бугре и отказалась идти. Мы сняли седло, продукты с рюкзаком Бориса, перегрузили на Якута. Впереди чернела масса неушедшего под снег стланика, за которым Зорька могла еще как-то укрыться. Подталкивая и поддерживая, довели ее до стланика. Она осталась стоять с подветренной стороны.

Нам было жаль ее, но другого выхода не оставалось, мы и сами могли погибнуть. Одежда на нас хоть и теплая, но обледенелая снаряжи. Рукава ватных курток застыли и с трудом сгибались в локтях.

Я повел Якута. За нами шел Борис. Он тащил и наш карабин. Прошли еще километра три, Якут обессилел, копыта его обледенели, я пытался сбивать лед обухом ножа.

В устье небольшого ручья, в кустах с Якута сняли седло и уздечку. Рюкзаки с сапогами, котелком и оставшимися продуктами мы взгромоздили себе на плечи и уже без лошадей пошли вниз по реке, по правому берегу.

Прошагали часа два. В какой-то момент снежная круговерть утихла, впереди, метрах в трехстах на берегу стало видно какое-то черное пятно в виде большого камня. Я крикнул сквозь ветер:

– Боря, смотри-ка, что-то внизу чернеет. Может, это трактор или вездеход? – Мне показалось, что оно шевелится.

– Скала, наверное. Откуда здесь в такую погоду может быть техника? – ответил Борис сквозь шум ветра. Снегопад усилился и закрыл неопознанный объект. Я велел Борису стрелять вверх: все-таки здесь таких камней не должно быть. Не одни мы плуруем в пурге.

Раза четыре Борис пальнул вверх. Мы ускорили шаги. Когда снежные заряды поредели, мы увидели то темное пятно уже не у левого берега реки, а на террасе правого. То был трактор с санями, он поднимался на бугор. Кричать или стрелять было бессмысленно, все равно нас из кабины трактора никто не услышит. Мои силы были на исходе, поэтому я сказал Борису:

– Боря, беги наперерез. Если не догонишь, нам будет очень худо.

Долговязый Борис был хорошим ходоком, где бегом, где быстрым шагом припустил туда, где по моим расчетам должен быть зимник на Омолон. Тракторист, должно быть, держит на него курс. Маячивший на подъеме трактор и побежавший к нему Борис тут же исчезли в снежной мгле. Я встал на след трактора и пошел по нему. Сил будто бы прибавилось. Конечно, я опасался за Бориса, сможет ли он на изгибе дороги опередить трактор, вся надежда только на него. Пройдя примерно километра полтора, я увидел остановившийся на дороге трактор с санями, напрег последние силы. Рядом с трактором никого не было видно. Когда подошел ближе, дверца кабины приоткрылась, выглянули смеющиеся Борис и тракторист Николай Иванович:

– Быстрее, быстрее! Скорее!

Я подал руки Николаю Ивановичу, и он втянул меня в кабину.

Тепло! Между рычагами картонная коробка, в ней большой термос с горячим чаем, котелок с отварной мальмой, открытая банка тушенки, вареные куриные яйца, галеты, сливочное масло, нарезанный хлеб. Разгоряченный и довольный Борис пьет горячий чай. Кабина хорошо утеплена, с обогревом. Тракторист в одном свитере, без шапки, как и Борис. Они помогли мне снять мерзлую ватную куртку.

– Вы давайте сперва кушайте, пейте чай, а уж потом будете рассказывать.

Мы поели, попили чаю, согрелись, обменялись информацией.

Он вчера рано утром выехал из Гижиги, заночевал по дороге. В пурге дороги не видно. Догнали его только благодаря тому, что задержался на левом берегу реки, когда искал переезд. Еще бы немного, и мы разминулись бы. Буквально по какой-то случайности перед тем, как переключиться на высокую скорость, он приоткрыл дверцу, чтоб посмотреть на сани. Окна-то снегом залепило. И тут же в пятидесяти метрах увидел бегущего наперерез человека. Не понял. Будто привидение. И сразу остановился. Присмотрелся: Борис, с испугу не спросил, откуда в тундре в такую пургу. В поселке он слышал, что нас застала зима в бригадах с лошадьми. А то, что из бригад выехали, не знал.

— Я ведь тоже еду в те бригады, откуда вы идете, везу продукты, печки и новые палатки. А вам теперь придется ехать вместе со мной обратно в бригады — куда же вы денетесь? В бригаду мы все равно приедем только завтра, а то и послезавтра. В перевалах надуло много снега. А нам теперь до темноты надо добраться до Вархаламских Ворот, там в лесу и заночуем.

К сумеркам мы добрались до леса, поставили палатку на берегу реки, где было много сухих дров, заночевали в тепле, правда, до полуночи сушили одежду. У Николая Ивановича была радиостанция «Карат», связались с диспетчером совхоза в поселке: мол, попали в пургу, ослабевших лошадей пришлось оставить по пути, и, как установится погода, в совхозе надо будет организовать поиски, чтобы попытаться спасти животных, если они еще живы, ведь остались в открытой тундре без корма.

Только на исходе второго дня мы без саней (не смогли поднять на перевал истока Вархалама на ручей Ирукал, который впадает в р. Туromча с правой стороны) добрались до девятой бригады, которая стояла на истоке Туromчи. На четвертый день из Гижиги прибыл вездеход. Установилась ясная, морозная погода. На этом вездеходе мы выехали на центральную усадьбу, чтобы по дороге посмотреть те места, где были оставлены в пургу Якут и Зорька. Лошадей найти не смогли, пурга сравняла все ямы и ручьи. Кусты, за которыми укрылись лошади, тоже полностью занесло снегом, только верхушки стланика торчали из сугроба. Вся тундра была бела, как бумага.

После нашего приезда на центральную усадьбу руководство совхоза заказало вертолет, в котором я облетел всю местность, где застряли лошади. Увы!

На следующий год в июне пастухи пятой бригады нашли объединенные зверями лошадиные скелеты. Побелевшие кости лежали в тех же местах внутри кустов, где мы и оставили Зорьку и Якута. Там же валялись седла, разорванные медведями. Через два года, будучи в пятой бригаде, я посетил место, где лежат кости моих верных коней.

ХАНГРЫ ДЕЛГЭННЫ (ЧЕРНЫЙ ВОЛК)

— Кунгал бэйдэ гонивэн ыстын долдываты. Ыркы тынив хисечин Гондидыву, оюр, хилкычавыр эйду ивгэсын, ысимэ долбы удильдин (Скажешь детям, никогда человеческого совета не послушаются. Ведь говорил я вчера вечером: все постиранные вещи занесите, ночью дождь пойдет), — сквозь сон слышу негромкое ворчание Ивана, бригадир пастухов.

— Ян, удылрини? Хисачинкы, кисэин бисин, хуклэсындидыкыт (Что, дождь пошел? Вечером-то небо чистое было, когда ложились

спать), — отозвалась Марфа, жена Ивана, убирая растянутый внутри палатки полотно.

— Удылринэ, хуссигчин нгынрын, хилилрин. Танмари ялида эсни ичур, эсоми болгиг долиин нокутын (Моросит, словно нарочно брызгают. И туман — ничего не видать, аж внутри стлаников висит), — ответил бригадир, неторопливо продолжая разжигать костер в юрте.

— Тынив-лу Влада кэдыкарными хилкатыдыди, талит хетакагли, эйду нокрин, нян таридит ингамтыв, тэвлеритын, нядаламак ымритын, тэмикы омгычал ыстын бис (Вчера Влада с подругами после стирки развесили белье на кустах и сразу ушли за морошкой. Возвратились поздно, поэтому и позабыли), — объяснила Марфа мужу, чтобы дед не упрекал девочек за промокшие на дожде вещи.

Одеваясь в своем положе, я невольно слушал разговор пожилых супругов — деда Вани и бабы Марфы, как их ласково называли дети в родном стойбище. Выбрался из палатки, и будто окунулся в стремнину ползущего со стороны моря серого, как зимний день, белесого тумана, прогнавшего остатки сна. Мелкая, плотная, как из сита, морось ударила в лицо. Тундра вокруг оленеводческой стоянки, кусты, протекающая рядом река — все утонуло в тумане. Он заполнил ямы и распадки, поглотил силуэты гор, дымился во всклоченных макушках кочек. Не сумел закрасться туман только внутрь брезентового жилья, в ситцевые пологи.

Хотя уже близился конец июля, комары не уступали в своей ярости колкому, моросящему дождю. Они немедленно облепили серой массой мне лицо, шею, уши, прокусывали рубашку. Кое-как умывшись в мелком прозрачном ручье, протекающем рядом с палатками, вернулся в юрту. Жилье у Марфы и деда Ивана устроено таким образом, что сначалаходишь в просторную юрту, где располагается костер, над которым висят кастрюли с едой, чайники, гирлянды юколы: она сушится и коптится одновременно. Здесь же хранится вся посуда, стоят небольшие самодельные столики. А в глубине юрты находится вход в палатку, частью стоящей в юрте, частью — на улице. В палатке топится жестяная печка, висят спальные полога.

— Недавно, когда светало, прибежали три нями (важенки), постояли, похоркали и снова убежали. Телят своих ищут, потеряли где-то ночью. Услышал их, вышел посмотреть. Очень сильный туман. Как бы чего не случилось, — сказал как бы между прочим, за чаем бригадир Иван.

— Так просто важеньки не станут бегать, без телят. Наверняка стадо раздвоилось в тумане или в кустах. Могли волки напасть, или медведь напугал. Попробуй, разгляди сейчас — зверь бежит или олень, — так же негромко отвечаю Ивану.

— Вечером, когда мы пригнали стадо, олени сытые были. После ягеля согнали на речку, там обильная зелень и водопой хороший.

Многие олени уже стали ложиться, особенно телята, приходилось поднимать, посохом тыкать. Стадо, должно быть, долго отдыхало около палаток. Устал вчера на дежурстве, да и нездоровилось, кости ломило – наверное, к непогоде. Поэтому рано улегся, даже не слышал, как стадо уходило на пастбище, – говорит бригадир, переливая очередную порцию чая в блюдце.

– А я, наоборот, поздно лег спать. Уже около часа ночи. Стадо стало подниматься.

– Геннадий и Костику сказал вечером, чтобы ночью стадо держали на ягеле, на холмиках между Чотлавой (эвенское название скребка для обработки кожи) и Хитани. Зелени-то олени днем поели вдоволь. К тому же около речки медведь может напугать. Ночью в кустах олени и сами насторожены, чуть что – шарахаются друг от друга, – рассуждал бригадир, закуривая папироску. Он перевернул свою чашку вверх дном, давая понять, что закончил чаепитие.

– Ху, чаюруивыр одысы? Тэк кубыкылби нонгдимыси (Вы чаепитие закончили? Сейчас буду чайники доливать), – спросила Марфа, подбрасывая в костер стланиковый сухой хворост.

– Кунгалнян, чаюрудатын тэвдэи. Амрык мялдир, Влада-я Наташа-гли, укыл илыды (Детям чайники ставь. Влада с Наташей уже встают), – ответил Иван и сказал уже мне: – Наверное, надо будет идти в стадо, ребятам на помощь. Вдруг и вправду стадо разделилось. Если туман долго не рассеется, непросто будет стадо соединить.

– Конечно, о чем речь. Надо идти. А куда?

Иван уже снимал портянки с перекладины над костром.

– Давай так. Я пойду вверх по левой стороне Вархалама, по большой террасе, вдоль полосы стлаников. Дохожу до устья Хигичана и сворачиваю в сторону Хитани. А ты, Константин, иди вниз по левой же стороне Вархалама и, дойдя до ручья Нябурга (Подслеповатый), свернешь резко в сторону Чотлавы и двигайся вверх по правой ее стороне, до устья Хитани. Там на старых стоянках и встретимся. Таким образом мы с тобой замкнем ночное пастбище. Там, в районе устья Хитани, и должно находиться стадо с пастухами, да и на откол больше вероятности наткнуться, – сказал Иван и ушел, не дожидаясь ответа.

– Мухала! Эм! – крикнул он, удаляясь от палатки и на ходу закидывая старенькую «мелкашку» за спину.

Черная оленегонка по кличке Мухала пулей вылетела из чрева юрты и, радостно взвизгнув, помчалась за хозяином.

Ружье я не стал брать. В такую сырость таскать двустволку тяжело, хотя... Да нет, не буду брать. Схватил посох, прислоненный к углу палатки, и зашагал по явтаку (лежке) стада, наступая на густую скользкую массу свежего помета.

Вскоре вышел на крутой берег реки, который постепенно перешел в высокий скалистый яр. К каменной стене основания яра вплотную прижата река. Глубокая оленья тропа, набитая с давних времен, тянется по вершине яра очень далеко, иногда обрываясь, наверняка, до самого моря. Ею пользовались многие поколения оленеводов. Так же, как и я, в такую же сырость, а может, и солнечным днем, споро ходил по ней и отец мой, и предки мои, тоже оленеводы. С вершины яра мне хорошо видно, как небольшие косячки кеты, преодолевая сильное течение, проплывают рядом с берегом вверх по течению. С высоты в чистой прозрачной воде рыбыны кажутся светло-голубыми. И эти серебристые рыбы тоже многие века вот так же, в солнечную и ненастную погоду, неутомимо поднимаются по реке, чтобы, пройдя свой нелегкий долгий путь, войти в родные нерестовые плесы и протоки для продолжения рода.

Большой выводок утят-каменушек выплыл из-под скального выступа и так же, как стаи кеты, преодолевая течение, устремился за матерью-уткой к противоположному берегу. Им, уткам, неохота покидать свое излюбленное место. Возможно, здесь они и родились – у угрюмого и неприступного яра. Птенцы усиленно и быстро хлопали крылышками по воде, и мне показалось, что они бегут по поверхности воды. Таких уток местные охотники называют «хлопунцами».

Скоро уже конец длинного яра, а уже оттуда река круто поворачивает вправо, на юг, и мне уже не резон держаться берега. Я пойду влево, в сторону Нябурга (Подслеповатого).

Дождь прекратился, но туман по-прежнему висел над рекой и лесом, курился по ямам и медленно катился над тундрой в сторону высоких сопок, цепляясь за отдельные холмы и бугры. Стало жарко. Но опущенный на лицо накомарник не поднимаю: комары кусают нещадно. На мне поверх тоненького свитера надет прорезиненный зеленый плащ, длинные голенища болотных сапог подняты. Поневоле вспотеешь.

Вот и ручей Подслеповатый. Тут отдохну. Сам ручей узкий, но глубокий, с высокими берегами, начало берет из небольшого глубокого озера с зыбкими берегами. Вокруг озера – истока Нябурга – всегда много морошки. Притом ягода вся, как на подбор, крупная. Наверное, потому, что почва влажная. Вся тундра вокруг озера красна от ягод, словно волшебный ковер расстелили.

Каждое лето в районе озера выводят потомство несколько пар серых канадских журавлей. И сейчас далеко над туманной тундрой раздаются в стороне озера громкие крики кидыррук (журавлей). Хорошо им: ягоды нынче много уродилось.

Закатав сапоги и распахнув плащ, я уселся на сухом бугорке на террасе ручья, под реденьким кустом кедрового стланика. Стланик невысокий, свежих шишечек на чахлых ветках, местами тронутых

желтизной, не видно. Вероятно, этот одинокий куст, выросший на каменистой возвышенности на краю болотистой тундры, хворает.

Многолетние скитания по тайге и тундре приучили меня прибегать к маскировке в полевых условиях, подчас без надобности. Скорее всего, это уже привычка. Закон природы: не любой зверь выберет место лежки на открытой, хорошо заметной местности, иначе будет обнаружен.

Этому же меня с детских лет учил покойный отец. В свое время он был не только оленеводом, но и прекрасным охотником на лося, снежного барана.

— Проходя по закустаренной и пересеченной местности, стоит часто оглядываться, — говорил он. — Спускаясь в низину, надо убедиться, не идет ли кто по твоим следам, к примеру, голодный зверь. Путнику нежелательно устраивать ночлег около тропы, где на спящего человека может набрести «худой» медведь. А одинокому охотнику, который припозднился, не рекомендуется ночью без особой надобности жечь костер: в ночной темноте ярко мерцающий огонек виден далеко и может привлечь внимание непрошенного гостя.

Разгар лета, и маскироваться у меня нет надобности. Просто сел отдохнуть около куста стланика. Из-за периодически набегающего тумана видимость плохая, поэтому я не стал даже доставать из футляра бинокль, все равно толком ничего не разглядишь.

Внизу, в стороне устья Нябуруга-Подслеповатого слышались громкие крики разлетающихся куропаatok. «Лиса гоняется в кустах за выводками», — отметил машинально. Сидел, вслушивался. Ни шума оленей, ни окриков дежурных пастухов. Чуть ниже меня, на противоположной террасе ручья, в белесой плотной завесе тумана мелькнул продолговатый темный силуэт. Пестун или прошлогодний теленок, отбившийся от стада?

Какой-то зверь медленно, с остановками шел снизу по тому берегу, следуя по склону росистой террасы. Голова его была опущена низко к земле: вероятно, принюхивался к следам оленей или кормился на ходу. Я придвинулся ближе к кусту. Кто же это? Собака? Да нет. Уж больно крупный. Вот он в очередной раз остановился. Теперь четко видны опущенный хвост, голова. Да это же волк! Притом, мощный. Но почему черный? Смолисто-черный! Вот это да! От неожиданности я буквально врос в скудный пучок стланика, благо зеленый дождевик слился с зелеными иглами. В какой-то момент дивный черный волк остановил свой зоркий взгляд на моем убежище, но вскоре снова двинулся вперед, опустив голову и принюхиваясь к неведомым запахам. Вот он поравнялся со мной, он почти подо мной. Нас разделяет только крутая терраса, на вершине которой я сижу, да сам ручей Подслеповатый.

Вдруг волк резко встрепнулся, словно его ударили невидимой палкой, гибко, длинными прыжками помчался вверх на террасу. Уже наверху зверь бросил беглый взгляд вверх по ручью и тотчас скрылся в белом молоке тумана. Я быстро встал и посмотрел в ту же сторону. В ручье поблизости никого не было видно. Что же так сильно напугало волка? Меня зверь не обнаружил, приняв за стланик, спокойно посмотрел в мою сторону и продолжал идти, увлеченный запахами на земле. И вот убежал. Главное, и ветра-то не было. А может, только для меня не было ветра? Возможно, какие-то колебания воздуха, не ощутимые для человека, в атмосфере все же присутствовали, и предательский в подобных случаях ветерок донес-таки запах человека до острого нюха зверя?

Я, конечно, пожалел, что не взял с собой оружия, хотя до сих пор не знаю, выстрелил бы или нет. Но редчайший был бы трофей. Никогда не приходилось раньше видеть чудо-зверя, тем более так близко. Правда, пастухи рассказывали, что прошлой зимой видели двух таких. Я и верил, и не верил, может, люди видели одичавших собак, либо метисов. Теперь-то своими глазами вижу волка черной масти. И не в отдалении, а рядом. Волка с собакой не перепутаешь, уж мне-то за долгие годы работы в оленеводческих бригадах приходилось видеть серых хищников, и довольно-таки часто. Не только живых, но и убитых. Как зоотехнику приходилось участвовать в отстрелах с вертолета, так что ни пастухи, ни я не ошиблись. Это действительно были черные волки.

В ту ночь, вернее, на рассвете, стадо, напуганное важенькой, раскололось надвое и разбежалось в тумане. А получилось так. Уже светало, когда дежурные пастухи уложили сытых оленей отдыхать. Скученное стадо быстро угомонилось. Олени, в первую очередь телята, сразу уснули. Некоторые, закрыв глаза, жевали жвачку. Гена и Костик развели костер и, вскипятив чайник, начали пить чай, когда одна старая важенька поднялась и, оставив спящего на краю стада теленка, пошла к ближайшим кустам покормиться. Вскоре, испугавшись чего-то, неожиданно для крайних оленей выскочила из тени кустов и быстро помчалась к лежащему стаду.

Сонные животные, не разобравшись, кто бежит, помчались в сторону открытой тундры. На пути бегущих оленей оказалась полоса кустов. Стадо, обходя кусты, раскололось на две части. За меньшей частью помчался Костик, а вторую половину стал преследовать Гена. Стадо удалось объединить уже на наледи Чотлавы, намного выше устья Хитани.

В этот пасмурный день стадо пригнали к палаткам под вечер. Туман рассеялся, и только вершины сопков все еще плотно окутывали белые покрывала...

БУЙНЫЙ ПАССАЖИР

В молодые годы я работал старшим зоотехником-селекционером в совхозе. Вызывает меня однажды директор в выходной день в контору. Ну, думаю, снова в командировку. А я ведь только что вернулся из двухнедельной поездки: сопровождал трактора с дизтопливом и продовольствием на промбазы Ирбычан и Коргычан.

Была у нашего директора привычка начинать разговор издалека: как, мол, здоровье, а зима нынче снежная выдалась, с волками туго стало, ну и так далее. Потом и к главному перешли:

— Ты, Константин Алексеевич, у нас опытный зоотехник, в экстерьер и конституции животных хорошо разбираешься. Нам надо поголовье молочного скота обновлять. Который год в собственном соку варимся. Эта же проблема и в соседних хозяйствах — «Пареньском» и «Путь Ленина». Звонил в Магадан, в управление сельского хозяйства. Советуют закупить племенного быка в совхозе «Среднеканский», перевезти в Гижигу морем из Магадана. Морем — не близкий путь. Как бы не загубить «золотое» животное. Может, самолетом привезти до Эвенска или Чайбухи, а летом на плашкоуте в Гижигу? Но кто будет ухаживать за ним, пока лето придет? Аренду самолета управление сельского хозяйства может частично оплатить. В общем, так... Вот тебе, Константин Алексеевич, персональное задание. У нас сегодня что? Воскресенье. Так... В среду, к концу рабочего дня зайдешь ко мне с готовым планом заброски племенного быка из Сеймчана в Гижигу. Продумай хорошо, до деталей. В одном вопросе свое решение я принял: доставку быка тебе поручить. И решение, как говорится, обсуждению не подлежит. В помощники себе сам подберешь одного или двух человек, любого откомандирую. Если нет вопросов, тогда давай за дело.

В среду вечером с планом прихожу в кабинет к директору. Пригласил он всех своих замов. Допоздна обсуждали мой план, и с некоторыми поправками он его одобрил. Теоретически план был предельно прост: доставить быка из Сеймчана на вертолете, в прочной деревянной клетке. А помощников не надо.

Десятого февраля я вылетел из Гижиги в Магадан, а тринадцатого — в Сеймчан. Остановился в общежитии совхоза, в селе Колымское. В Эвенск вылетел из Сеймчана только 30 марта. Несколько дней ушло на подбор быка. Из двух десятков выбрал бычка симментальской породы по кличке Север, трех лет от роду, трех центнеров весу.

Обследовал, обмерил бугая, съездил в аэропорт, замерил ту часть салона Ан-2 и вертолета Ми-8, где будет находиться четвероногий пассажир. Заказал в стройцехе хозяйства прочную разборную клетку из толстых досок и трап. Совхоз передал мне быка. Уход и кормление были за мной, два раза в день выводил подопечного на моцион, чтобы

быстрее привыкал ко мне. В первые дни мне помогал скотник, потом я один стал управляться.

Нрава Север был злобедного. Требовались особые меры предосторожности. Возле фермы я сколотил настил и установил на него клетку. В те времена буханка хлеба стоила копеек пятнадцать-восемнадцать, и не было сложно каждый день покупать две, чтобы скормить Северу. Некоторое время бык отказывался подниматься на настил, и мне приходилось заманивать его хлебом. Дней через двенадцать он стал без боязни всходить по трапу на настил, заходить в клетку. Внутри клетки установил маленькую деревянную кормушку, в которую засыпал комбикорм. Потом я клетку переставил на низенькие тракторные сани, на которых возили силос. На них и задумал везти Севера в аэропорт.

Трехлетний бык с солидной массой — сильное животное, и затаскивать его в самолет — работа не из легких. Носовое кольцо не стали вставлять: может сдуру вырвать. Зато изготовили крепкий недоуздок, а рожки я плотно забинтовал и сверху залепил изолентой.

Быстро прошел февраль, начался март, подготовка операции, вернее, начальный ее этап проходил как будто бы неплохо. Позвонил в Гижигу директору, доложил, что готов к перелету, теперь дело за арендой вертолета, нужно подавать заявку. Но мне сказали, что загрузки до Сеймчана нет, вертолет может пойти порожняком, что нецелесообразно. Сеймчан дает самолет Ан-2, он без лыж, на колесах, поэтому в Гижиге сесть не сможет, лишь в Чайбухе либо в Эвенске. Поэтому придется брать Ан-2, на нем забросить быка до Эвенска, там перегрузить на вертолет Ми-8 и на нем лететь в Гижигу.

Наступил день вылета. Сутки продержал я Севера впроголодь. Совхоз дал мне в помощники четырех рабочих. К семи часам собрались на ферме. Быстро закинули клетку на сани, закрепили как следует. Север спокойно поднялся на сани и вошел в клетку. Дул порывистый, но не холодный ветер, шел снег. В отделе перевозок сказали, что погода портится и надо поторапливаться с погрузкой. Но в Эвенске погода хорошая. Там вертолет уже ждет.

Вывели быка на полосу. В незнакомой обстановке он нервничал. Пока рабочие устанавливали клетку в салоне самолета, я подвел Севера к забору рядом со зданием аэровокзала и привязал к столбу: устал его удерживать. За основание рогов мы привязали две прочные капроновые веревки, третий конец продели в кольцо недоуздка, за который я вел быка, а за две веревки, справа и слева, держали рабочие. С ходу, не останавливаясь, я поднялся по трапу и вошел в самолет, подтягивая веревку. Без колебания поднялся по трапу и Север. Клетка была установлена левее от входа, перед лесенкой, ведущей в пилотскую кабину, чтобы, войдя в салон, бык мог повернуться влево и войти в

открытую калитку. Не ослабляя веревку, вполоборота я встал у клетки, чтобы сразу войти в нее впереди Севера.

Бык, засунув голову в салон, остановился, как вкопанный. Что такое? Неужели испугался? Нет, похуже. От догадки, вмиг пришедшей в голову, я похолодел. Север не входил в проем двери, зацепился за фюзеляж передними выступами плечевой кости. Оказывается, замесить проем двери я в прошлый раз забыл. Клетка разборная – собрать и разобрать можно. А быка?

– Не отпускайте и держите веревки, он не входит, – крикнул я рабочим. – Пусть тихонько пятится назад, – и, обхватив быка снизу за шею, начал подталкивать назад.

Север мотнул головой и ударил меня рогом по правой щеке, содрав кожу. У меня искры посыпались из глаз. Хорошо, что рога забинтованы, да и удар пришелся вскользь. Север стал пятиться назад, поскользнулся, слетел с трапа и ударился боком о бетонку. Я прыгнул за ним. Бык поднялся. В это время к нам подошли две сотрудницы из перевозок и закричали:

– Что вы тут корриду устроили?! Минут через пятнадцать мы закрываемся, так что поторапливайтесь.

Откровенно говоря, я был в растерянности и не знал, что им отвечать. Рабочие молча переглядывались, держась за свои веревки. Пилоты тоже были в недоумении.

– Что случилось? Отказывается заходить?

– Нет, хуже. В двери не проходит.

– А намного не входит? – спросил пилот.

– Сантиметров двадцать пять примерно, – отвечаю.

– Тогда все будет о'кей, – заверили летчики.

Тем временем Север, мотнув головой, рванулся в сторону стоявших женщин, те закричали и побежали. Пытаясь остановить быка, мы рванули за ним следом. Ботинки у меня скользили, я был как на коньках, двое из рабочих упали. Бык проволока нас почти до здания аэровокзала. «Придется возвращаться в совхоз и заказывать вертолет», – думал я, ведя Севера к самолету. Пилоты отвинчивали какие-то шурупы в фюзеляже вокруг входного люка. Возле самолета стоял ящик с набором инструментов. «Нашли время, когда ремонтом заниматься», – подумал я.

– Подержите-ка быка в сторонке, – сказал командир.

Обходя нас стороной, к самолету вернулись женщины из перевозок.

– Ну вы будете взлетать? – кричали они сквозь вой ветра пилотам. – Мы сейчас закрываемся. Видите, что делается?

– Сейчас, девчата, мы мигом, – отвечали те. – Лишь бы в Эвенске и по «дорожке» погода не подвела, да еще ваша помощь потребуется: затолкать быка в салон.

Ветер усилился, снег пошел плотной белой массой.

– Готово, ребята. Сказано – сделано, – крикнул нам пилот.

Оказывается, пилоты расширили люк сантиметров на двадцать пять. Один из рабочих быстро закрепил трап, и я решился повторить маневр. Провел быка по взлетной полосе неподалеку и сразу направился к самолету. Не замедляя шаг и не давая слабину, вошел в салон. Бык дернул вперед-назад веревку, но чувствовалось, что он осторожно поднимается по трапу. Я повернулся у калитки и начал подтягивать веревку. Осторожно переставляя ноги, бык шагнул в салон, а я – в клетку.

– Север, давай! – проговорил я как можно громче, но бесстрастно, а сам тяну веревку на себя, чтобы развернулся в сторону калитки.

Гремя копытами по дюралевой обшивке пола, Север вошел в клетку. Выведя концы веревок наружу, я выбрался из клетки и закрыл ее на обе щеколды. Пилоты показали, где и как привязать быка. Взревел мотор, набирая обороты, и самолет вырулил на взлетную полосу. Бык заметался. Я встал рядом, со стороны головы, держась за клетку, чтобы не упасть. Самолет помчался по взлетной полосе и быстро оторвался от бетонки. В иллюминаторы ударила сплошная стена снега, и как-то сразу стало темно.

Началась сильная болтанка. «Аннушку» кидало вверх-вниз. Север испугался, или его укачало. Он стал кидаться вперед, ударяясь лбом в переднюю стенку клетки, потом его резко бросало назад, он летел то в одну стенку клетки, то в другую. От своих же рывков падал на колени, вскакивал, никак не мог найти устойчивое положение.

Добротно сколоченная и надежно стянутая со всех сторон клетка трещала по швам. От тяжелых рывков капроновые веревки звенели, как гитарные струны. Казалось, бык попрыгивает крепежные кольца на борту самолета. Корпус Ан-2 – с уклоном от пилотской кабины к хвосту, поэтому и клетка стояла с креном назад. Такой уклон к хвостовой части и не давал быку на всю мощь ринуться головой вперед на переднюю стенку клетки. Из-за этого же уклона копыта скользили по выструганному полу клетки, не давая опоры, и, бросившись вперед, бык припадал на колени. Полы стали еще более скользкими от обильной мочи и навозной жижи, а ведь перед вылетом я держал Севера на диете.

Я был крайне напуган поведением животного. Понимал, что если поломаются клетка, бык порвет веревки или вырвет страхующие кольца на фюзеляже не столько силой, сколько своим весом. Тогда его начнет бросать по салону, он ринется вперед или его по инерции занесет в хвостовую часть самолета, а это не дай Бог.

Пилоты с беспокойством поглядывали из кабины на творящееся в салоне, что-то мне кричали, но я улавливал лишь отдельные фразы. Командир корабля махнул мне рукой, чтобы я поднялся в кабину:

— Костя, держи его, успокаивай, как можешь. Мы без лыж, на колесах, ты сам видел, случись что — не сядем. К тому же под нами горы. Будем в сторону моря выбираться, пойдем вдоль берега. Делай что-нибудь.

Север полулежал на согнутых в запястных суставах передних конечностях, тяжело дышал. Из приоткрытого рта обильно текла пена. Когда я подошел к клетке, покрасневшие глаза злобно сверкнули. Клетка расшаталась и перекосилась на бок. Хотя бы выдержали веревки! Нельзя наблюдать и ждать. Бык сам не успокоится. На окрики перестал реагировать, продолжает неистовствовать... Входить к нему в клетку? А что еще?

Я нащупал в кармане пальто перочинный нож с массивной деревянной ручкой. Прикинул, смогу ли в случае крайней необходимости проткнуть кожу на бычьей шее. До мозжечка вряд ли достану, а вот до яремной вены, пожалуй, смогу.

Самолет резко бросило вниз, пол ушел из-под ног. Потеряв равновесие, бык полетел вперед, ударился головой о переднюю стенку клетки и вышиб две доски, одна из них переломилась пополам. Падая, бык наступил левой передней ногой на ослабевшую веревку и не смог встать, лишь привстал на правую переднюю конечность, согнутую в коленном суставе.

Снова болтанка. Самолет кидало то вниз, то вверх. К горлу подступила тошнота, во рту стояла горечь. Держась обеими руками за клетку, я присел на колени. На лбу выступил холодный пот. А у быка обе задние ноги были отведены назад, он не мог встать, как ни старался. Копыта скользили по полу, залитому экскрементами.

Немало лет прошло с того памятного для меня полета, но я все не пойму, как тогда созрело дерзкое и опасное, но единственно правильное решение. Быстро размотав длинный кусок веревки, я отрезал его ножом, завязал подвижную петлю, открыл калитку, заскочив в клетку, схватил левую заднюю ногу быка, накинул петлю, стянул ее и выскочил из клетки.

Опершись ногами о клетку, я сильно натянул веревку. Бык забил ногами, пытаясь встать, завалился на правый бок. Я с трудом удерживал веревку, несколько раз налетал всем телом на клетку. Руки без перчаток болели. Север тяжело дышал. Улучив момент, я набросил веревку на выступающий толстый конец пола клетки и завязал.

Отрезав еще один кусок веревки, завязал такую же петлю, осторожно зашел в клетку, приговаривая: «Север, хорошо! Хорошо, Север!»! Перешагнул через растянутую заднюю ногу, быстро наклонился, взял левую переднюю ногу и накинул на нее петлю, согнул конечность

в запястном суставе и сел верхом на быка, чуть позади лопаток, чтобы избежать удара головой или задними конечностями.

Притихший было Север, ощутив мою тяжесть, попытался вскочить, стал бить ногами, колотить головой об пол. Я чудом удержался. Чтобы не выпустить веревку из рук и не слететь при очередном рывке, я лег на быка. Когда он, немного успокоившись, стал отдыхать, мне удалось-таки накинуть петлю и на правую переднюю конечность и затем зафиксировать передние ноги, связав их вместе.

— Наконец-то!

В любом случае бык теперь не сможет встать на ноги, если даже вырвет веревку у меня из рук.

— Молодец! — сквозь гул мотора услышал я крик из пилотской кабины. Приподнял голову, пот градом катился по лицу. Пилот показывал мне сжатый правый кулак с поднятым вверх большим пальцем.

Бык тяжело дышал, бока его вздувались. Силача изрядно укачало, к тому же он устал не меньше моего. На мои отутюженные выходные брюки страшно было смотреть: определить их цвет было невозможно, да и свитер весь был в бычиной шерсти. Левая коленка ныла, руки саднило, поцарапанное лицо стянуло. Я боялся лишний раз шевельнуться, чтобы не беспокоить быка. Руки немели, но слабину я не давал.

Обе передние ноги быка были спутаны и согнуты в коленных суставах, поэтому Север периодически пытался их выпрямить. Временами это ему удавалось, но я возвращал их в прежнее положение. По углам рта у Севера по-прежнему пузырилась кровавистая пена. Откуда кровь? Язык повредил или губы об пол разбил? Ничего, как говорится, до свадьбы заживет. Лишь бы глаза себе не выбил.

Как хорошо, что взял веревку! А ведь кто-то советовал не брать: главное, мол, — клетка и вставить быку носовое кольцо. Да он бы еще в начале полета порвал себе носовую перегородку, заодно разнес клетку. Кто бы и как его тогда утихомирил? Работа с животными — оленями, лошадьми, крупным рогатым скотом — приучила меня постоянно пользоваться веревкой. В животноводстве без нее или ремня — как охотнику без ружья.

Самолет покачивало и подергивало вниз-вверх. В иллюминаторы лился яркий свет полуденного мартовского солнца. Пилоты одобряюще поглядывали в мою сторону! Ощущалось, что самолет слабыми рывками потягивает вниз, шум мотора ослаб.

— Костя, — послышался окрик из кабины. Пилот, раскрыв ладони, жестом показывает, что идем на посадку.

Передохнувший бык опять стал рваться и впервые за полет глухо заревел — то ли от злости, то ли от бессилия. Стиснув зубы, я из последних сил тянул веревку на себя, не давая Северу выпрямить передние ноги. Я даже не почувствовал, когда колеса коснулись бетона.

Самолет остановился, изрыгнув последнюю порцию отработанных газов, и шум двигателя заглох.

Воцарилась такая тишина, что было слышно, как кровь бьется в висках. Север, прерывисто дыша, прислушивался к приглушенным голосам подходивших к самолету людей. Пилоты тоже отдыхали и, смеясь, тихо переговаривались, явно не торопясь покидать кабину.

— Вы что, уснули там? — послышался звонкий женский голос, и кто-то забарабанил в дверь.

— Да не стучите так сильно, а то обшивку пробьете, — сказал пилот, подходя к люку и открывая его.

— Здравствуйте! Как долетели, путешественники? Ну как ваш бык, живой? — в двери заглянули молодые женщины из отдела перевозок, а за ними и директор совхоза.

— Из Сеймчана передали, что у них нелетная погода, что вас выпустили с быком. Мы так переживали за вас!

— Больше половины пути летели вслепую. Хотели уже в Омсукчан повернуть, да вон пассажир какой буйный! Куда бы его дели в Омсукчане? Я бы на вашем месте, товарищ директор, поощрил вашего зоотехника. Всю дорогу с быком шла борьба не хуже, чем в испанской корриде. Вон полюбуйтесь: клетка вся разломана. И мы ведь ничем ему помочь не могли. Надо же — связать быку ноги! Молодец!

— Константин, мы еще вчера приехали из Гижиги, — говорит мне директор. — Ждем тебя, вон и вертолет наготове. Может, сходим в гостиницу? Подкрепиться, чаю попьешь...

— Да нет, Михаил Алексеевич, что-то нет аппетита. Давайте выведем его, натерпелся бычара.

Директор привез двух рабочих из совхоза мне на подмогу. Мы отвязали и стали выводить Севера. Его бросало из стороны в сторону, тянуло на левый бок, правый он отлежал, поэтому шел скособоцась и мог завалиться. У животных это часто бывает.

Бык спокоен и послушен, пребывает в апатии. Пока помощники разбирали и переносили клетку от самолета к вертолету, я один держал Севера в стороне. В конце концов, он лег на взлетно-посадочную полосу. Мои помощники на грузовой машине аэропорта съездили в столярку рыбозавода за досками, чтобы отремонтировать клетку.

В салоне вертолета Ми-8 просторно, не то, что в «Аннушке». Когда закрепили клетку и поставили трап, я один завел Севера. Он безотказно поднялся по трапу и вошел в клетку. На всякий случай наложили затягивающуюся подвижную петлю на правую заднюю конечность и на левую переднюю и, не стягивая сильно, завязали узлом. Это было надежно. Север может свободно стоять и ложиться, но двинуться с места никак. У основания рогов закрепили две длинные веревки на подвижных петлях, одну веревку направили вперед и зафиксировали к страховочному кольцу на фюзеляже, вторую натянули

назад к хвостовому люку и тоже привязали за кольцо, третью веревку, завязанную за недоуздок, натянули прямо вперед.

Со свистом закрутился несущий винт. Север с кряхтением лег на подстеленный сухой брезент, до Гижиги даже не пытался встать. Без капризов сошел и с вертолета. На посадочной площадке было многолюдно — все население высыпало к вертолету. Кто-то собирался лететь в Эвенск, многие знали, что на «вертушке» должны привезти быка. Подбежал скотник Валера:

— Костя, на ферме все готово! Помочь тебе его вести?

— Ничего, Валерий, дуй на МТФ, приготовь корм. Ты с ним еще навозишься. И посмотри, чтобы возле фермы старых быков Анкера и Дома не было. Поведу-ка его напрямик, пусть по тундре прогуляется, свежим воздухом подышит.

Красноватое мартовское солнце медленно скрывалось за далекими Наяханскими горами. Север резво шел по моим следам, иногда даже перегонял, проваливаясь на затвердевшем снегу между кочками. Началась его жизнь на новой земле.

УШЕДШИЕ ТЕНИ КОРКОДОНА

Кэлкэми сызмальства был приучен к охоте. Колхоз, в котором он числился охотником-промысловиком в 1940–1950-е годы, располагался на берегу залива Шелихова. Оттуда уходил он на выючных оленях в начале зимы, как и другие промысловики, в поисках белки проникал далеко в глубь тайги до самых притоков Колымы и возвращался домой уже весной.

По берегам рыбной Колымы, ее правым притокам, где водился заяц-беляк и куропатка, часто попадались займки оседлых юкагиров, иногда и якутов. Те преимущественно занимались рыбалкой и охотой, жили в рубленых домиках, утепленных дерном. Каждая семья имела свой охотничий участок и место рыбалки. Кэлкэми знал много речек, где обитали юкагиры, по пути заезжал к ним, водил дружбу. Он рассказал эту историю.

Когда-то в молодости Кирилэв и Бэрэки, облюбовав места рыбалки и охоты, построили себе жилища по правому берегу Коркодона, полдня ходьбы на лыжах друг от друга. Бэрэки выше по течению, а избушка-землянка Кирилэва ниже. Когда день начинает прибывать, а морозы спадают, мужчины изредка ходили навестить друг друга. Они были отменными рыбаками и охотниками. Но в иные голодные зимы приходилось варить кожаные подошвы торбас, ремни. Тот год тоже не задался: не уродилась ягода, постоянные паводки не дали насушить рыбы, сильные морозы рано сковали реку. Петли на зайца и на куропаток зачастую оставались пустыми.

Дни стали совсем короткими, солнце по небу шло самым коротким путем, когда сыновья Бэрэки, а их было двое братьев, решили навестить соседей, угостить их хариусом.

У Кирилэва дела шли из рук вон плохо: единственный сын отморозил пальцы ноги, не мог ходить на промысел. Пришлось резать старую собаку, ослабевшую от недоедания. Собачатина тоже было на исходе, хотя хозяева и старались варить по небольшому кусочку, чтобы растянуть подольше.

Как-то давний знакомый, охотник с морского побережья, дал старому Кирилэву немного стрихнина и научил пользоваться отравой. Кирилэв в долгу не остался: отдал взамен связку высушенных с осени каталок (рыбы) и пять заячьих шкурок на потники к выючным седлам.

По расчетам Кирилэва, колхозные охотники, вот-вот должны были появиться в этих краях, и, может статься, кто-нибудь из них завернет в гости, конечно же, не с пустыми руками. В былые годы можно было отдать шкурки горностая, выдры и росوماхи, получив немного чаю, табаку, а то и муки. А самое главное — одну-две коробки спичек. Но теперь-то у семьи Кирилэв никакой пушнины нет в его закопченной избе, кроме облезлой собачьей шкуры. Вот он и решил воспользоваться ядом: начинил отравой кишечник и желудок убитой собаки, отнес приманку вверх по реке, на место летней рыбалки, которую изредка посещала трехпалая росوماха, прикрыл снегом, чтобы вороны не склевали.

Дни пошли в рост, и тень охотника, бредущего на лыжах по искрящемуся белом снегу, стала длиннее. Сын Кирилэва все не шел погостить, как обещал в начале зимы. Лыжня, ведущая к избушке Кирилэва, оставалась запорошенной.

И вот в один из морозных ясных дней жена Бэрэки встала чуть свет, собрала нехитрые гостинцы: полтушки зайца, двух куропаток, дюжину хариусов и здорового налима. Все это уместилось в пропахшем дымом и рыбой замшевом мешке. Сыновья резво помчались вниз по Коркодону навестить соседей. Решили по пути завернуть на летнюю рыбалку Кирилэва, не зная, что там выложена отравленная приманка.

Место для рыбной ловли на реке Кирилэв облюбовал, будучи совсем молодым, именно в тот год он женился на красавице-юкагирке, избушка-землянка которой располагалась в самом устье Коркодона на высокой просторной террасе. Красота жены давно увяла, женщина напоминала дряхлую ворону, нахохлившуюся от холода и голода...

Глубокая и широкая лагуна была кормилицей семьи Кирилэв. В ней зимовали и хариус, и каталка, и ленок, и жирные толстые налимы. Пропитанный за много лет рыбным соком берег плеса привлекал

всякое зверье и являлся своеобразной привадой. Подходя к ней, братья издали заметили что-то странное и ускорили шаги. Подойдя поближе, братья Бэрэки узнали заиндевшее, скрюченное тело сына Кирилэва, прислоненное к занесенной снегом коряге. Рядом валялись лыжи, на которых были разложены куски разрубленной туши росوماхи. Тут же валялись топорик и остро наточенный нож. Окоченевшие руки прижимали к груди бедренную кость росوماхи. Печень и сердце зверя были съедены полностью.

Братья направились к избушке Кирилэва. Свежих следов рядом с жильем не было видно, дверь снаружи подпирало бревнышко для рубки дров. Войдя в землянку, сыновья Бэрэки разглядели в углу, в полумраке груды костей, а в сторонке, на сколоченном из листовых жердей столе стояла заплатанная медная посуда с утолщенными загнутыми краями. В ней белели кости черепа.

Обезумевший от голода и боли в отмороженной ноге, сын Кирилэва съел своих родителей. Покончив с их останками, направлялся к Бэрэки. Никто не узнает, с каким намерением он шел, прихватив остро наточенный топорик и нож. Затуманенный разум подсказал безумцу, что на приваде может быть добыча, он и свернул туда с лыжни. Мертвая росوماха оборвала путь молодого людоеда.

Весной талые воды холодного Коркодона прошли по плесу рыбака Кирилэва, обновив русло реки. На месте сожженной избушки зацвели буйные заросли иван-чая, а потом появилась молодая стройная поросль лиственницы.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ТРОФЕЙ

Когда-то давно мы жили в небольшом чукотском селе на берегу залива Креста, что в Беринговом море. Сын Дима пошел в ясли, а мы с женой работали в совхозе. Кроме оленей, это хозяйство славилось голубыми песцами, разводимыми в клетках.

Друзей у нас было много, а ближе всех и теплее дед Тагрин, который жил с бабкой на краю села, в деревянном домике с печным отоплением. Через дорогу, в нескольких десятках шагов, стоял наш домик, построенный совхозом из привозного бруса.

Старожилы говаривали, что раньше, в послевоенные годы он слыл хорошим охотником, много песцов добывал за сезон. Несмотря на преклонный возраст, Тагрин держал неплохую упряжку из шести собак. Когда после зимней стужи нерпы начинали вылезать из своих нор-лабиринтов, вырытых в рыхлом льду — погреться на солнышке, запрягал псов и уезжал на целый день к морскому припаю охотиться. Он и легкую лодку из кожи брал с собой.

Вечером 8 мая, накануне Дня Победы жена старика, бабка Анна, принесла нам домой свежего нерпичьего мяса.

— Старик мой на море ездил, две нерпы привез. Вот принесла и вам сварить свеженинки. Он попросил, чтобы ты, Костя, утром зашел к нему.

— Спасибо, баба Аня, за угощение. Забегу обязательно.

Утром я зашел к Тагрыну, он и говорит:

— Ты уже знаешь, что вчера ездил на море. Я гусей видел. Две хорошие стаи летают вдоль кромки льда. Но я только мелкашку брал, чтобы зря нерпу не пугать. Надо же, как раз ко Дню Победы прилетают. Я и раньше это замечал: девятого хоть одна стая, да есть. Сходи, может, повезет.

— Сейчас, с утра, не получится. В одиннадцать часов концерт будет в клубе, а я в художественной самодеятельности участвую. И вы с бабушкой приходите. Я еще стихи свои декламирую. А вот после обеда пойду.

— Ты, Костя, выйдешь к складам ТЗП (торгово-заготовительный пункт) и сразу найдешь мой нартовый след, по нему до самой воды и иди, только лыжи возьми обязательно, местами снег рыхлый после пурги, — советовал добрый старик. — Допоздна не задерживайся, холодно. К тому же у припая видел я свежий след медведя.

Закончился концерт, пришли мы домой, пообедали. Я оделся, взял ружье, лыжи и вышел к торосам. Нашел нартовый след, надел широкие охотничьи лыжи «Тайга» и умеренным шагом двинул к открытой воде. Идти было легко. День выдался теплым и безветренным. А вот и следы белого медведя, о которых говорил Тагрин. Вернее, более свежие. Медведь ходил ночью или рано утром, наступая на следы полозьев нарты. За час с небольшим я дошел до припая. Медвежьих следов вдоль воды было много — и старых, и свежих. У самого припая высился торос, как скала, забитая снегом. Я поднялся на самую макушку тороса, вырыл там яму в снегу спрятаться от гусей, если они полетят над кромкой воды.

Обзор с тороса великолепный, но смотреть не на что: ни гусей, ни тюленей. Вдобавок стало меня пробирать, хотя и тепло оделся. Да и солнце уже низко, дело к вечеру, как бы медведь не набрел, у меня ведь жаканов нет.

Слез со своего наблюдательного пункта, рюкзак оставил наверху, в снежном скрадке. Походил вдоль припая, размялся. Тихо, ничего не слышно и не видно. Только чайки сидят на воде. Пора, поздно уже, пока дойду... Тоскливо на душе: солнце скрывается за горизонтом, только краешек красного диска торчит. Так и не увидишь медведя между торосами. Плохо, что собак не взял, с ними все-таки спокойнее.

Взобрался на свою ледяную скалу, стал снимать брезентовую камлейку, чтобы вместе с биноклем скатать и положить в рюкзак. А

двустволку, заряженную нулевкой (крупная дробь № 0) положил на ледяную пластину. Только стянул с себя брезентовку, раздался гусиный гогот. Стая гусей-гуменников, десятка два, а может, и побольше, прошла ниже меня, прямо над кромкой припая. Гуси летели молча, плотной кучей, пока не увидели меня, когда я скинул камлейку. Видимо, хотели садиться на край льда. В какие-то доли секунды схватил ружье и, не целясь, прямо по стволу выстрелил дуплетом сверху по левому краю плотной ленты гусиных крыльев. Два здоровенных гуменника шлепнулись на лед, а еще два с громким плеском упали в воду у самой кромки льда. Вот это удача!

Я сбежал с тороса, схватил обоих гусей, откинул подальше от края льда, подошел к воде: оба гуся покачивались на тихой зыби у самого края льдины, но рукой не дотянуться: толщина льда приличная и опереться не на что. Впрочем, а ружье-то для чего? Стянул брючный ремень, привязал к стволу ружья у самой мушки, сделал петлю-удавку, лег на край льда и, держась за приклад, поймал в петлю голову гуся и слабыми рывочками стал затягивать. Смотрю: затянулась хорошо, не выскользнет. Начал поднимать гуся из воды, аккуратно взял его за голову и отполз назад. Положил гуся на лед, поправил петлю и снова подполз на край льда. Голова второго гуся была завернута назад, под тушу птицы. Мне удалось зацепить гуся за крыло. Забрался на торос, взял рюкзак и камлейку. Запихал птиц в рюкзак — еле уместились, богатый трофей, вернее — улов. Даже самому не верится.

Стустились сумерки, зажглись огни на улицах села. Заложил в оба патронника крупной дробы, с приличным усилием закинул рюкзак на плечи и быстро пошел по своему следу, и только на окраине села, у складов ТЗП снял ружье, рюкзак и сел передохнуть на кучу пустых деревянных ящиков. Когда вошел в дом и занес тяжелый рюкзак, обеспокоенный долгим моим отсутствием старик Тагрин уже второй раз наведалься ко мне. И бабка Анна с ним.

— Како... Ты что так долго ходил на море, разве можно? Я уже собак хотел запрягать, — укоризненно спросил дед.

— Правда, что так долго ходишь по припая? А вдруг медведь! Да мало ли что! — упрекнула и жена.

— Ну задержался, охотился, ждал: может, гуси налетят, — оправдываюсь, стараясь не выдать себя улыбкой. Странно, что на раздувшийся рюкзак они не обращают внимания. Впрочем, старик поглядывает лукаво, но тактично молчит. Но его-то, старого охотника, не проведешь, нутром чувствует, что не пустой я пришел с охоты.

Когда я умылся, и мы сели за стол ужинать, сказал жене:

— Достань бутылочку, деда и бабу Аню угости за беспокойство. Да и за удачную охоту не грех по стопочке выпить.

— Правда, что у тебя в рюкзаке? Когда уходил, вроде пустой был, — встрепенулась жена.

— Как что? Гуси!

— Какие гуси? Правда что ли? — спросила жена и стала развязывать рюкзаки. Велико было удивление старого охотника, когда жена извлекла одного за другим четырех гусей.

— Дед, вы с бабой Аней тоже много работали, в тылу, во время войны, так что и вам причитается гусь. А теперь давайте выпьем за праздник и нашу с тобой удачную охоту.

В ГОСТЯХ У МЕДВЕДИЦЫ

Однажды в мае дежурные пастухи рассказали, что на крутом северном склоне близлежащей горы видели берлогу, а возле нее медведицу с тремя медвежатами. В сопровождении двух пастухов я пошел посмотреть семейство. Так, любопытства ради, можно сказать.

С восточной пологой стороны горы мы быстро добрались до вершины, до своеобразного снежного козырька. Согнувшись в три погибели, выглянули, боясь скатиться вниз, и присели от неожиданности. В какой-то полусотне метров в толщине снега зияла берлога, из которой высовывалась темно-бурая спина медведицы. Под лучами весеннего солнца мамаша дремала. На крохотной проталинке, неподалеку от берлоги резвились трое медвежат.

Самый маленький из них вертелся возле толстой корявой лиственницы, временами залезал на нее и кубарем скатывался на прошлогоднюю травку. Очевидно, это занятие ему нравилось. Двое медвежат покрепче занимались борьбой.

Вот медведица встрепелась и стремглав скрылась в берлоге. Мы недоумевали, неужели она сделала это со страху и оставила на улице беспечных детенышей? Видимо, слабый ветерок все-таки донес до ее острого нюха наш запах. Но тут мы заметили, что медведица осторожно высунула голову из чрева берлоги и, крутя носом во все стороны, обнюхивает воздух, чтобы определить, откуда грозит опасность. Потом опять скрылась. Она как бы раздумывала, что предпринять. Как предупредить малышей о грозящей опасности? А медвежата тем временем продолжали возню у дерева и не обращали внимания на мать.

И вдруг темная глыба стремительно метнулась от норы: медведица прыжками понеслась вниз по склону. Мокрый снег летел из-под лап во все стороны брызгами. Не успели мы толком опомниться от неожиданности, как игравшие медвежата, перегоняя друг дружку, во всю прыть понеслись к берлоге и тотчас скрылись в ней. Между тем медведица, пробежав не менее ста пятидесяти метров под гору, резко затормозила и, развернувшись, остановилась. На фоне белого снега она превосходно видела нас, сидящих на козырьке сугроба.

Мы затаились, еще не понимая ее дальнейших намерений. Расставив передние лапы пошире и низко нагнув голову, она решительно пошла обратно по своему следу. Густая пушистая шерсть на загривке вздыбилась. Взгляд ее был устремлен в нашу сторону. Это было похоже на атаку. Мы невольно отодвинулись. Рядом не было деревьев, куда можно было бы залезть. Все с таким же угрожающим видом она шла мимо берлоги, где затаились медвежата, прямо на нас. «Надо уходить», — пронеслось в голове. Но что это? Поравнявшись с берлогой, медведица резко повернула, за несколько мощных прыжков очутилась у берлоги и легко юркнула в нее. Мы невольно рассмеялись.

— Ох и умна. Ох и хитра, ну до чего она умна, окаянная, — смеясь, сказал пастух Василий. — Напугала нас не на шутку, а ведь мы могли бы дать деру, если бы было куда бежать.

Медведицы, у которых в феврале рождаются малыши, стараются рыть берлоги на сугробистых северных склонах гор. Однажды во время нереста лососа на реке Гижига я видел такую мамашу с двумя отпрысками. Время от времени она осматривалась и злобно редела: не подходи, мол. Бывает, на своих рыбных участках медведи тоже протяжно режут. И темными летними ночами во время нереста кеты на реках нет-нет, да и услышишь предупреждающие голоса мохнатых рыбаков.

Бригада оленеводов стояла на одном из правых притоков реки Ирбычан. Май, отел в разгаре, в сутки появляются на свет десятки, а то и сотни оленят. Как ветеринар я помногу часов нахожусь в оленьем стаде, чтобы вовремя оказывать родовспоможение оленематкам при осложненных случаях.

Прилетевшие из теплых краев орлы кружат над стадом, выискивая добычу. Иногда им удается умыкнуть зазевавшегося или спящего теленка. Обнаглевшие вороны также начеку — с карканьем порхают между животными, но им перепадает преимущественно родовой послед важенок. Зоркие орланы не дают залежаться подошедшему теленку, вмиг расклеивают трупик, оставляя воронам капельки крови на талом снегу.

Глядя на смелость и находчивость своих сородичей орлов, вороны тоже старались проявлять кое-какую воронью смекалку, и довольно часто им это удавалось. Они находили в стаде какую-нибудь молодую пугливую первотелку, с яростью налетали на нее. Канальи во все горло каркали, садились на спину, махали крыльями над головой, атаковали до тех пор, пока обезумевшая от страха самка не убегала, оставив беспомощного детеныша на растерзание черным плутовкам. Помнится случай, когда мы подоспели на подмогу такому покинутому теленку. На трясущихся ножках он крутился на одном месте, оба глаза у него были выклеваны.

В другой раз мы нашли истекающего кровью олененка, у которого вороны вырвали язык. Немало хлопот пастухам доставляли сами важенки. Во время отела за некоторыми нужен глаз да глаз. Самые ушлые бросают новорожденных и начинают кормить годовалых телят. Ясное дело, хлопот меньше. Вот и ломаешь голову, как сделать так, чтобы мать отказалась от взрослого теленка, да еще и рогами отгоняла его. А поступали мы просто: отлавливали арканом взрослого теленка, связывали ему конечности, затем разводили большой костер и палили шерсть на теле животного, с ног до головы. Олененок принимал жутковатый вид, от него сильно пахло дымом, мать не узнавала его и шарахалась, бодала рогами. А то и стреноживали ее, чтобы кормилась на одном месте, пока не окрепнет теленок. Таким вот образом иногда принуждали матку принять брошенного детеныша.

Не дремали и вышедшие из берлог медведи. Их тоже тянуло к стаду. С каждым днем на склонах сопки появлялись все новые и новые следы.

СВАДЬБА НА ПОГЭДЭЕКЕ

Стойбище кочевых оленеводов, в котором рос Чимян, состояло из шести семей. Каждая имела личных оленей, обученных перевозке грузов во व्यюках. Естественно, были и необученные. Чтобы не перепутать оленей, их клеймили. Острым ножом чиркнет оленевод оленя по ушам – и готово, до самой смерти будет олень носить отметину того, кому принадлежит.

Кочевников интересовали новые, неизведанные места, реки, богатые рыбой, леса, изобилующие зверьем и дичью, хорошие пастбища. И кочевали они по бескрайним просторам тайги и тундры, давая свои названия облюбованным местам.

Сородичи Чимяна придерживались мест, которые осваивали их предки: бассейн реки Омолон, начиная от устья реки Малая Авландя до устья Моллонды – это правая сторона Омолона, а с левого берега Русская – Омолонская до реки Хуличан. По этой территории и кочевали они из года в год. За год преодолевали большие расстояния, нередко заходили на истоки Коркодона и Пареня. А когда накопится пушнины и оленьих пыжиков для обмена, устремлялись на погэдзек (ярмарку).

Ярмарка проходила в июне-июле на побережье Наяханской губы, в заливе Шелихова, в устье реки Корбэнрэ (Б. Гарманда), на левом берегу. Большая поляна заполнялась юртами кочевников, наезжавших со всей округи – с Вилиги, Таватума, реки Парень, Омолона. Дым очагов тянулся к небу, напоминая густой голубой лес. Ждали, когда прибудет чуднэ (судно) с продуктами и товарами. Весь груз принимал местный

купец Хэвынэ (прожорливый, большой). Подлинного его имени не знали, лишь прозвище, которое сами же ему и дали. На краю сухой поляны, у подножия сопки, около не промерзающего зимой ручья стоял его рубленый дом и склад. Второй такой же дом и несколько тополевых амбаров имел Хэвынэ и на правом берегу реки, где паслись его мурыны (лошади), около него жил и тулмач (переводчик).

Кое-кто из кочевников тоже имел собственных ездовых лошадей. Лошадьми кочевники пользовались редко – только во время ярмарки, когда развозили обмененные товары по стойбищам. До следующего лета оставляли своих мурынов под присмотр оседлым эвенам до следующего своего приезда на погэдзек.

На реке Вархалам жил в землянке с женой и дочерью оседлый эвен Василий Ханькан. На лето ставил юрту, и все лето семья занималась заготовкой юколы и жира нерпы. Перед сходом шуги морозили мальму и хариуса. Ханькан снабжал кочевников нерпичьими ремнями и кожей. Коренастый, сильный и выносливый, он обучал оставленных на попечение коней. Впоследствии Василий Ханькан перебрался на богатую рыбой реку Корбэнрэ, обосновался на правом берегу, в двадцати километрах от устья. До конца ярмарки Ханькан обитал в общем стойбище в устье Корбэнрэ. Работы у него было невпроворот – развозил на лошадях по стойбищам приобретенные товары.

В цене были винчестеры и берданы, связанный пучками табак, столь крепкий, что курить его приходилось в смеси со стружками листовых веток. Нравился оленным людям кирпичный чай, вкусный и ароматный, а к нему – белая, как снег, американская мука. Водился у купца и мина (спирт), который пользовался спросом преимущественно у стариков, молодежь его не потребляла.

Много дней и светлых летних ночей гудела ярмарка. Хэвынэ, тулмачи и его помощники забывали о сне и отдыхе. А вереницы व्यючных оленей шли и шли к устью Корбэнрэ, кочевники везли свой товар на обмен. Ярмарка не ограничивалась материальным интересом. Это был праздник с песнями, танцами, состязаниями. Семьи старались привозить на люди дочерей и сыновей, чтобы выдать замуж или поженить.

Чимяну приглянулась тут девушка-нитгилэнкын – так называли эвенов, приехавших со стороны Вилиги, Таватума. Девушек в погэдзек было достаточно, и навряд ли Чимян самостоятельно смог бы выйти на нитгилэнкынку, отец и мать помогли ему.

Реку Парень, что впадает в Пенжинскую губу, омолонские орычи называли не иначе как река Пуйтын (отсюда и название населения – пуйтымгыл). Те привозили на ярмарку незаменимые в тундре мауты (арканы) из лахтака, подошвы для торбасов, крепкие острые ножи. Гордостью их был высокий и сильный борец.

Девушку, приехавшую со стороны Таватума, будущую невесту Чимяна звали Октиння. Она была круглолицая, миниатюрная, крепко сложенная, вместе с подругами порхала между скопищами юрт, обставленных седлами и другими вещами. Иногда девушки становились в круг танцующих групповой эвенский танец «Хэде». Наряду с заядлыми танцорами, которые могли веселиться всю ночь, девушки выглядели неуклюжими и непластичными, потели под летним солнцем, уставали и сходили с круга.

— Октиння! Намтыки хордэкун, тала хуркэр уйкав-ингамтыв, элбыкчур бэйчиды.

— Хоррып, итнэрып, якав урэчин тарак, олры, уйка! — звонко закричали девушки, увлекая за собой подружку. (Октиння! Пойдем на море, там парни уек-слезу пологом ловят. Пойдем, посмотрим, что за рыба — уек-слеза).

— Почему ее так называют?

— Я видела и даже ловила с дедом в устье реки Таватум. Она блестит, как утренняя роса на траве, — с восторгом сказала Октиння подругам.

Когда девушки подошли к песчаному берегу моря, группы молодых кочевников уже черпали из воды рыбу почерневшими изношенными ситцевыми пологами. Бродили босиком, засучив до колен замшевые брюки, трепещущую массу серебристой рыбки высыпали прямо на мокрый песок. Легкая морская волна набегала на пологий ровный берег и, шурша мелкой галькой, откатывалась назад. Среди рыбачивших был и Чимян.

Вслед за девушками подошли в сопровождении детей женщины в новых, расшитых бисером и лосиной шерстью олачиках (летняя замшевая обувь). Женщины наполнили сумки и кастрюли уйком и направились к стойбищу.

Девушки и парни явно стеснялись друг друга и никак не могли найти повода для разговора. Рыбаки делали вид, что слишком заняты делом и времени для любезной беседы у них нет. Рыбу девушкам все-таки предложили, а те оказались без сумок.

Позавчера Чимян вместе с отцом и матерью был в гостях у родителей Октинни, уже по два раза приезжали они на погэдээк, поэтому и встретились как старые приятели. Четверо родителей говорили долго и монотонно. И, пока шла беседа, Октиння почти не присела — то дров занесет, то за водичкой сбегает. Чимян, сидя на мягкой, хорошо выделанной шкуре, чувствовал себя неловко и ерзал. Молчать и слушать беседу старших стало совсем неважноту, он нашел повод удалиться. Выйдя из юрты будущей невесты, зашагал по мягкой примятой траве на окраину большого ярмарочного стойбища, где притулилась юрта его семьи. Он смутно догадывался, что после его ухода из юрты Октинни старшие говорили о женитьбе молодых. Не даром днем раньше

отец намекнул Чимяну, что на погэдээк понаехало много красивых и, может быть, работающих асаткар (девушек).

— Взять ту же дочку нитгилэнкынов Октинню. Чем плоха? По юрте целый вечер порхала, как молодая сорока, строящая новое гнездо. Вдруг родители дадут согласие, и увезешь ее на Омолон. За торимди (калымом) дело не станет! Лицом в болютную жижку не упадем! Не зря же со своими оленями приехали...

Разжигая очаг, Чимян размечтался о рыбалке на Омолоне весной, во время отела. Женитьба не заботила. Скорее бы заканчивался погэдээк, да укочевать в свой край. Юношу, привыкшего к тайге, прибрежная тундра с ее частыми туманами не привлекала. А рыбалка на Омолоне не хуже, чем на море. Крупного ленка и круглую от жира каталку с уйком не сравнишь. Далекие мысли Чимяна прервали внезапно вошедшие в жилище родители.

— Кажется, все, — облегченно вздохнул отец, садясь у разгоревшегося костра. — Родители Октинни согласились выдать ее за тебя, сынок. Девушка не глупая. Я слышал, как она говорит с родителями, да и на наши шуточные расспросы отвечала с юмором. Молодец, девка! Бойкая. И по хозяйству работает сноровисто. Вон, мать твоя говорит, что Октиння противиться не станет, по ее поведению видно. К тому же она слыхала половину нашего разговора о вашей женитьбе, — продолжал отец, вороша в костре обгоревшим концом палки.

Чимян слушал слегка взволнованный голос отца, изредка поглядывая на родителей.

— Медлить, сынок, нельзя: погэдээк заканчивается. Все разъедутся по своим землям, откочуют и родители Октинни, — настаивал отец.

— Ладно. Подумаю до завтра, — отвечал Чимян.

— Хорошо, Чимян, подумай. Как бы не отбили девушку другие сваты. Со вчерашнего дня зачистил к ним один ороч со своей хромой женой, олени у них есть, хороший тори (калым) предложить могут. У них сын холостой, постарше тебя.

Стадо, принадлежащее родителям Чимяна, паслось по речке Дюптыга (Раздвоенная). У зарослей стланика стояла юрта, в ней и жили пастухи, караулящие оленей. Тори, отданный за Октинню, состоял из шести обученных выючных оленей и двух чалымов (кастратов), да еще двух оленей отец Чимяна забил на питание родителям невесты.

Чтобы соблюсти обряд и, конечно, для общего интереса, невесту с ее нарядами доставили на речку Хинтанра. Там, на берегу паслись олени родителей Октинни и стояли две юрты дежурных пастухов. Нарядную невесту усадили на красивого белого оленя, а на остальных оленей, шедших за учиком (верховым) Октинни, погрузили приданое, подарки и вещи невесты. На голову ей накинули цветастую шаль, приобретенную на ярмарке. Широкой шалью было закрыто лицо девушки. Верхового белого оленя, на котором ехала Октиння, осторожно

вели в поводу сопровождающие и гости, чтобы девушка не свалилась с седла, если олень прыгнет через ручей или чего-то испугается.

Когда свадебный караван подъехал к стойбищу, где проходила ярмарка, белого высокого верхового оленя с невестой подвели к юрте жениха. Невесту ссадили с седла и, взяв за руки с обеих сторон, повели к юрте жениха. Лицо Октинни по-прежнему было закрыто цветастой шалью, которую полагалось снять только внутри юрты. Жених откинул вверх замшевую дверь (клапан) юрты, приглашая Октинню войти. Перед входом девушка нагнулась, чтобы шагнуть вовнутрь... и внезапно споткнулась обо что-то невидимое. Упавшей на колени невесте помогли подняться.

Под ногами упавшей Октинни ни кустиков, ни камней, за что она могла бы зацепиться, не было. Споткнулась на ровном месте, в самом проходе в жилище жениха. Родители невесты и жениха нахмурились, а стоявшие поодаль женщины и мужчины с тревогой переглянулись и вслед за женихом и невестой вошли в юрту. О случившемся разговора не было, старались быть веселыми и радостными. Но пожилые гости и родители Октинни и Чимяна помнили о плохой примете.

Ярмарка закончилась, гости разъехались. Чимян увез смуглолицую веселую Октинню на просторы Омолона. О плохой примете стали забывать. Все бы ничего, но от судьбы не уйдешь. Октиння была уже беременна, когда несколько оленеводов сговорились провести состязания. Съехались гости, хозяева забили оленей, чтобы потчевать гостей. Днем солнце слегка пригревало, но зима была в разгаре и по ночам стояли сильные морозы.

Прошли состязания бегунов, оленеводы потягались в верховой езде, борьбе. Настало время посоревноваться в стрельбе. Топором сделали затес на мерзлой сырой лиственнице и стали стрелять по этой мишени. Все стойбище высыпало из юрт посмотреть. После одного из выстрелов в толпе упала женщина. Это была Октиння. С открытыми глазами лежала на чистом холодном снегу, и казалось, любовалась голубым далеким небом. Скриштившая от мерзлого дерева пуля сразила женщину наповал.

С той поры Чимян никогда уже не приезжал на погэдзек на светлую поляну в устье реки Корбэнрэ.

НЭЧАК ВМЕСТО ПУШНИНЫ

До прихода Советской власти на Северо-Восток России на берегу Наяханской губы Охотского моря поселка Эвенск не существовало. На его месте, посреди просторной ровной поляны стоял рубленый дом, принадлежащий местному купцу по прозвищу Хэвынэ (прожорливый, большой). Никто из кочевников-олeneводоv не знал ни его

настоящего имени, ни откуда он появился в этих местах. Некоторые говорили, что купец русский, другие – американец. С местными толмачами он изъяснялся по-русски.

Хэвынэ занимался обменной торговлей, товара у него было много. С начала лета съезжались единоличники-олeneводоv с притоков Колымы и Омолона, с Камчатки на погэдзек – ярмарку. Поляна на левом берегу в устье Большой Гарманды (Корбэнрэ), где потом вырос Эвенск, была заставлена юртами приезжих. В дни ярмарки по всей вархаламской тундре паслись тучные олени стада. Во время туманов дежурившие пастухи криками предупреждали друг друга о том, где чье стадо пасется.

Ярмарка выливалась в большой спортивный праздник. Сойтись в поединке получали возможность борцы-силачи, самостоятельно тренировавшиеся в своих стойбищах. Многие богатыри в совершенстве владели массивными посохами из крученой мореной лиственницы, пропитанной для прочности медвежьим жиром. Был случай, когда один богатырь таким посохом размозжил голову здоровенному медведю-шатуну. Обычные же пастухи могли таскать посох борца только на плече.

Для развития силы применялись два круглых тренировочных камня размером с голову взрослого медведя. Камни обшивались прочной кожей в несколько слоев и ремнями пристегивались к кистям рук. С этой тяжестью борец ходил за стадом, а тяжеленным посохом играл, как прутиком, выполняя разнообразные упражнения. Призы борцов были самыми дорогими.

Во время праздника нарядные женщины и мужчины танцевали эвенский танец «Хэде». В перерывах состязались певцы. В больших юртах не угасали костры, на которых варилось жирное мясо и «доходил» ароматный кирпичный чай, настолько плотно спрессованный, что разбивали его обухом топора.

Приезжая на погэдзек, кочевники крестили детей в церкви старой Гижиги, обзавоdились иконами, крестиками.

Купец Хэвынэ в обмен на пушнину, олени пыжики давал пастухам патроны, различные предметы домашнего обихода (топоры, ножи, чайники, кастрюли, миски, кружки, ткани и т. д.). Из продуктов – муку, чай, сахар, табак. Каждое лето к нему приходила шхуна с грузом, которая забирала выменянную пушнину.

По окончании ярмарки караваны навьюченных олени откочевывали вместе со стадами вглубь тайги на свои основные пастбища. Празднуя, не забывали о буднях. За короткое время умудрялись поохотиться на нерп, шкуры которых незаменимы при изготовлении подошв торбасов, маутов (арканов), ремней, ковриков для приготовления пищи, чари (непромокаемая обувь на весну и осень). Заготавливали и жир впрок, наполняя им кишки морзверя.

Во время кочевки оленеводы останавливались на нерестовых реках для заготовки юколы. Одним из рыбных мест был Пуравник (правый берег Гижиги, напротив устья реки Хивач). В то время тайга кишела белками, зайцами, куропатками и глухарями. Экономя боеприпасы, кочевники били зверя и птицу из луков, стрелами без накопечников, чтобы шкурки не дырявить. Куропаток было так много, что ранней осенью белую стаю пернатых можно было запросто спутать со свежеснеженным снегом.

... Однажды на ярмарку приехал бедный старик со старухой. Детей у них отродясь не было, а самим добывать пушнину в тайге сил уже не хватало. Да и оленей осталось совсем мало, в основном ездовые.

Когда все стали паковать пушнину для торговли с Хэвынэ, старик пошел на речку Чотлаву, где в изобилии произрастал нэчак — низкорослый кустарник, отвар которого местные жители употребляют вместо чая. Старик нарубил его, перетаскав в юрту, увязал в пачки, как увязывают пушнину, и сложил в две мунгурки.

— Дед, куда тебе столько травы? — спрашивали пастухи. — Сейчас наторгуем и тебя не обделим, коль ты на погэдэк пожаловал. Кирпичный чай, поди, получше, а?

В ответ старик лукаво улыбнулся: пригодится, мол...

Стойбище опустело, все с полными тюками пушнины поехали на торг. Поехал и наш старик со своим грузом. Через два дня вернулся, на двух оленях привез все, что ему нужно было: чай, табак, муку, сахар, ситца на полог и даже добротную теплую шаль для бабки.

— С чего бы это так расщедрился наш Хэвынэ, — удивлялись пастухи.

Лишь на следующий год раскрылось, когда съехались на новый погэдэк и Хэвынэ заявил:

— Кто-то в прошлом году сдал мне целых две суммы упакованной нэчак, наверное, я принял его за пушнину.

Пастухи только плечами пожали: не знаем, мол...

P.S. Историю эту рассказывал мне отец и другие старики как доподлинную. Они ее слышали от своих дедов, когда были малыши детьми. А в Магаданском краеведческом музее я видел фотографию той самой поляны в устье Б. Гарманды, где ныне стоит наш Эвенск.

ПЕРЕПРАВА

Было это в 80-х годах, в канун Нового года. Из-за частых оттепелей с затяжными пургами задержался убой оленей в хозяйствах. В начале ноября уже закованная Гижига после проливных дождей очистилась от шуги, выпавший снежок растаял, тундра почернела. Любители рыбалки, которые уже законсервировали моторки до

весны, стали сталкивать лодки на воду, рванули вверх по течению за мальмой и хариусом. Что интересно, и утки стайками со стороны моря потянулись вверх над рекой. А пастухам не до шуток: позднее потепление пахнет гололедом. В складах райпо, кроме консервов, не было ни куска мяса. До Нового года оставались считанные дни. Надо было что-то предпринимать.

Директор совхоза дал мне поручение ехать в ближайшую оленеводческую бригаду, до которой два дня хорошего хода, в оперативном порядке забить 300 голов упитанных оленей и привезти туши на центральную усадьбу хозяйства. Надо заметить, всю убойную компанию, как и перегоны к пунктам забоя оленей, к местам формирования нагульных стад организовывали мы, зоотехники.

На подготовку к поездке у меня ушел день. К обеду собрал работников и рабочих, которым предстояло выехать завтра с бригадой на разделку оленей. Разъяснил ситуацию и отпустил всех собираться в дорогу. Получил со склада продукты, снаряжение, несколько палаток с комплектом жестяных печек. Все это загрузили на два вездехода, чтобы выйти с рассветом. С вездеходами выедут и рабочие, мужчины, которые до подъезда раздельщиц установят на месте забоя палатки, заготовят дрова, нарубят жердей, установят вешала для обработанных туш.

Утром сбегал в контору, предупредил пастухов по рации, чтобы были в готовности. Подошел завгар, сказал, что в шесть часов утра ушли вездеходы, возможно, сегодня к ночи уже придут в бригаду. Готовы к отъезду тракторные сани с высокими деревянными стойками, обшитыми досками, обтянутые легким плотным брезентом, чтобы не продувало людей. Ну а дощатый настил мы покрыли сухими шкурами, рюкзаки, спальные кукули и прочие шмотки разложили с внутренней стороны вдоль деревянных бортов. У завскладом я выпросил восьмиместную палатку, чтобы закрываться сверху, если запуржит.

Проехали километров тридцать, начало смеркаться. Все были хорошо одеты. Многие, укрывшись брезентом, спали. Мы вдвоем с пожилым пастухом Ильей, который ехал в бригаду после отпуска, удобно усевшись на вещах, тихо беседовали. Решили доехать до домика охотников, точнее, у них было два деревянных старых дома. Летом там ночевали рыбаки, а зимой жили два местных охотника. Занимались они и подледным ловом гольца (мальмы).

Домики были теплые, с печками, нарами. К тому же и сейчас в них жили, топили печи, и не было необходимости ставить свою палатку, тем более что утром после ночевки надо будет продолжить путь до бригады пастухов, где проводить забой. Домики стояли на правом берегу реки, в глубине леса, метров четырехста от реки. Мы находились на левой стороне, нам предстояло переезжать реку по льду. А Гижига — такая река, что даже зимой, когда скована льдом, переезд на ней

найти не просто. Смешанный пойменный лес очень густой, множество талых проток, колдобин, террас, буреломов. Во многих местах лед в русле реки тонкий, прикрыт только снегом, можно угодить в промоину. Еще днем в пути я говорил трактористу, что на переезде толщину льда надо будет основательно проверить, отцепить сани и высадить тех, которые сидят в кабине трактора. Морозов толком не было, лед может не выдержать.

Вот и переезд. Тракторист остановил трактор и вылез из кабины, за ним, аккуратно ступая на скользкие гусеницы, спустились две женщины и сонная девочка-дошкольница. В санях тоже все зашевелились, вздыхая и крихтя, стали выползать из-под брезента. Видно, многих пробрал холод, все-таки километров сорок с гаком отмахали. Попробуй-ка, улежи, будь хоть в торбасах и кухлянках. Гремя пустыми флягами и разным металлическим хламом, тракторист выдернул из передка саней хорошо оттянутый острый лом, чтобы проверить толщину льда.

— Женья, у того берега и в середине реки надо будет продолбить, посмотрим, какова толщина льда, и сани надо отцепить, пусть люди по льду перейдут пешком, — напомнил я трактористу.

— Да я раньше всегда здесь переезжал, лед тут толстый, но сейчас проверю, — сказал он и быстро пошел, постукивая ломом по блестящему льду, к середине реки.

— Ребята, отцепите сани, идите пешком на тот берег, — крикнул я столпившимся возле саней забойщикам.

Женщины, сошедшие с саней, шаркая торбасами по голому льду, цепочкой потянулись вслед за трактористом. «Пойду-ка, проверю сани, вдруг кто-нибудь спит в вещах», — подумал я и, поднявшись на сани, стал шарить по куче вещей. Кто-то зашевелился под брезентом и глухо кашлянул.

— Кто еще тут спит? Давай вставай.

— Да это я, Маче, — послышался хриплый голос пожилого пастуха, который на днях выписался из районной больницы после четырехмесячного лечения и теперь возвращался в свою бригаду.

— Соскакивай, Маче, хватит ночевать, сани отцеплены, пешком переходить будем, а пока лед проверим, — только я сказал это выполняющему пастуху, послышался скрежет шестерен коробки передач. «Неужели так быстро управился?» — подумал я, спрыгивая с саней. Не успел подбежать к трактору, как Женья, включив повышенную скорость, помчался по льду.

Смотрю в след трактору: он уже проскочил середину реки, значит, все нормально, сейчас развернется на том берегу и вернется за санями. Подхожу к водилам, ищу палец, что бы не засыпать его рыхлым снегом. Возле серги на водилах пальца нет, значит, в кабину закинули, или в фаркопе висит.

Гул трактора оборвался. На фоне ночного леса и заломов — ни трактора, ни его ярких фар, только люди бегают по льду. «Выбрался на берег и заглох», — подумалось мне. Трактор новый, первый год эксплуатации, на двигатель грешить не приходится.

Неприятный холодок тревоги закрался в душу. Я побежал по льду на правый берег, балансируя поднятыми руками, чтобы не растянуться на гладком, как зеркало, льду. Подбегаю ближе. Трактора на льду и на берегу нет, только люди суетятся около берега. Сердце колотится, будто пробежал целую версту, ноги наливаются свинцовой тяжестью.

Недалеко от берега зияет огромная полынья, в которой плавают большие куски льда. Из темной воды торчит выхлопная труба, верхняя часть лобового стекла, часть крыши кабины. На дне реки трактор сел на попа, то есть на фаркоп, задней частью кабины уперся в лед, поэтому и не опрокинулся.

— Где Женья? — спросил, вернее, крикнул я.

— Он там, в кабине остался. Под лобовым стеклом должен быть воздух, — ответил кто-то из спящей вокруг полыньи толпы.

«Утонул, — мелькнуло в голове. — Что делать?»

На наше счастье, со стороны домика, ярко светя фарами, причался «Буран», остановился на льду. Со снегохода соскочил молодой парень Василий, приехавший вчера из села порыбачить тут до Нового года. Услышав гул трактора и увидев фары сквозь просветы леса, он помчался предупредить, что здесь переезд опасен, да вот не успел. Он был в утепленных кирзовых сапогах и в телогрейке, наскоро одетой на одну рубашку. Со стороны заломов уже таскали длинные палки, кто-то принес с тракторных саней длинную капроновую веревку.

— А где Женья? — спросил Василий.

— Он там. В кабине остался, под лобовым стеклом воздух. Изнутри лобовое стекло не разбить, можно только снаружи, сапогами. Есть еще надежда, медлить нельзя, — спокойно ответил я Василию, снимая кухлянку.

— Давай-ка я. Хорошенько подвяжи меня веревкой: подо льдом, наверное, есть течение, — сказал Василий. Я пропустил веревку подмышками, обернул вокруг туловища и завязал на узел, который можно развязать легко, одним рывком. Василий со льда прыгнул на выступающую часть кабины, сел на нее, изо всей силы ударил пятками по лобовому стеклу. Тишетьно! Толстое спецстекло не поддавалось, только брызги ледяной воды разлетелись во все стороны. Дав небольшую слабинку, мы держали веревку, подстраховывали на тот случай, если Василий скользнет с обледеневшей кабины под лед. Еще несколько сильных ударов, и стекло с хрустом треснуло.

— Эй, я тут, быстрей! — раздался истошный крик тракториста изнутри затопленной кабины. Василий еще несколько раз ударил по остаткам стекла, чтобы не порезаться, вытаскивая Евгения. Василий

лег на живот, на верхушку кабины и по самые плечи опустил руки в воду, чтобы ухватить тракториста.

— Руки, руки давай, — во весь голос кричал он спасаемому. Наконец выволоч мокрого Евгения на крышу кабины. Я кинул еще один конец веревки с широкой подвижной петлей, чтобы и тракторист обвязался на всякий случай. Мы положили на льдину длинные сухие палки, принесенные от ближних заломов, шесты для установки палаток, взятые с тракторных саней, длинную прочную мачту для антенны и две короткие широкие доски. Дрожа от холода, оба по этим мосткам выбрались на прочный лед.

— Забирайте рюкзаки, кукули, необходимые продукты, и все группой идите к домикам, — крикнул я все еще толпившимся на льду забойщикам, запустил «Буран» и помчался к домикам. На санях, поддерживая друг друга, сидели Евгений и Василий. Забежав в на-топленную избу, помог Жене снять мокрую, успевшую обледенеть одежду. Охотник, живущий в этом доме, дал трактористу запасное нижнее белье. Его сильно трясло, зуб на зуб не попадал. Дав погреться у печки, мы уложили тракториста в кукуль, налили полный стакан водки и кружку горячего чая с лепешками. Евгений принял, и его перестало трясти, он разомлел и вскоре уснул.

Подошли люди с вещами с реки и стали располагаться на нарах, некоторым пришлось укладываться на полу. В двух домиках все превосходно уместилось. Женщины сразу стали еду готовить. Ужин затянулся далеко за полночь. Охотники, хозяева домиков, которых угостили забойщики, были навеселе.

Мне не спалось, хотя за день накрутился порядком. Трактор утопили абсолютно новый. Чуть не погиб тракторист. Трактор не вытащить, это однозначно. Глубина большая, а завтра и полынью скует льдом. А весеннее половодье окончательно замост его галькой и песком. Завтра на утренней радиосвязи доложу, что случилось. Надо будет другой трактор гнать из села, чтобы тащить сани в бригаду.

Проснулся в половине шестого утра. Зажег на столе лампу «Летучая мышь» и свечку на деревянном подсвечнике. Большая железная печка, обложенная кирпичом и замазанная цементом, на которой стоял объемистый алюминиевый чайник с горячим кипятком, еще не успела остыть. Рядом на широком фанерном ящике — приземистая эмалированная кастрюля с мясным рисовым супом и сковородка с обломанной ручкой, наполненная жареной мальмой. Все аккуратно прикрыто. Это женщины наготовили еды. Я ложился, а они еще хлопотали у печки, и какая-то из них побежала в соседний дом за лаврушкой или за перцем. Подбросил в печку сухих дров и заварил свежего чаю. Кто-то из спящих на полу мужчин зашевелился. Это пастух Маче продрал глаза и закуривает папиросу. Он даже не раздевался, спал поверх кукуля, укрывшись пестрой кухлянкой.

— Костя, ты уже выходил на улицу? Как там погода? — спросил он, затягиваясь папиросой. — Хоть бы не запуржило, пока не забьем оленей, а то на Новый год обычно начинается пурга.

— С погодой все в норме, Маче, морозная ясная погода: ни облачка и безветренно, — отвечаю, продолжая резать хлеб. — Тебе наливать суп? Я сейчас поем и пойду на трактор посмотрю, да и рюкзак в санях остался.

— Наливай и мне, я тоже пойду на сани, вчера и мой мешок с вещами забыли, надо в другие торбаса переобуться, а то у этих по-дошва промокла, — говорит Маче, гремя подвешенным около двери стареньким допотопным умывальником.

После завтрака, захватив китайский фонарик, мы вдвоем пошли на речку, к полынье. Трактор полностью скрылся под водой, не было даже признаков того, что вчера здесь торчала верхушка кабины. Плававшие в воде льдины сомкнулись и полностью закрыли полынью. Поверх полынью прихватило тонким молодым льдом. Дно в этом месте, возможно, илистое, или там мягкий сыпучий песок, и трактор просел.

Когда мы с Маче возвратились, люди уже поднимались. На утренней связи я сообщил на центральную усадьбу о случившемся. Решили, что сейчас из бригады выйдут в путь к нашей переправе оба вездехода, чтобы попытаться тросами подтянуть трактор к берегу. И сейчас же из села выйдут тяжелый бульдозер и трактор-«семидесятипятка» (ДТ-75) на подмогу.

Я передал по радиции, что трактор не вытащить и бульдозер не стоит гнать, пусть отправят только «семидесятипятку» и четыре бочки бензина для вездеходов. Дно реки на два с половиной метра ниже уровня берега, и тросы не зацепить за трактор на такой глубине. После сеанса связи я сказал рабочим, что будем ждать технику, пусть разбираются с вещами, возможно, в ночь либо завтра поутру выедем в бригаду. Мужчинам наказал заготовить дров, а женщинам — сварить обед на всех.

После полудня подошли вездеходы, ушедшие вчера в бригаду. Сходили мы с водителями на промоину, чтобы оценить обстановку. Вездеходчики — опытные водители, сразу сказали, что это бесполезно — пытаться поднять со дна реки трактор, как бы не влезть в новое приключение. После обеда, уже ближе к вечеру, всех женщин, которые будут разделять оленей, я отправил вездеходами в стадо, со мной осталось двое мужчин, чтобы завтра выехать в бригаду со вторым вездеходом, который вернется из бригады рано утром, чтобы забрать нас.

В двенадцатом часу ночи подошли из поселка бульдозер и трактор с санями, привезли два мощных длинных троса. Мы еще днем разведали переправу для тракторов ниже километра на три, где река

разбивается на три рукава. Два тиховодных рукава были хорошо прихвачены достаточно толстым льдом, чтоб выдержать вес и вибрацию от трактора. А третья протока почти талая, тонкий «гнилой» лед проломали, измельчили и перешли по воде, там глубина небольшая, всего-то по колено. Трактористы не стали ночью осматривать место, где был утоплен трактор: все равно темно.

— Я до самого берега простукал лед, в одном месте даже долбил, но до воды не дошел, мне показалось, что толщина льда большая, поэтому решил проехать до берега и обратно, а уж потом зацепить сани, — рассказывал Евгений. — Дверца в кабине была открыта, когда я помчался, но от удара об лед она захлопнулась и снаружи ее, видимо, придавило льдом. Все произошло в какие-то доли секунды, в один миг я оказался в закрытой кабине под водой, дыхание перехватило от холодной воды, да еще головой ударился. Захлебываясь, ногой ударил по дверце — бесполезно, под водой нащупал ручку, дверь не открывается. Чувствую, что задыхаюсь, прильнул лицом к потолку кабины, глотнул воздуха, стал изо всех сил бить кулаком по лобовому стеклу — не поддается, это спецстекло только булыжником можно разбить. У самой крышки кабины и под лобовым стеклом оставалась прослойка воздуха, а так бы хана. Какие-то минуты мне показались вечностью.

— А надежда была, что спасут? — спросил бульдозерист.

— Кое-какая была, но воздух уходил, его выдавливало, стало тяжело дышать. Пожалел, конечно, что помчался, толком не проверив лед, а за мою глупую гибель людей обвинят. Потом слышу: грохот по стеклу, и хруст какой-то неприятный, значит, жить еще буду, покопчу белый свет!

Утром, когда совсем рассвело, мы осмотрели место происшествия, оценили, можно ли вытащить трактор. Очевидно, его не достать. А морозы крепчали, наращивая толщину льда. Пришел за нами вездеход из бригады.

За полтора дня забили триста голов оленей. Штампы были у меня, я и вел ветсанэкспертизу мяса. Туши хорошо промерзли на вешалах. Поздно вечером 29 декабря из поселка подошли две грузовые машины ЗИЛ-157, чтобы забрать мясо. Решили переночевать, загрузиться и выехать всей колонной. Утром тридцатого числа все встали задолго до рассвета. Всю продукцию от убоя загрузили полностью. Оставить пришлось только часть шкур. В десять утра колонна с людьми и мясом выехала в село. Решили не ночевать у рыбаков, только поесть и попить чаю, чтобы ехать дальше.

Я же остался еще на день — подготовить документы бригады, а то год заканчивается. Вдвоем с учетчиком Николаем мы вполне управимся с бумажной работой до вечера, а в ночь я уеду в поселок на бригадном «Буране». А поедем мы с Сергеем, вернее с Серегой, как

его зовут в бригаде, напрямую, через Тэвтэнру и Туромчу. Снегоход хоть старенький и обшарпанный, но работает исправно. Вчера Серега собирал и приволакивал к месту разделки всех отловленных и забитых оленей, подцепив за рога по два оленя. А сегодня, пока грузились мясом машины, успел навозить с сопки спиленных заранее дров для всех палаток. Попив чаю, помчался в стадо, посадив на сани троих пастухов, чтобы опять-таки привезти две туши оленей для бригады.

— Что так долго Серегу нет, уже вечереет, — беспокоились женщины.

— Наверное, стадо далеко ушло, на самый конец пастбища. Олени обеспокоены, почти два дня тревожили с этим забоем, шутка ли, — объяснял женщинам пожилой пастух Мико, подтесывая между делом маленьким острым топориком на сыром бревне, около палатки, сухой мореный обрубок черемухи. Эту черемуху опытный в своем деле Мико срубил еще в прошлом году и возил чурку целый год, летом под солнцем и дождями дерево само по себе сохло и морилось, стало твердое, как железо. Теперь его даже острый топорик не берет, скользит, словно по крепкому лосиному рогу. Мико не спешит с обработкой топорща, направив его, словно ружье, в небо, тщательно разглядывает, дабы не отхватить лишнего.

— Едет, едет, дядя Серега уже с мясом едет! — закричали ребята, игравшие недалеко от палаток на поваленной когда-то давно сильным ветром огромной сухой лиственнице. Гул снегохода, идущего сверху по той стороне речки, вдруг затих у подножья сопки. Спустя некоторое время двигатель снова натужно загудел.

«Останавливался, мотор охладить, — подумал я и опять вошел в палатку.

— Гудит на одном месте, застрял, наверное, — слышу, сидя в палатке с учетчиком за бумагами, как переговариваются между собой женщины.

— Зря он по тому берегу поехал: там, в болотистых оврагах большие кочки, с меня ростом, постоянно выступает вода, особенно перед пургой, гнилые овраги, между кочками, под снегом лед тонкий, можно и провалиться, — вмешался в разговор Мико, не расставаясь с топориком.

«Буран» не подавал признаков жизни. Меня это серьезно забеспокоило. Ведь мне надо утром выезжать, чтобы отметить Новый год с семьей. Сколько праздников — майских, ноябрьских, новогодних прихотилось встречать в оленеводческих стадах!

Пришли Серега с пастухом Ильей от снегохода — пешком, оба вспотевшие.

— Плохи дела, Алексеич, на этом проклятом кочкарнике забуксовал и гуску оборвал, — с ходу выпалил разгоряченный Серега. — Гуска старая, истрепанная, как тряпка, да еще на речке обледенела, запаски

нет, и в райпо не продаются гусеницы, я знал, что в любое время может лопнуть, — объяснял расстроенный Серега.

Илья курил, отвернувшись, безучастно молчал, расстроенный не меньше «бураниста». У меня ни слов, ни вопросов не было, в тундре или тайге явление обычное, когда ломается любая, в сто раз мощнее снегохода, техника.

— Вы мясо везли? — спросил до сих пор молчавший Мико.

— Да, две туши на санях лежат, пришли предупредить, что сломались, теперь на оленьих нартах его придется таскать, мясо, — сказал Илья.

— Сразу две нарты надо взять, чтобы по одной туше притащить, сейчас и мы с вами пойдем, — сказал я ребятам.

Мы быстро собрались и пошли гурьбой, прихватив двое грузовых оленьих нарт. Как и говорил Мико, в крупном кочкарнике, в травянистом ручье полулежал снегоход. Порванная гусеница валялась тут же, между высокими кочками. Перегрузив туши на сани, мы с большим трудом перетащили тяжелый снегоход на ровное место, на берег ручья, заодно выволокли и сани от «Бурана». Передохнув, потащили мясо к палаткам.

С разделкой мяса женщины управились быстро. Нам же с учетчиком Николаем допоздна пришлось заниматься отчетами, к тому же в хлопотах учетчик запустил отчетность. Не было оборота оленепоголовья по бригаде за два последних месяца, за целый квартал накопилось куча фактур по завезенным в бригаду товароматериальным ценностям, и прочей документации.

Все были огорчены поломкой снегохода. Теперь Серега и за новогодними покупками в село не съездит. Вчера заведующая складом совхоза была на вечерней радиосвязи и сказала, что подарки для пастухов бригады уже упакованы, когда Серега подъедет, она их выдаст. Там и подарки ребятишкам, живущим в бригаде.

Я решил пойти в поселок на лыжах, по дороге, через рыбников. Встану пораньше, до рассвета выйду. Свои лыжи, обитые оленьим камусом, даст мне пастух Илья. Возможно, у рыбаков будет какой-нибудь транспорт, а может кто на «Буране» приехал наловить свежей рыбки к новому столу. И если повезет, то дальше с кем-нибудь и поеду до дому.

После позднего ужина, перед сном я вышел из палатки. Погода начала портиться. Небо заволочло плотными облаками. Мороз ослаб, потеплело, и на небе ни единой звездочки. В кронах деревьев зашумел ветер, и полотно палаток затрепетало. Ветер северо-восточный, будет дуть мне в спину. Но полагаться на него у нас нельзя, в любой момент может перемениться. На всякий случай предупредил Мико, чтобы в пять утра разбудил меня, вдруг просплю.

В половине шестого утра Мико растопил печку, поставил греть кастрюлю с отварным мясом и чайник. Печка с сухими дровами быстро разгорелась, и в палатке стало тепло. Я вылез из кукуля и вышел наружу. Шел снежок, мело. Палатки стоят в густом лиственнике, при этом в яме, даже здесь сильно дует, можно представить, что творится на равнинах.

Услышав шум в нашей палатке, проснулись и соседи, загремели жестяными печками, закладывая в них дрова. Собаки повыскакивали из палаток, чтобы размяться после ночного сна. После еды и чаепития я прошел по всем трем палаткам, поздравил с наступающим Новым годом и стал укладывать рюкзак. Ничего лишнего взять с собой не мог, только самое необходимое: отварное мясо, котелок, кружку, чай, лепешки, пару парафиновых свечек, спички и письма пастухов. До избышек, где живут охотники, возле которых утопили трактор, отсюда сорок с лишним километров, если срезать изгибы дороги, по которой ушли трактора и вездеходы.

Рассвет застал меня на приличном удалении от стойбища. Дорогу заметало, но идти по ветру было не тяжело. Почти новые, широкие, но легкие лыжи из высушенного тополя, обитые камусом, скользили по дороге превосходно. На полпути придется свернуть в густой перелесок и попить чаю.

Ближе к полудню повалил густой крупный снег, ветер усилился, впереди по дороге зазмеилась поземка. На открытых местах, клубясь вверх, словно снежные столбы, проносились мимо меня вихрящиеся массы пушистого снега. Дорога, по которой я шел, была проложена по правой стороне реки Гижиги, от русла километрах в четырех, вдоль отдельных перелесков с ручьями, текущими в сторону рек Тэвтэнрэ, Туромчи и самой Гижиги.

После полудня пурга разыгралась, видимость ухудшилась настолько, что местами я стал терять заметенную дорогу. Сразу стало сумрачно. Потемнело, создавалось такое впечатление, что наступили вечные сумерки. Хотя и короток декабрьский день, но солнце еще не село. О чае теперь бессмысленно и помышлять. Сняв лыжи, я садился на них отдыхать, положив около себя рюкзак и повернувшись боком к ветру.

Стремительно темнело. По моим расчетам, до охотников осталось пройти 8–10 километров. Единственным ориентиром была накатанная дорога, которую чувствовал под лыжами или нащупывал длинным посохом, без которого я никогда не обхожусь в тундре. Пугала опасность проскочить спуск с невысокой террасы в пойменный густой лес Гижиги, откуда уже рукой подать до рыбацких домиков. Если проскочу этот спуск, то пройду мимо домиков дальше вниз, по правому берегу Гижиги, где поблизости уже нет жилья, и придется ночевать под открытым небом, да еще в такую круговерть пурги и снегопада.

Во рту пересохло, хотелось пить, хотя сильной усталости не чувствовал. Шел вслепую, без дороги. Вдруг почувствовал, что ветер дует в правое плечо, ударяя в лицо с правой стороны. Я резко остановился. Где-то в глубине души почувствовал холод и беспомощность. Я слышал удары сердца. Сбилась с пути! Что делать? Кровь часто стучала в виски после быстрой ходьбы. Я стоял в том же положении, в котором остановился. После первой растерянности стал раздумывать: может, не сбился с пути, может, ветер переменялся.

Ураганный ветер со снегом не мог так быстро сменить направление. Скорее, я сам виноват в том, что потерял направление, стараясь в темноте нащупать дорогу. Звезд не видно, кругом темень, плотная стена снегопада и сумасшедший вой ветра. Не видно ни деревьев, ничего! Собственные лыжи, на которых стоишь, и то не разглядеть. С самого утра ветер всю дорогу дул в спину, в затылок. А теперь бьет справа. Значит, я отклонился вправо, в сторону реки Тэвтэнрэ, а Гижига, по правой стороне которой я шел, теперь осталась позади, за спиной. Так... Дальше... Значит так... Теперь, чтобы выйти на реку Гижигу, я должен на месте развернуться на 180 градусов и идти так, чтобы ветер дул мне в левое плечо, тогда я в любом случае выйду в пойменный лес Гижиги. В густом лесу не так сильно пуржит и есть дрова. Только там мое спасенье. К тому же выйдя на русло реки, я сориентируюсь, где нахожусь и в какой стороне домики, в которых живут рыбаки. Этот район реки я хорошо знаю, бывал и летом, и зимой. Поднимался на лодке намного выше, по половодью спускались мы с верховьев на плотах.

Я развернулся на месте, встал так, чтобы ветер дул в левое плечо и, как мог, ускорил движение, преодолевая шквальный напор, пошел искать Гижигу. Плотный снег облеплял лицо, попадал в глаза. Я шел и шел, временами спотыкаясь на снежных ухабах и твердых застругах. Не знаю, как долго, только удары ветра как будто стали слабее. Все время следил за направлением ветра.

Внезапно наткнулся на стену кустов, рядом деревья чернеют, крутой спуск с какого-то бугра; возможно, это пойменная терраса реки. Скатился вниз, у самого подножья лыжи вонзились в снег, и я упал ничком. Лицо в снегу, кое-как поднялся. При этом порвал крепление левой лыжи. Только этого не хватало. Хорошо, хоть не сломал. Отряхнулся, сняв и вторую лыжу. Несомненно, это Гижига, лиственный лес, густые кустарники. Здесь, в лесу, не такая сильная пурга, как на равнинах. Теперь мне спокойней. В случае чего разожгу костер и дождусь утра, тут-то не замерзну.

У меня привычка еще со школьных лет — носить в рюкзаке свечку, завернутые в целлофан спички, небольшую веревку или ремень. И на этот раз в рюкзаке у меня моток плетеного сыромятного оленьего ремня. Я просто привязал левую лыжу к ноге и пошел искать русло

реки, чтобы определиться, где же все-таки нахожусь и в какой стороне находятся избушки, где мы ночевали, когда ехали на забой оленей.

Вот и русло. Возле берега чернеет открытая полоса воды. Слышно, как в полынье и подо льдом громко журчит вода. В какую же сторону течет река? Правильно ли я сориентировался? Как проверить? Близо не подойдешь, можно провалиться. Да, а для чего же посох-то? Опустил конец посоха в черную полосу воды, и сильное течение реки ударило по палке. Значит, все в порядке: и направление ветра прежнее, и я правильно поступил на равнинах, когда развернулся назад.

Прошел немного вверх по берегу, чтобы обойти промоину, выбрался на лед. Перешел реку. Густой лес вплотную прилегает к левому берегу. Место вроде знакомое. Тут рядом в гуще леса должна проходить проделанная лесозаготовителями еще в пятидесятых годах просека. Лес, заготовленный зимой, сплавлялся летом до устья. Чтобы точнее определиться с моим местонахождением, я углубился в глубину леса метров на двести, наткнулся на просвет просеки в темной массе ночного леса. Эта просека упирается прямо в домики охотников и рыбаков. Уж по ней хоть и с подвязанной лыжей доберусь, осталось идти вниз еще не менее семи километров.

Только вот страшно хочется пить, я уже горстями ем снег. Проголодался тоже изрядно, но терпеть можно. Однако вот пить... Вот тут, где-то совсем рядом, должна быть незамерзающая протока, впадающая в Гижигу. На берегу той протоки стоит рубленая охотничья избушка с небольшой железной печуркой, есть и нары. Хорошая, теплая. Осенью не раз доводилось там ночевать. Надо ее поискать.

Вернулся по своему же следу к реке и пошел вверх по берегу. Вскоре наткнулся на устье той самой протоки. Но радовался преждевременно: дверь оказалась распахнутой настежь, вся хижина была забита снегом чуть ли не до самого потолка. Надо же, летом или осенью кто-то оставил дверь открытой.

Как я расстроился тогда от усталости и жажды! Наломал и натаскал сухих дров, разгреб снег возле избушки, накидал веток, чтобы на них сидеть. Установил таган, зачерпнул воды из протоки и быстро вскипятил чай. Разложив свой нехитрый ужин на рюкзаке, достал из нагрудного кармана меховой куртки часы и удивился — всего-то одиннадцать вечера. Время еще детское, а я-то думал, что скоро утро.

Здесь, под кронами спящего векового леса, под покровом ночи и снегопада, у ночного костра доведется мне встретить Новый год с кружкой горячего чая. Возле огня на ветках оттаивают изрядный кусок отварного мяса, груды лепешек. А деревья трещат от ураганного ветра. Пурга лютует, представляю, что сейчас творится там, в тундре, в равнинном редколесье, где буквально два часа назад я чуть не заблудился. У потрескивающего костра, где так много сухих дров, блаженство и покой. Не надудо бы снега в избушку, было бы вообще

замечательно. Натаскал бы дров, раскопчегарил печку и проспал до утра. И крепление бы отремонтировал.

Вот и полночь. Все мои односельчане подняли бокалы и ждуют боя кремлевских курантов. Сельский клуб сейчас пустой, все разбежались по домам до двух часов ночи, а потом снова люди хлынут в клуб продолжать веселье. И жена с сыном Димкой сели за новогодний стол ужинать. Не догадываются, что папа справляет Новый год у костра, в ночном лесу. Жена думает, что я остался в оленеводческой бригаде доделывать дела, поэтому, наверно, не беспокоится. Ну это даже хорошо, она привыкла к моим длительным мотаниям по стадам, хоть зимой, хоть летом.

Прервав раздумья, я громко ударил кружкой чая в подвешенный на тагане алюминиевый котелок, с которым не расстанусь в командировках. Мне даже почему-то смешно. После еды и чая разморило, стало тепло и покойно. Улегся бы сейчас возле костра и сразу уснул. К тому же вернулась усталость. Но до рассвета еще шесть-семь часов. А через час-полтора холод проберет, придется подниматься, поддерживать костер. Отсюда по просеке максимум три часа ходу до охотников. Если бы не порвалось крепление, было бы куда проще. Придется идти шагом, высоко поднимая ногу. Да еще темень крошечная. Но глаза привыкнув к темноте. Главное, в лесу метет слабее, чем на отдельных буграх с открытыми островками и полосами редколесья, где меня застала пурга. Чем всю ночь мерзнуть у костра, лучше идти. Времени сейчас... час ночи, в четыре доберусь до избышек, там люди и тепло.

При свете костра все собрал, увязал рюкзак. Прикрепил кожаным ремнем лыжу и хорошо, основательно привязал теперь уже к правой ноге. Бросил в огонь остатки дров. Пламя взметнулось. Искры, как звездочки, разлетались по сторонам и растаяли на лету в холодном воздухе, смешиваясь с падающими снежинками. Шагнув в чащу леса, оглянувшись и между деревьями увидел колеблющиеся проблески одинокого новогоднего костра.

Идти с одной лыжей было не так уж тяжело, как мне представлялось. К тому же я вскоре приноровился к такой ходьбе. После чая и отдыха появилась бодрость, сил будто бы прибавилось. Двигался все время по просвету просеки, временами делал передышки, но очень короткие. И шел дальше. В километре от жилья охотников с левой стороны в Гижигу впадает неширокая глубокая горная речка. Она длинная, до ее истоков далеко. Там, у ее берега, обрывается моя просека. В устье этой речки мне и нужно переходить на правый берег Гижиги и до самых домиков идти по правой стороне. Лес редкий, и множество старых пней с белыми снежными шапками похожи на сидящих и стоящих людей. Не снимая лыж, проковылял я по засне-

женному льду, постукивая посохом: мало ли что, под снегом может оказаться промоина.

Залаяли привязанные собаки. Света в окнах обоих домов нет, спят охотники. Остановился у входа в сени и пытаюсь отвязать узлы на лыже: плетенка обледенела. Скрипнула дверь. Вышел Нестор.

— Кто пришел? Кто тут? — спросил он.

— Это я. Здравствуй. С Новым годом!

— Ты, Костя? Ну ты даешь! Откуда в такую-то погоду? Лазаешь, как призрак.

— Из бригады иду, Нестор. Пурга застала. Вчера вышел и заплутал. Крепко блуканул на равнинах-то, еле приплелся.

— Ладно, заходи в дом. Слышу: собаки лают, не пойму, что случилось. Пришлось вставать и выходить во двор, мало ли что, — говорит Нестор, кутаясь в старенький тулуп. — Василий-то только позавчера укатил в поселок. С тех пор и рыбачил, как вы проехали на забой в бригаду. Хорошо поудил, мешка два, наверно, надергал, притом мальма крупная, мелочи мало. С ним и Савелий уехал. Зуб его вконец замучил.

Нестор рад поболтать. Я рассказал ему, отчего с вездеходом не уехал — доделывал отчетность.

— Ну ладно, хозяйничай сам. Там за печкой на полу кастрюля и сковородка с едой. Чайник на печке, может, еще не остыл. Печка давно угасла, лег-то я рано, хоть и Новый год. А чего мне одному долго сидеть, свечи жечь попусту, — сказал Нестор и стал укладываться.

— Отдыхай, Нестор, сам разберусь, что к чему, я тоже умудохался, спать хочется, глаза слипаются.

Покушав, выпил пару кружек теплого чая и вышел на улицу, чтобы занести покалеченную лыжу, снял и повесил торбаса на перекладину для сушки одежды. Торбаса промокли, рукавицы, ватные брюки и куртка тоже потяжелели от влаги. Короче, всю одежду пришлось вывешивать для сушки. Лег на нары, укрылся ватным одеялом и — как в бездну провалился. Проснулся в двенадцать часов дня. Нестор уже все свои хозяйственные дела закончил и обед сварил. Погода стала проясняться, небо посветлело; снежок временами еще сыпал, но ветер утихал. Только на юго-востоке висели еще рваные темные тяжелые тучи.

— Капканы, поставленные на лис, занесло. Теперь уже завтра, когда установится хорошая погода, пойду откапывать, — сокрушался Нестор. У него пять ездовых собак, на них он передвигается по речке проверять капканы, петли на зайцев, заодно рыбалит. На них же ездит в село.

После обеда я занялся ремонтом лыж — поставил новые крепления. День пролетел в хлопотах. Пойду-ка я в Гижигу, благо одежду, обувь и лыжи подсушил. Хорошо отдохну и завтра двинусь дальше, в поселок.

Улеглись мы очень рано. Усталость у меня еще не прошла. Нестор, любитель поболтать, рассказывал мне что-то, я уже задремал. Нестор встает рано — охотничья и рыбацья жизнь приучили. В прошлом году он получил пенсию, а так всю жизнь проработал в колхозе — охотник, рыбак. Долгое время каюрил на собаках. Он и сено хорошо косит — за ним не угонишься.

В семь утра старик разбудил меня. Завтрак уже был готов, и чайник вскипел. Нестор сварил уху в эмалированной кастрюле, на второе — макароны с говяжьей тушенкой.

— Ты, Костя, хорошо покушай, а то проголодаешься в пути-то. За восемь-девять часов умаешься. Короче, до вечера топать придется. Но ничего, погода ясная, морозно. Идти на лыжах будет легко по дороге-то. На открытых местах снег выдуло. Лыжи камусные, катиться быстро будешь. На дорогу покушать что нужно возьми, проголодаешься, — наставлял меня охотник.

Поблагодарив Нестора, я встал на лыжи и заскользил по полузанесенной дороге. Идти и впрямь было легко. Дул легкий ветерок.

Когда я подходил к селу, зажигались уличные фонари. В некоторых дворах выли и лаяли собаки. На окраине села снял лыжи и понес под мышкой. Когда подошел к дому, веселым визгом меня встретил Малыш. Вопреки кличке, высокий плотный пес. Когда вошел домой, жена хлопотала у плиты, сын играл в комнате с соседским мальчиком — закадычным другом Сенькой.

Обнял я, расцеловал всех и поздравил с праздником. Так закончилась моя новогодняя командировка.

ГИБЕЛЬ ЛЕСНОГО ВЕЛИКАНА

Морозным декабрьским днем пожилой пастух Егор обследовал новое богатое кормом пастбище, чтобы в последующие дни перегнать туда оленей. Когда проходил берегом реки, его внимание привлекли следы двух лосей. Прошли они трое суток назад. Неторопливо обламывая веточки тальника, медленно двигались берегом реки. Охотиться Егор не собирался. Важнее было убедиться, что плотность и глубина снежного покрова позволят пройти стаду. Просто лосиные следы вели в ту же сторону, куда держал путь старик. Пройдя еще некоторое время вверх по реке, он поднял с лежки лосиху, та стремглав скрылась в заиндевелой чаще. «Почему же она одна? — подумалось Егору. — Ведь их было двое».

Крутой берег, поросший ивняком, был сплошь в лосиных следах. Видны были и коричневатые кучки помета на лежках. Подойдя поближе к реке, пастух увидел зияющую полынью, затянутую молодым льдом. Снег на льду реки был достаточно глубоким, так что были

отчетливо видны следы одного из лосей, ведущие к полынье. Почти на середине реки крупный бык облюбовал ветки сырого тополя, вершина которого торчала из-под льда. Дерево, принесенное осенним паводком, затонуло в глубоком водовороте и было прихвачено льдом, как тисками.

Лось беспечно подошел к лакомству, успел откусить и разжевать всего несколько веточек, как лед сломался под тяжестью животного. Глубина в том месте большая, лось ухнул в холодную воду, ударившись рогами об обломки блестящего мокрого льда. Достань сохатый ногами дна водоема, он бы еще долго боролся за жизнь, стремясь пробить путь к спасительному берегу, пока хватило бы сил и тепла в его угасающем теле. Неподалеку от полыньи, поглотившей лося, темнели на льду еще две промоины, затянувшиеся льдом. И вполне может быть, что сильный бык, пока в легких оставался воздух, сумел бы ударом мощной рогатой головы пробить неокрепший лед. Но этого не случилось. Он ушел с головой, и его затянуло под лед. Тщетно ожидала его лосиха.

Старый пастух, тяжело вздохнув, сел на холодную, насквозь промерзшую валежину, стряхнув с нее снег. Неторопливо достал из-за пазухи старый замшевый кисет с махоркой, набил табаком самодельную трубку, чиркнул спичкой и жадно затянулся. Задумчивый взгляд старика упал на темное пятно на середине реки. Наверное, там...

Эти сильные звери, великолепные пловцы, часто гибнут на зимних водоемах.

Вспомнилось, как, будучи молодым парнем, промышляя белку по Омолону, набрал на торчащую из-под льда рогатую голову. Прожорливые росомахи успели обглодать ее. Лишь пустые глазницы черепа уставились в небо.

Пастух с кряхтением поднялся с колодины, надел свои старенькие лыжи и, опираясь на легкий посох, побрел дальше. Вскоре сутулая фигура старого оленевода бесследно растворилась в темной пелене спускающихся на зимний лес сумерек.

СОН

Этот удивительный сон запомнился мне на всю жизнь. А привиделся еще в студенчестве. Я отработал лето в оленеводческой бригаде как практикант, на полставки пастуха. Полмесяца побыл оленеводом, остальное время занимался лечебной и зоотехнической работой. В те годы в оленеводческие хозяйства еще не внедрялась техника. Единственным техническим оснащением в нашей бригаде был ручной опрыскиватель, при помощи которого мы обрабатывали

стадо от нападения оводов и кровососущих насекомых. А так круглый год пастухи кочевали на оленях.

Наступил конец августа. За школьниками из Гижиги должен был прилететь вертолет. Я планировал попасть на него. Оленеводческая бригада стояла на ручье Мрачный. Собственно это даже не ручей, а хорошая речка, в которой иногда попадался на блесну приличный хариус. Мрачный — правый приток левого Кедона. Река Кедон — это один из крупных левых притоков реки Омолон.

Уже несколько дней откладывался вылет вертолета в бригаду из-за нелетной погоды. На Омолоне она чудесная — солнечная и теплая, а на Охотском побережье низкая облачность, местами шли дожди. Жил я все лето в палатке у бабушки Карповны: хозяйственная добрая женщина и во всем помогала своему мужу, деду Тяргею. В годы войны и позже Карповна и Тяргей, работая в колхозе, зимой часто выезжали в тайгу на промысел белки, а весной работали на путине в Наяханской губе, на вылове нерестовой сельди, которую колхоз сдавал на рыбозавод. Потом пожилые супруги стали постоянно работать в оленеводстве.

И вот однажды мне приснилось, будто сижу в палатке и вдруг забегают дети и говорят:

— Дядя Костя, тебя какая-то старуха ищет, она такая страшная! Со стороны леса пришла.

И тут же, вслед за детьми, в палатку ввалилась старая-старая женщина. И очень страшная: лицо изрезано глубокими морщинами, черное, как у негра, одни зубы и глаза блестят. Пальцы на руках скрюченные и тоже черные, словно в саже. Дети притихли, сбились в угол палатки. Старуха присела у входа, растопырила руки над теплой печкой и вроде греет их. А сама уставилась на меня своими страшными и, как мне показалось, злыми глазами и промолвила:

— Ты собираешься улетать?

— Да, — отвечаю, а самому страшно.

— Прежде чем улететь, приходи ко мне в гости, я подарю тебе вот этих двух рыбешек, — говорит, а сама откуда-то из-за пазухи достает двух небольших хариусов, показывает мне на ладонях. А рыбки как живые, блестят, такие чистенькие, как будто их только что из воды достали. — Приходи, живу я недалеко, между сопками, около перевала, — и вышла из палатки.

Со страху во сне я не нашелся, что ответить. Ни да, ни нет. Утром на радиосвязи снова передали, что «вертушки» не будет, но в плане на завтра стоит вылет при наличии летной погоды. За утренним чаем я рассказал про свой ночной сон, а Карповна мне и говорит:

— Костя, хороший сон тебе приснился, вертолета сегодня не предвидится, лучше бы ты сходил на охоту, мне кажется, будет тебе удача.

— А что, и вправду, схожу-ка я на охоту, по сопкам поброжу, а то когда еще к вам попаду, — сказал я деду Тяргею и бабушке Карповне. Взял карабин и пошел в сторону перевала.

Километров на восемь удалился от палаток. День ясный и солнечный, и ветра нет. Жарковато стало от быстрой-то ходьбы. Поднялся на небольшой холмик у подножия и сел отдыхать. По привычке скинул короткие сапоги, чтобы портянки подсушить на солнышке и ногам дать отдых. Вокруг несколько невысоких бугров, которые я облюбовал для отдыха и обзора близлежащей местности. А между буграми овраги, колдобины и всюду низкорослый стланик. Достал я бинокль, рассматриваю местность. И вдруг... В поле зрения что-то мелькнуло. Хорошенько присмотрелся: два крупных самца снежного барана ходят в ложине между холмиками, кормятся перезрелыми грибами. Рога здоровенные, а самих баранов на фоне белых и темных лишайников почти не видно: сливаются с окружающим ландшафтом. Тихонько двигаются в мою сторону. До зверей не более четырехсот метров, они увлечены поиском грибов, поэтому меня, сидящего на лысой верхушке бугра, не заметили.

Я прилег, обулся, прикинул их направление и выбрал место, куда добежать и залечь, чтобы бараны сами вышли на меня, иначе их спугнешь. По берегу неглубокого оврага, нагнувшись, пробежал метров двести до подножия высокого холмика, на котором росли кустики стланика. Присел на колени отдышаться, сердце бешено колотится. Скинул футляр с биноклем, чтобы не мешал, пополз на вершину бугорка, лавируя под кустиками. Приподнявшись на руках, выглянул между кустиками в просвет стланика. Как и рассчитывал, бараны кормились и медленно шли в мою сторону. Временами они, подняв головы, прислушивались и оглядывались по сторонам, и когда они поворачивались в мою сторону, казалось, что смотрят два человека с закинутыми на затылок руками. Я под стлаником хорошенько приготовился к выстрелу и стал поджидать. Бараны явно намеревались подняться на бугор, где я залег, шли прямо на меня.

Подпускать их слишком близко нежелательно. Малейшее движение или шорох могут меня выдать, или ветерок может дунуть. С близкого расстояния легко промазать, а в бегущего барана попасть очень тяжело. Они совсем близко, метров сорок осталось. Решил стрелять в крупного: вроде бы он водит. Немного не дойдя до подножия бугра, они остановились и, подняв головы, стали прислушиваться. Я нажал на спусковой крючок. Круторог рухнул. Второй помчался на меня, но едва я передернул затвор, остановился у самого подножия бугра. Повернул голову, начал смотреть в ту сторону, где упал первый баран. Я произвел второй выстрел. Первый раз я стрелял, можно сказать, сверху, видимо, эхо отдалось в противоположной стороне за баранами, и поэтому второй помчался в мою сторону.

Обоих баранов волоком перетащил к ближайшему ручью, где текла холодная и чистая вода. Бараны были упитанные, жирные, килограммов этак по сорок. Одного разделал полностью, нарубил веток, настелил их на мелководе и разложил на веточки мясо, а сверху шкурой накрыл (так мясо хорошо сохранится, с воды-то холод идет). Снял рубашку, привязал на палку и воткнул в землю около мяса, на берегу. Запах человека все-таки будет зверей отпугивать, и мясо легче будет отыскать, если пастухи придут без меня.

Второго барана, что поменьше, полностью разделывать не стал, вынул только внутренности и отрезал голову, а саму тушу решил унести. Пока управился с мясом, совсем за вечерело, но когда тронулся в обратный путь, солнце еще не скрылось. Полпути прошел сравнительно легко, хотя и приходилось часто отдыхать. Но потом, когда совсем стемнело, идти стало трудно. В кромешной темноте наткнулся на кусты, несколько раз падал в ямы. К полуночи пришел к палаткам. Обеспокоенные моим долгим отсутствием старики не спали.

Когда я подходил к палатке, собаки, учуяв запах зверя, с визгом начали носиться вокруг меня. Я шумно обронил на землю тушу около палатки.

— Костя пришел! Кого он так громко сбросил, неужели чего-то притащил? — слышу, как Карповна переговаривается с мужем.

Когда зашел в палатку, вид у меня был, конечно, интересный: одна майка под легкой курткой, потный.

— Ыртыкэн, хи, ями эчикын, долбучинды? (Ну надо же, ты чего так припозднился?) — с удивлением спросил дед Тяргей.

Заглянул на огонек и дед Степан, только что пришедший с дневного дежурства в стаде. Ему тоже захотелось узнать, почему я так долго пробыл на охоте. Ну я все рассказал, как все прошло, и объяснил, где найти оставленное мясо, если завтра улечу.

Назавтра к обеду прилетел вертолет, забрал детей и меня заодно.

ПОТУХШИЙ КОСТЕР

Быль

В давние годы много в тайге водилось белок. В день охотник мог добыть два десятка. Беличьим мясом сам питался, собак кормил, тушками белок лакомились и ездовые олени. Наверное, потому, что белка кормится в основном грибами, а если попадаются шишки кедрового стланика, то и орешками. Чтобы за зиму добыть побольше пушнины, некоторые пастухи-кочевники предпочитали уезжать на весь охотничий сезон парами. И тогда в стаде зимовали одни старики.

С оленями управлялись: зимой стадо пасется спокойно, глубокий снег не дает животным шибко разбредаться.

С рассветом старики на широких лыжах, обшитых оленьим камусом, гурьбой шли к стаду. Обходили его вокруг: нет ли волчьих следов. По укоренившейся привычке разгребали лыжами снег, проверяя, есть ли под покровом снега ягель для питания оленей.

Если на пастбище все было благополучно, старики садились на свои же лыжи, доставали замшевые кисеты с самодельными трубками и подолгу с удовольствием курили. После каждой глубокой затяжки на лютот холоде всех душил мучительный хриплый кашель, из глаз текли слезы. Передохнув немного, расходились по тайге в поисках дуплистых сухостойных деревьев, в дуплах закладывали костер. Трухлявые сухие деревья вспыхивали, как порох. Пламя устремлялось вверх по пустому стволу дерева и вырывалось у самой вершины. Из трещин и отверстий валил густой дым с огнем, и казалось, что в лесу стоит огнедышащий великан. А некоторые деревья с шумом падали.

Старики, довольные проделанной работой, вереницей плелись к юртам. Олени не боялись странных костров, привыкли. Зато волчья стая остерегалась этих огней и не решалась напасть на стадо. Повоют ночные бродяги, порыщут по близлежащим холмам и перед утренним рассветом уходят к горным отрогам в поисках другой добычи.

Давно это было, очень давно. Много холодных зим минуло с той поры. Много буйных весен отшумело. Не пылают уже в ночном лесу яркие костры оленеводов-кочевников. И только древний седой Омолон по-прежнему несет свои воды в неведомые синие дали.

Когда выпал снег и ударили сильные морозы, а мездра на шкурке белки побелела, пастухи-охотники начали готовиться к зимней охоте. Одни ремонтировали лыжи, сбрую, ремни и постромки на вьюках. Остальные, в основном молодые пастухи, выстругивали себе упругие луки и деревянные стрелы, чтобы бить в белку. Беспрестанно сновали по стойбищу от юрты к юрте, договариваясь, кто с кем выедет на охоту и по каким рекам. В стойбище кочевников царило оживление. Обитатели стойбища жили предстоящей зимней охотой на белку.

Охотник Каркичан (ждущий, ожидающий) вдвоем с женой тоже откочевал с насиженного стойбища в тайгу. Белка добывалась легко, пушнины было много. Изредка попадались следы хэгыпа (соболя). Хэгып-соболь также охотится на олики (белку). Если соболя мало, белки больше в тайге разведется. Каркичан отправлялся на охоту рано, на рассвете, вечером возвращался в сумерках. В хлопотах дни летели быстро. Семья Каркичана откочевывала все дальше и дальше, отдаляясь от основного стойбища, где остальным зимовать старики. Но чем дальше Каркичан уходил по намеченному маршруту, тем глубже становилась его смутная тревога. Вдобавок ко всему, огонь в его юрте частенько о чем-то стал «предупреждать» хозяев. Характерный треск

в костре по вечерам был таким же звонким, как удар обухом охотничьего ножа по железу. Это неспроста.

Однако охотничий азарт брал верх. Ведь по ручьям и лесистым склонам сопок белки было много, в каждом гайне жило по три, а то и по четыре зверька. И Каркичан с женой чрезвычайно этому радовались. Каждый раз, увязывая скарб, он убеждал жену: мол, пройдем еще одну-две перекочевки и повернем обратно, и нашей хорошей охоте будут завидовать другие, менее удачливые.

Конечно, нельзя игнорировать предупреждения огня. Каркичан, да и жена его на протяжении всего пройденного пути не забывали еще об одном важном и довольно серьезном предсказании, которое, несмотря на богатый промысел, омрачало им существование.

Дело в том, что перед самым отъездом умеющие старики гадали по левой лопатке забитого оленя. Вот и Каркичан перед уходом в дальний охотничий путь упросил-таки гадалыщиков «просмотреть» и его, Каркичана, путь-дорогу по тайге, которым он поедет белковать. Тогда Каркичан не поспешил, зарезал для этой серьезной цели принадлежавшую ему исправную и красивую пеструю гулку (телку). Гадать принято на лопатке здорового молодого оленя, тогда лопатка «не соврет», выскажет и покажет всю правду, как она есть.

Конечно, есть у Каркичана достойный для убоя олень — это старый хромой учик, но лопатка больного оленя, пусть даже некогда сильного и хорошего бегуна, может подвести, не раскрыть неведомые тайны охотничьего пути. Тогда, перед предстоящим гаданием, Каркичан целый вечер старательно скоблил лопатку, удаляя остатки мяса. Потом повесил очищенную кость внутри юрты на чору (опора в виде треноги), где висит старый закопченный чивясса (деревянный численник), доставшийся от покойного отца. Оленья лопатка висела два дня, высохла и побелела.

На третий день с утра Каркичан нарубил побольше сухих дров, чтобы хорошо разгорелся в его юрте костер, побросал в огонь кусочки сала, пошептал, прося о чем-то. Перед серьезным гаданием огонь надобно задобрить, заручиться его поддержкой. Когда костер запылал, Каркичан поспешил к жилищам стариков-гадалыщиков, чтобы зазвать их. Старики не откажутся выполнить заказ Каркичана, на них можно положиться, результат прочтут до мельчайших подробностей, до единой трещинки на лопатке оленя, разложат охотничий путь Каркичана от начала и до конца, даже след голодной онаки (росомахи) не останется вне поля их зрения.

Так размышлял Каркичан, рыская по юртам. Результаты гадания на кости пестрой гулки оказались неутешительными и даже тревожными. На протяжении всего кочевья дорога Каркичана пересекается со следами буюна (дикий олень), онаки, возможно, даже стая волков пройдет. Хорошо хоть, не видно больших следов, похожих на следы

нугдэ бокилэн (медведь-шатун). Это в какой-то мере успокоило взволнованного и разочарованного Каркичана. В общем-то, путь охотника на протяжении большей части маршрута был безукоризненно прямым и чистым. А вот в самом конце на лопатке появилась тонкая трещинка в виде крестика. Старики поникли, отложив лопатку, принялись за трапезу. Поели горячего мяса, поданного хозяйкой, запили жирным бульоном, и вновь взялись за лопатку.

Да, несомненно, в конце пути Каркичана, откуда он должен был повернуть назад к стойбищу, чернеет крест. Это означало, что там, далеко, в конце маршрута может случиться непоправимое. Старики стали уговаривать Каркичана изменить задуманный маршрут, поехать по другим речкам. Но охотник был неумолим. Прежде чем расходиться по юртам, гадалыщики еще раз предупредили Каркичана, чтобы в конце кочевки был предельно осторожным и аккуратным. В темноте и в полынью запросто провалиться, и топором по ноге рубануть. В безлюдной тайге всякое случается.

Через день после гадания Каркичан выехал на промысел. Он охотывался все новые и новые места, пересекая речки с густыми перелесками, переходил через перевальчики, оставляя стоянки с потухшими заиндевевшими кострищами. Зимний день заметно пошел на прибыль. Год одолел самую свою вершину и теперь начинает спуск к весне и к лету, словно охотник с высокой горы. По ночам мороз был еще крепок, даже внутри замшевого полога было слышно, как в ближнем ручье трещат мерзлые сучки на лиственницах.

Перед самой последней перекочевкой Каркичан убил большую жирную нями (самка) буюна. А мунгурки были плотно набиты тугими связками высушенных беличьих шкурок, мясом глухаря и отдельно в старых мунгурках мерзлые тушки белки. Предусмотрительная жена Каркичана заготавливала мясо про запас, на обратный путь. В конце концов, в стойбище возвращаться с дальней охоты вовсе без подарка неприлично. Вот поэтому большую часть мяса буюна пришлось оставить на стоянке, чтобы забрать завтра. Нельзя перетруждать выючных оденей.

Последнюю, завершающую кочевку семья проделала без привычной спешки. На ровной полянке, окруженной молодым густым лиственником, Каркичан выбрал место, где ставить юрту, носил и рубил дрова, ломал ветки на подстилку. Трудолюбивая проворная жена тем временем деревянным эруном (лопата) расчищала снег под юрту.

— Каркичан, — позвала она мужа. — Тут под снегом валяются какие-то сухие палки, будто топором обтесанные, некоторые обломки похожи на ирука (шесты для юрты).

— Ладно, хватит разглядывать гнилушки. Ну подумай, откуда взяться в глухомани струганным палкам? Упало сухое дерево и рассыпалось, — ответил Каркичан, продолжая колоть дрова.

Тут же, рядом с людьми кормились ездовые олени, отпущенные на волю. Трех оленей Каркичан не отпустил, и те оставались на длинной привязи. В юрте ярко разгорелся костер. В почерневшем котле варилось мясо дикого оленя. Наваристый жирный бульон выплескивался на костер, огонь вспыхивал и шипел.

— Соскучились мы с тобой по свежему мясу. Всю дорогу питались глухарем да белкой, — проговорил Каркичан, отрезая у самых губ ароматные жирные кусочки мяса. Он заглатывая их, почти не жуя. — Ты видела, когда кочевали сегодня, сколько следов белки, будто нарочно хлестали веткой по снегу. На завтра откладывать не буду, за мясом поеду сейчас, ночью, как взойдет луна. До рассвета вернусь. А ты натяни полог и ложись спать. Утром привезу мясо, нарублю побольше дров и пойду на охоту. Дня три будем стоять. Оленям дадим передышку и сами отдохнем перед обратной дорогой к стойбищу. А ты перебери пушнину, еще раз пересчитай шкурки, мясо уложи по мунгуркам равномерно, чтобы в пути не возиться.

Голубоватым тусклым светом осветила луна горы и низины. Каркичан оперся на березовый посох и легко сел на верхового оленя. Наевшиеся ягеля олени с места перешли на рысь. Вскоре Каркичан растаял в ночном сумраке леса.

Тем временем его жена, подбросив в огонь сухих дров, натянула полог на кожаных тесемках, расправила кучу (спальный мешок) и улеглась. В пологе было тепло и уютно. Уже засыпая, она услышала шаги снаружи, за кожаными стенами юрты. По характерному скрипу снега поняла: возле юрты ходил человек, а не олень. «Наверное, муж вернулся», — подумала она. Шаги направились к входу, в юрту кто-то вошел и с легким вздохом сел рядом с пологом, напротив догорающего костра.

— Ты что, вернулся? — спросила она. За пологом никто не ответил.

— Каркичан, что молчишь, может, заболел? Подбрось в костер дров, а то потухнет.

Никто ей не отвечал.

Испуганная молчанием мужа, откинув края полога, женщина выглянула наружу. Возле полога в полумраке сидел человек.

— Что случилось, Каркичан? — громко спросила она.

Сидевший в темноте человек резко повернулся и холодными цепкими руками схватил ее за кисти. Она громко закричала и потеряла сознание.

Очнувшись женщина от жуткого холода, ее всю трясло. Лежала на спине, без кучу. Не сразу сообразила, что произошло. В ногах ощущалась какая-то тяжесть. Нутром она чувствовала, что в пологе кто-то есть, и этот кто-то находится рядом, сидит на ее онемевших ногах. Она испуганно рванулась в сторону потухшего костра. Сильные руки опять

схватили женщину. Голос ее осекся, вместо крика из гортани вырвался лишь тихий хрип, и она вновь впала в беспамятство. В очередной раз пришла в себя, услышав громкий голос Каркичана:

— Жена, ты заспалась сегодня. Небось, устала вчера. Вставай, уже светает! Вставай! Все мясо привез, ничего не оставил на стоянке.

Каркичан разжигал костер. Она рассказала мужу все, что произошло с ней ночью в юрте, когда оставалась одна. После полудня ей стало плохо. Ее рвало, тело горело, как в огне. В тот же вечер жена Каркичана умерла. Ночью, поддерживая в юрте огонь, Каркичан обратил внимание на то, что под костром, в оттаявшей земле образовалась яма, в которую стали падать горящие угли и головешки. Удивленный Каркичан отгреб костер. «Медвежья берлога, что ли, была», — подумал он и при ярком свете костра стал шарить палкой в расширяющейся яме. Там были почерневшие доски, комки истлевшей шерсти, смешанной с землей, и что-то похожее на позеленевшие кости. Каркичан вспомнил, что жена говорила вчера про какие-то палки. Когда рассвело, Каркичан отыскал в снегу те самые палки. Это были обломки большого старого креста. «Надо ехать в стойбище за мужчинами», — подумал он, оседлав двух самых быстрых своих оленей и помчался в обратный путь.

НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ ТАЙГИ

Вековая тайга и бескрайняя тундра до сих пор хранят неразгаданные сокровенные тайны. Можно пройти мимо, не придав особого значения увиденному: мол, это творения самой природы, а не следы многовековой деятельности человека. Вот обыкновенные булыжники, торчащие из-под мха, расположены в форме шкуры медведя, оленя; вот камни, выложенные на ровных сухих полянах в виде больших овалов. Кто же так старательно подбирал камни и укладывал их в правильном порядке? Зачем и когда? И каков возраст этих творений, если камни впечатались в сухую почву?

В первом случае люди сушили на солнце шкуру добытого на охоте большого медведя, шкуры оленя, лахтак. Во втором женщины растягивали только что сшитые белые замшевые покрывала для юрты, придавливая камушками.

А какие изящные получались из твердого камня ножи, скребки для выделки кожи, ледорубы или тесаки для обработки дерева! С каким знанием дела была изготовлена граненая игла из твердой желтой кости, длиной не менее 16–18 сантиметров с проушиной, извлеченная с трехметровой глубины берегового разлома школьниками, проходившими производственную практику в оленеводческой бригаде в конце восьмидесятых годов! К большому сожалению, найденные школьниками артефакты сохранить не удалось...

А вот цепочками уложены разноцветные камни в виде кочующего оленьего выючного каравана. В конце каждой длинной цепи обязательно присутствует крупный белый камень. Что это? А это дети древних кочующих оленеводов в своих играх изображали выючный караван. Впереди каждого каравана ехала сама хозяйка, восседавшая на высоком белом олене. Дети всегда были детьми и во все времена любили играть в то, что видели вокруг.

Можно найти камни, сложенные правильными кругами, круг не замкнутый, а с разрывом, внутри круга плоские камни плашмя, на этих плоских камнях кучки мелких белых и черных камней. Это дети в играх изображали свои жилища. Разрыв в каменном круге – это двери. Внутри юрты на кожаных скатертях, а может, в деревянных тарелках, лежат куски мяса (темные камни) и сала (белые камушки). Иногда продолговатыми камнями могут быть изображены люди, застолье. Если вокруг стола много продолговатых камешков, стало быть, обедало много гостей. У детей в древности набор игрушек был ограничен.

Уже никто не кочует по некогда девственной, богатой зверем, птицей и рыбой тайге, по равнинной тундре, где можно было видеть лавины передвигающихся оленьих стад, а весной – сплошной блестящий ковер крыльев гусиных стай, летящих на Север, на гнездовье. И только каменные караваны продолжают в веках свой долгий путь без хозяев. А в каменных «юртах», будто в ожидании своих хозяев и гостей, в деревянных нинах (корытцах) парит ароматное жирное мясо.

В северо-восточной части побережья Охотского моря встречаются глубокие ямы, вырытые на каменных россыпях небольших сопок. Глубина обычно составляет около двух метров, диаметр бывает разным. Это «наблюдательные пункты» хоныл – таежных пиратов, свирепствовавших в здешних местах две-три тысячи лет назад. Размеры и количество ям, видимо, зависели от численности воинов в деревянных доспехах, сидевших в каменных окопах с луками и копьями в ожидании очередного оленного каравана.

Об этих наблюдательных пунктах и хозяевах каменных окопов рассказывалось в легендах и сказках народов Севера, передаваемых из поколения в поколение. Следы повсеместной деятельности древних людей говорят о заселенности нашего края в далеком прошлом. Оленеводы издревле кочевали по сезонным маршрутам, и можно определить, в какое время года хоныл устраивали свои засады. По стоянке любой давности можно определить, в какое время года оленеводы стояли в этом месте – зимой, весной, летом или осенью. Если сруб на старых пнях высоко – значит, зима была снежной; если пни короткие, стало быть, в ту зиму снега в тайге выпало мало.

На высоких скалистых террасах морского побережья, обычно на берегах уютных бухточек попадаются глубокие ямы, заросшие травой, в которых еще сохранились кости крупных морских животных – белухи или кита. В этих ямах древние зверобои хранили мясо. Как они добывали морского зверя? Я думаю, очень просто – сетями, как и мы, их потомки. Древние охотники били нерпу на лежбищах деревянными дубинками. Плели крепкие сети из кожи: нерпа, попадая в них, задыхалась.

Много лет назад, когда функционировал гижигинский колхоз, там выращивали голубых песцов, на корм пушным зверькам добывали белух – это крупное млекопитающее, весом более двух тонн – никакие сети не выдержат! В Гижигинскую губу, в районе поселка Чайбуха в мелкую морскую бухту впадает речка. Во время прилива бухта заполняется, а с отливом показывается дно. Колхозники замерили ширину перешейка бухты, наибольшую глубину воды во время приливов и по этим размерам сплели сети с большой ячейкой. Изготавливали крупные поплавки из пенопласта, вместо грузил использовали мешки, набитые мелкой галькой. Потом эту сеть собирали, грузили на платформу на палубе катера или сейнера и ждали подхода прилива.

С ним в бухту устремлялись косяки сельди или горбуши, а вслед за рыбой – и белухи, часто в большом количестве. И когда белухи начинали кормиться в глубине бухты, катер, пересекая бухту, опускал сети, которые стопорили в обоих концах на берегу. С отливом стая белух оставалась внутри сети. В это время по большой воде нельзя было тревожить животных, тем более отстреливать. В бухте не должно быть никаких раздражителей белух. В противном случае испуганные животные могли разнести невод в клочья.

Почуввав неладное, белухи начинали плавать вдоль сети, ища лазейку, но к сети не прикасались. На полтораметровой глубине животные уже начинали садиться брюхом на дно. Почувствовав обмеление, все животные подплывали к берегу и обсыхали, расположившись плотным полукругом головами к берегу. Над головами огромных животных стоял сплошной фонтан воды, из-под хвостовых стеблей далеко в сторону летел ил, животные шумно дышали, подходить к ним со стороны хвоста было опасно. За один замет зверобои могли добыть до десяти животных – восемнадцать тонн мяса и жира.

Так могли промыслять белух и древние зверобои. И вообще мне кажется, добывать морзверя и птицу, ловить рыбу древнему человеку было намного легче, чем нынешнему охотнику или рыбаку, вооруженному «до зубов». Водоплавающей и боровой дичи было несметное количество. Птицы и звери не боялись человека, как сегодня птицы не боятся медведя или оленя. Древний охотник добывал зверя столько, сколько ему требовалось, чтобы утолить голод, сшить одежду, утеп-

лить жилище. Реки были полноводными, и рыбы было много. Климат был мягким, зимы — теплыми.

Похолодание наступало на протяжении тысячелетий, климат посушел. С каждым веком численность популяций зверя, рыбы и птицы сокращалась. С каждым тысячелетием Охотское море становилось мельче, площадь его сокращалась, море «сжималось» на десятки, сотни километров.

Если осмотреть устье реки Большая Гарманда, а потом высокие скалистые террасы морского берега, то можно сделать вывод, что река впадала в бухту, глубоко врезающуюся в сушу. (То же самое можно сказать о Гижиге, Вархаламе, Малой Гарманде, Наяхане, Авеково, впадающих в Гижигинскую губу и Наяханскую губу, залив Шелихова). Высокая морская терраса без разрывов тянется по суше по обоим берегам Б. Гарманды и вдаётся в сушу на расстояние 20 километров, вплоть до урочища Ханькан. Если судить по террасам моря, то ширина морской бухты была два километра. В устье реки Гижига морская терраса углубилась в сушу на 25 километров, до самой старой Гижиги, ширина высохшей морской бухты была в пределах трех километров. Некогда в этих живописнейших бухтах тихо плескалась голубая прозрачная вода. Многие реки, большие и маленькие озера тоже оставили свои прежние берега. Это нетрудно определить по очертаниям нынешних и старых берегов.

Очень много в тундре высохших больших озер. Древние рыбаки плели мордуши из ивняка, кололи рыбу костяными острогами. На нерестилищах кету и горбушу ловили петлями из гибкой ивы или корней лиственницы. Стоящая в реке рыба не обращает внимания на тихо плывущий по течению шест, в конце которого — подвижная петля, принимая его за плывущую палку, кустик или траву. Петлю без резких движений заводят на голову рыбыны, и, когда петля минует спинной плавник, то есть проходит толстую часть тела рыбы, рыбак делает сильный рывок на себя за шест, и эластичная петля затягивается на хвосте. Хвостовой плавник не дает рыбе выскользнуть из петли. Рыбу ловили и сетями, сплетенными из шерсти медведя — вяжут же сети и делают лески из конского хвоста.

Древние охотники, скорее всего, добывали медведя кожаными петлями и кололи копьями в берлоге. Но кожаную петлю медведь мог перегрызть. Чтобы избежать этого, группа охотников прижимала вершину упругого тонкого дерева вниз и на небольшой высоте пропускала ее под толстый сук другого, рядом стоящего дерева. Толстый сук не давал нагнутому дереву вернуться в исходное положение. За вершину нагнутого дерева охотники привязывали ремень и ставили петлю на звериной тропе. От мощного рывка попавшего в петлю зверя вершина дерева соскальзывала из-под сука и, как сжатая пружина, выпрямля-

лась, увлекая за собой вверх зверя, который зависал на дереве, либо оставался стоять на задних конечностях, не в силах вырваться.

Древний охотник мог ставить петли на крупного зверя и над береговым обрывом. Испуганный зверь мог сорваться или броситься в обрыв и зависнуть. Охотники могли строить пасти с тяжелым грузом на медведя, зайца, росомаху, ставить волосяные петли на куропатку.

А как добывали древние люди огонь? Мне думается, и с этим проблем у них не было. Требовалось кресало из твердых камней и древесный гриб, загоравшийся от попадания малейшей искры. Местные охотники и оленеводы и в наше время могут обходиться без спичек. Сухой торф — прекрасный горючий материал, загорается от малейшей искры и под землей может гореть месяцами, выделяя огромное количество тепла. А летние грозы? И они тоже источники огня.

Чем лечились древние люди? Травами. Тем же мухомором и красной глиной — при расстройстве желудочно-кишечного тракта. Медведь лечит раны, полученные в драках, смолой стланика, лечебное свойство ее наверняка знали и древние люди. При простудах курили лекарственные сушеные травы. В качестве чая использовали иванчай, шиповник, бруснику, шикшу, листья морошки, нэчак, традиция это жива поныне.

Посуду делали из глины и песка, с последующим обжигом, или из наростов на деревьях (эти «корзины» — ачали — боятся только огня, структура нароста такова, что и топором не расколешь).

Древние люди заготавливали впрок ламинарию, моллюсков, яйца птиц, съедобные корни, которыми питаются олени, медведи, грызуны. Знали они и методы консервирования пищи.

Мне кажется, древний человек на Охотском побережье не бедовал. Может быть, методы охоты, рыбалки были даже намного совершеннее нынешних.

Старики рассказывали, что раньше в пустынной безлесной тундре, в районе скалы Нюлкандя находили большие рога, когда-то сброшенные дикими северными оленями: они резко отличаются от рогов домашнего северного оленя, их легко распознать. Быки-производители сбрасывают рога в ноябре-декабре. Что привело лесного зверя в начале зимы на открытое морское побережье? Олени любят полакомиться соленой сочной травкой на приливных лугах, понятно, что в летнее время. Кроме того, в Северо-Эвенском районе дикий олень — большая редкость.

Недалеко от Нюлканди в море впадает речка с местным названием Корбэнрэчан (бычки — имеется в виду бычок оленя). Есть река Корбэнрэ (быки). Откуда и когда возникли эти названия? Возможно, после осеннего гона самцы дикого северного оленя из континентальной части района, а может, из колымских районов мигрировали на зиму к морю; а может, круглый год обитали на берегу моря, так же, как

снежные бараны на мысе Тайгонос. А потом, когда большие пожары уничтожили густые лесные массивы, образовав равнинную тундру на морском берегу, дикие северные олени ушли в районы Колымы, оставив в опаленной тундре свои рога, которые покрылись землей? А снежные бараны, недосыгаемые для огня, остались в каменистых горах.

Не исключено, что равнинной тундры в северо-восточной части побережья Охотского моря тысячелетия назад не было, и глухая тайга подступала прямо к морю. А мамонты, останки которых попадают в лесотундре? Мамонт – не олень, и скудной растительности тундры ему для прокорма недостаточно. Значит, растительный мир был богаче. В устье реки Гижига, в болотистой тундре попадают пни, торчащие из-под земли комлями вверх. Я часто рассматривал их, подозревая, что это наносник. Но пришел к выводу, что это не так, скорее всего, когда-то здесь рос лиственный лес. Но когда?

Или взять тех же тритонов, обитающих в болотах Северо-Эвенского района. Их еще называют сибирскими углозубами. Попадают экземпляры длиной 12–16 сантиметров. Каков их возраст, как протекают жизненные процессы этих существ? Старые эвены считали, что увидеть тритона – это к несчастью. Рассказывают, что раньше олени, пасущиеся в тундре, разрушали гнезда ырики (лягушки), устроенные в кочках.

Тайны тайги и тундры, мне кажется, еще не разгаданы до конца.

Этот очерк не претендует на научную достоверность, я лишь собрал воедино личные наблюдения и рассказы старых оленеводов, проживших в тайге и тундре от первого до последнего вздоха.

МЕДВЕДЬ – УДИВИТЕЛЬНОЕ ЖИВОТНОЕ

Когда наступали летние каникулы, отец забирал нас с братом Романом из интерната в бригаду – помогать пасти оленей. Однажды в бассейне реки Омон, в густом лиственном лесу мы наткнулись на развалины странных сооружений. Кучки сгнивших толстых жердин, лиственницы, срубленных когда-то топором, могли быть в свое время амбарами, лабазами или вешалами. Одно из сооружений сохранилось лучше остальных. Оно походило на большую деревянную юрту. Жерди, поставленные наклонно, были скреплены друг с другом специально оставленными развилками и толстыми сучьями. Если этот деревянный конус покрыть травой, он будет напоминать большой стог сена. Толстым концом бревна уперты в землю по периметру большого круга. Внизу, у основания, с внутренней стороны и снаружи стояки-бревна придавлены такими же толстыми бревнышками. По-

ставленные сверху жерди были хорошо подогнаны друг к другу. В одном месте, между жердями, был широкий просвет, оставленный, видимо, для лаза.

Ранее не приходилось встречать подобных строений. Слышать – слышал. Отец рассказывал, что в давние годы оленеводы огораживали свои юрты деревянным частоклом, защищаясь от нападения медведей-шатун. В давние времена у оленеводов-кочевников не хватало огнестрельного оружия и боеприпасов, вся надежда была на луки, копы и топоры. И на толстые жерди.

Таежники знают, насколько дерзок и опасен медведь-шатун. Пребывающий на грани голодной и холодной смерти, он не оставит в покое и оленью стадо. Волки боятся человека, а шатун смело нападет на целое стойбище, подкрадывается к жилью человека столь тихо, что не слышат и собаки. При нападении шатуна юрта, обложенная жердями и залитая льдом у основания бревен, неуязвима. А обычную юрту он в миг развалит. В лютую зиму медведь, не залегший в берлогу, обречен: он не может найти пропитание и тепло. В поисках муравьев валит трухлявые деревья. Да что там этих муравьев – на один зубок.

Неурожайные годы, болезни, не позволившие накопить достаточно жира за лето, высокая степень инвазированности медведей паразитами – это объективные причины массового их бродяжничества в зимнюю пору. Бывают случаи, когда желудочно-кишечный тракт застреленного больного медведя оказывается буквально набит половозрелыми остроконечными круглыми червями длиной от 7 до 9 сантиметров. Их там столько, что извлеченные из утробы кишки и желудок перекатываются, словно выброшенный на сушу осьминог.

В пустом желудке и кишечнике залегающего в берлогу медведя активная червь возрастает. Шевелится, разрушает целостность тканей, раздражает слизистую оболочку кишечника, вызывая неимоверную боль. А выделяемые паразитами токсические вещества отравляют организм, зверь катастрофически худеет. Такой доходяга покидает берлогу и бродит по заснеженной тайге в поисках еды.

Бывают единичные случаи, когда зверь не залегает в берлогу по вине человека. Любопытный подранок – это потенциальный шатун.

Медведь – не волк, подошва голая, ступни мерзнут, трескаются и кровоточат. Зверь ищет спасения у незамерзающих открытых водоемов, жует водоросли, бродит по воде, чтобы согреть лапы. Часто зверь купается в полынье, потом валяется в снегу, по-видимому, чтобы высушить шкуру. При этом он покрывается ледяным панцирем. При ходьбе ледышки позванивают. Старые эвены утверждают, что медведь нарочно покрывает себя льдом перед тем, как нагнать в стойбище пастухов. Тогда ни копы, ни пуля ему не страшны. И в самом деле, сильно обледевшего на морозе медведя пуля может не взять.

Зверь, находящийся на грани жизни и смерти, ни перед чем не остановится, он хитер и жесток. Ему не поймать лося, снежного барана или дикого оленя, но он может часами гоняться за домашними, чтобы съесть застрывшего в глубоком снегу оленя при давке скученного стада. В таких случаях добычей может стать и пастух, караулящий стадо.

При охоте на шатуна его уязвимое место под мышкой. Стреляя в голову, можно не достичь цели. В старину эвены предпочитали охотиться на шатуна с копьями. Огнестрельное оружие носили для подстраховки.

Однажды мне довелось видеть в заснеженном лесу место продолжительного пребывания крупного похудевшего медведя. Назову его Топтыгин. Было это в марте. Дни были уже солнечными и продолжительными, но морозы стояли крепкие, особенно по ночам. Предположительно медведь покинул снежную нору еще в январе. Снежная берлога была устроена на берегу ручья, густо поросшего молодым лиственником, по берегам не менее плотно рос тальник. По какой-то причине медведь не стал рыть берлогу, а просто слегка сровнял мох и лег на голую землю, и его накрыло снегом. Обойтись без устройства берлоги у бурых медведей – явление обычное, так же как и у их белых собратьев в Арктике.

Пастух Николай Ханькан в начале зимы гнал стадо к палаткам. Бредущие по пушистому свежеснежавшему снегу олени вдруг шагнулись врассыпную. «Что это они? Теленок, небось, в яму провалился?» – подумал пастух, медленно шагая на лыжах. Зашевелился сугроб, из него встал медведь. Постояв немного, зверь лениво побрел на сопку. У зверя не было берлоги, лишь подстилка из мха.

В другой раз оленья стада разрушили снежную берлогу молодой медведицы. Было это в феврале. Два новорожденных медвежонка, весом не более килограмма каждый, замерзли в снежной норе.

Помнится, на одном из маленьких притоков реки Малая Авланда (правый приток р. Омолон) на истоке ручья, в густом ольховнике, я наткнулся на огромное гнездо из веток, построенное медведем, очевидно, для зимовки. В диаметре «гнездо» косолапого было не менее двух обхватов и высотой метра полтора. Основание гнезда было выложено из толстых кустов. В вершине было углубление, устланное ягелем вперемешку с кустиками багульника и шикши.

Очевидно, в «гнезде» этом зимовал шатун. Был и другой, аналогичный случай, когда зимой мы нашли обиталище исхудавшего медведя и покинувшего снежную берлогу. Медведь наломал тонких лиственных жердей, уложил рядками в виде плотика, под кронами нетолстых раскидистых лиственниц с густыми ветвями, потом залезал на дерево до самой верхушки и оттуда спускался, ломая мерзлые ветки, которые аккуратно складывал на жерди и лежал на них, пока ветки не

покрошатся. Затем строил себе новую постель. Питался кустиками тальника, грыз кору, как это делает заяц. Наломанный в ручье тальник медведь перетаскивал к своей лежанке и там его обгладывал. Время от времени бегал по твердому надуву по берегу ручья, чтобы согреться, разгребал снег и ел ягель, которым кормятся олени. Недалеко на опушке леса было озеро, он натоптал туда тропу. Выкапывал осоку. Незадолго до нашего прихода ушел вверх по реке.

Шатун может лечь на неделю-другую под корнями упавших деревьев, под обрывом берега. Бывали и случаи, когда оленеводы находили замерзшего насмерть шатуна. Один старик нашел берлогу, в которой находился ослабевший медведь, и добил его. Шатун активно ищет жилую берлогу, чтобы съесть сородича, может помнить с лета свежевыкопанную другим медведем берлогу и наведаться к спящему.

Как-то зимой оленеводы во время перекочевки наткнулись на слегка запорошенный след медведя. Назавтра спозаранку пошли с собаками по следу. К середине дня в распадке, на склоне сопки, собаки подняли медведя: большой, зрелый самец шел напрямиком к занятой берлоге. Разломав ее, шатун без особой возни убил спящую там медведицу. Защищаясь, она сумела нанести шатуну лишь неглубокую рваную рану на груди и покусала ступню правой передней конечности. Убитая была упитанной, шатун половину туши успел съесть, поселился в ее берлоге, спал на теплой мягкой подстилке хозяйки...

Как-то в оленеводческой бригаде, когда мы перекочевали на новое место, взяв бур, я на лыжах отправился на речку поразведать, какова толщина льда и будет ли клевать рыба. До речки было часа полтора хода. Не дойдя до русла, я наткнулся на полузанесенный след медведя, зверь прошел недели полторы назад. Дай, думаю, прослежу, куда. Километра через три оказался в небольшой ложине, окруженной здоровенными старыми лиственницами и буреломом. Издали разглядел под корнями высокой лиственницы берлогу: в нее и упирался след. От неожиданности остановился. Ружья с собой не было, охотиться ведь не собирался.

У входа в логово снег был раскидан и вытоптан, измазан свежей глиной, виднелись комья земли. Вся поверхность берлоги была расчищена от снега. Зачем ему понадобилось раскидывать столько снега – горловину берлоги и без того видно? След недавний. Что за медведь и откуда он шел? Может, шатун? Берлога открыта. Наверное, услышал меня и наблюдает изнутри. А завтра оленья стада сюда подойдет...

Что делать? Жутковато. Осторожно втыкаю бур в снег и прислоняю к лиственнице, под которой остановился. Тихо разворачиваюсь на месте, чтобы не загрести лыжами. Подняв ногу, потерял равновесие и плюхнулся боком в снег. Когда падал, шапка отлетела в сторону.

Снег рыхлый и глубокий, руками опереться не на что, лицо в снегу. Лежа, снял одну лыжу, потом другую, а сам поглядываю в сторону берлоги. Тихонько отряхнувшись, надел лыжи, взял в охапку шапку и камусные рукавицы, встал на лыжную и пошел к палаткам.

Назавтра с пастухами, свободными от дежурства, мы пошли осматреть берлогу. Обошли вокруг, чтобы проверить, не пошел ли медведь дальше. И действительно, судя по следу, медведь миновал берлогу. Зверь расчистил заваленную снегом нору, но она почему-то ему не приглянулась, и он пошел дальше. Убедившись, что берлога пуста, мы все вчетвером вернулись к ней. Оказалось, что пришлый медведь хотел залечь в старую берлогу, но, очевидно, не смог расширить узкий лаз: земля мерзлая, как схватившийся цемент, к тому же лаз уходит под лиственницу, как под крышу. Возможно, это не берлога, а лисья или росомашья нора, настолько узок лаз. Сама нора глубокая. Впрочем, темно там — толком не разглядишь с яркого солнца и снега.

Судя по следам, пришлый медведь был худым и крупным. Поняв, что ему не забраться внутрь, он долго лежал у входа, даже закрывал его боком. Земля, смешанная со снегом, подтаяла и обледелела под боками. На лежанке остались клочья рыжей шерсти, прилипшие к подтаявшей глине. Рядом с берлогой, с тыльной стороны выхода, лежала старая лиственница с вывороченными корнями, с толстыми сухими сучьями. На эту лиственницу мы и уселись, а ружья подвесили за ремни на сучья.

День выдался тихий и солнечный. Тихо. Неподалеку приземлилась большая стая куропаток и, не обращая внимания на нас, стала кормиться, перебегая от кустика к кусту. В глубине леса резко закричал дятел-желна и громко застучал по сухостю.

Сидим рядом на поваленном дереве, мирно беседуем, потеряв всякий интерес к старой берлоге.

— Время-то еще раннее, до вечера далеко. Надо было удочки прихватить, — сказал старший пастух Семен.

— Давайте сходим к палаткам, пообедаем — и на речку, — предложил Иван.

На том и порешили. Тем временем самый молодой пастух, Макар, улегшись на живот и засунув голову в берлогу, ждал, пока глаза привыкнут к темноте, чтобы хорошенько рассмотреть, какова она изнутри.

— Медведь! Глаза!!! — послышался из-за наших спин пронзительный крик Макара. Он промчался по лыжне мимо нас в сторону палаток, спотыкаясь и увязая в снегу. Мы от неожиданности повскакивали, похватили ружья, заозирались по сторонам.

Не увидев вблизи никого медведя, Семен закричал:

— Макар, стой! Куда ты без лыж? Где твой медведь?

Макар остановился. Увидев, что мы с ружьями спокойно стоим на месте, вернулся к нам. Вид его был испуганный, раскосые черные глаза округлились.

— Там... Ме... медведь, — он руками показывал в сторону берлоги.

Мы подумали, что вернулся шатун. Почему же мы его не видим?

— Да ты толком говори, где медведь? — громко спросил Федор.

— Т-т-т-там, в яме, где вы смотрели, — наконец выговорил Макар. — Я засунул голову, закрылся руками, чтобы солнце не мешало, а в темноте что-то светится. Подумал, что это лучи туда проникают. Вдруг как дунет мне в лицо жаром, даже мокрым в глаза, я зажмурился. Запах, как из пасти оленя. Шорох послышался. С испугу я сразу вскочил: показалось, что он вылезать будет, поэтому побежал. Ух!.. Вот сильно испугался, — отдувался Макар. — А я сперва-то подумал, может, кто-то из вас шутит. Но вы все сидите на коряге.

— А может, тебе показалось? — спросил Семен.

— А сколько ты видел глаз? — наперебой спрашивали пастухи.

— Не знаю, но много, — отвечал Макар.

От рассказа Макара мы укачивались со смеху. Всей гурьбой вернулись к берлоге. Не верилось, что там кто-то может быть. Ведь медведь-то ушел дальше. Подойдя к берлоге, мы по очереди стали смотреть в ее черное нутро. Да, в глубине норы светились зеленоватые глаза. Слышались шорохи, шевеление, кто-то тихо скреб землю. Несомненно, в берлоге был медведь, притом не один.

Оказывается, тот, пришлый, худой медведь действительно шел к этой берлоге. И наверняка знал, что она занята. Не зря скребся, явно намеревался разрушить убежище, чтобы поживиться сородичем. Медведицу спасло дерево, под которым вырыта берлога — мощный ствол, во все стороны раскинулись крепкие корни, да и мерзлая земля медведю-каннибалу оказались не по зубам. Протискиваться в узкий лаз шатун не решился. Чутье подсказывало, что можно остаться без глаз, ушей, а то и вовсе лишиться жизни. Поудивлявшись, что лаз такой узкий, человеку не пролезть, мы вдруг поняли, в чем дело. Зимующий в берлоге медведь нарочно сузил лаз. Изнутри закидал горловину талой землей и старательно утрамбовал лапой. И талый грунт сразу прихватило морозом. Вот ведь какая смекалка! Впрочем, скорее всего, в берлоге жила медведица с пестунами. А может, одни пестуны, без матери, зимовали.

Через несколько дней из соседней бригады по рации передали, что отстреляли вблизи своего стада худого бродячего медведя, который задрал отставшего от стада заболевшего транспортного оленя. Страсти с берлогой улеглись, мы успокоились и занялись своей повседневной работой.

Дни хорошо потеплели. Я с утра уходил с пастухами в стадо и занимался кастрацией малопродуктивного молодняка и старых выбракованных быков-производителей. Проторили мы лыжню на речку. Мальма и хариус клевали еще вяло, в основном ловилась мелочевка.

Вскоре бригада перекочевала на другое место. Появились первые телята. На южных склонах сопок начали появляться первые проталины. Но на рассвете по утрам подмораживало еще крепко. Пастухи дежурили в стаде круглые сутки. Все загорели до черноты, одни глаза блестели, как у медведей в берлоге. Днем в стойбище оставались одни женщины и дети.

И вот как-то утром приходим в стадо, узнаем, что ночью было нападение. В ту злополучную ночь олени паслись в густом лесу, в котловине, на слиянии двух больших ручьев. Пастухи не сразу сообразили, кто напал на стадо — медведи или волки: в полночь в густом лесу темно. Важенки подрастеряли телят, поднялся шум. В суматохе стадо раскололось надвое. Самцы отделились от маток и помчались назад по своему следу, к старой стоянке. А маточная половина переместилась на открытую марь и только там остановилась. Важенки никак не могли успокоиться, разыскивая потерявшихся телят. Одна за другой бегали к темному лесу, откуда только что примчались.

Пастухи Толик и Виктор кричали, стреляли из карабинов вверх. Когда расколовшееся стадо разбежалось в разные стороны, Толик пошел преследовать самцовую половину, а Виктор остался с самками и телятами. Только на восходе Толик пригнал самцов. Он рассказал своему напарнику Виктору, что видел в стаде раненого ездового оленя: еле ходит, отстает от других. Большой лоскут кожи, содранный от самой шеи и до середины спины оленя, болтался, как капюшон. От ветра и солнца оголенное мясо местами подсохло.

Понятно, что такую рану мог нанести только медведь, не волк. Виктор рассказал Толику, что многие важеньки нашли своих телят. Но семнадцать самок все еще без телят и с самого рассвета бегают в лес, в сторону ручья, где ночью было совершено нападение.

— Когда рассвело, я хотел пойти в лес за важеньками и посмотреть, кто ночью напал на стадо, но решил тебя подождать, чтобы оленей одних не оставлять, — закончил свой рассказ Виктор.

— Слушай, Витя, давай-ка сначала чаю попьем, а потом уже будем разбираться, что к чему. Во рту пересохло. Как ушел ночью от тебя, с тех пор не присел, — предложил Толик.

Попив чаю и поев отварной телятины, ребята покурили, и Толик отправился к ручью вслед все еще снующими оленематками, туда, где случился ночной переполох. В ручье, где ночью кормились олени, Толик наткнулся на объединенный труп крупной старой важеньки, не ус-

певшей еще отелиться. Вокруг нее было множество свежих медвежьих следов и кучки медвежьих экскрементов.

Та важенька провалилась в овраге в глубокий снег и, не успев выбраться, была схвачена медведями. Голодные звери даже не стали убивать ее, а просто насели и с жадностью вырывали мощными челюстями куски мяса вместе со шкурой и глотали, почти не жуя. От живого тела брызгала кровь. В полумраке был слышен хруст костей и чавканье медведей да утробный стон все еще живой важеньки. Она как бы с удивлением вертела приподнятой головой, пока один из медведей не вырвал из образовавшейся под лопатками дыры ее сердце вместе с легкими.

Медведи явно торопились. Вокруг бегали важеньки с телятами, шумело стадо. На выстрелы дежуривших в стаде пастухов звери не реагировали и как бы украдкой поглядывали на бегающих под кронами дремлющего леса телят. Оставив скелет важеньки на окровавленном снегу, медведица с тремя годовалыми медвежатами кинулась в темную массу оленьего стада. На бегу схватила зазевавшегося теленка поперек туловища и, жуя барахтающегося и орущего детеныша, погналась за очередной добычей. Теленок бился в зубах медведицы, пока она не перекусила его пополам и не проглотила середину тушки. Голова с передними конечностями отлетела далеко в сторону, а задняя часть тела упала в яму, ее тут же подобрал бегущий за матерью пестун и стоя начал есть.

Медведица же наскочила на следующего потерявшего мать олененка. Сделав несколько неуверенных прыжков, тот остановился и смотрел на медведицу, приняв ее за мать. Медведица на бегу хватанула теленка за голову, она полностью вошла в окровавленную пасть возбужденного охотой зверя. Медведица сомкнула челюсти, череп теленка хрустнул в пасти медведицы, как скорлупа куропачьего яйца. Медведица на бегу жевала голову теленка, ножки олененка, как прутики болтались во все стороны и бились о передние лапы зверя. Обезглавленный трупик выпал из пасти медведицы, мчащейся за другими оленями.

Пестунам был преподан урок, и теперь увлеченные охотой медвежата с азартом гонялись за сбившимися в кучу телятами. Глупые, только что родившиеся оленята не боялись медведей, принимая их за оленей. Пестун, догнав очередную жертву, ударом лапы глушил олененка, как кошка мышь, разрывал на части и съедал. Видя активность матери в охоте на оленят, медвежата проделывали то же самое. Выстрелы пастухов им были незнакомы, и они не обращали внимания на громкие хлопки, оставаясь крайне беспечными. Очутись пастух в этот момент в ночном мраке среди оленей, и ему бы не сдобровать.

У медведицы уже был опыт встречи с человеком, но она чувствовала свою неуязвимость в темноте ночного леса. И когда стадо

разделилось на две части, семейство медведей, вдоволь наевшись свежего мяса, вновь вернулось к останкам важеньки, брошенным в овраге еще в начале охоты на оленей. Медведи стали обгладывать кости. Медведица, оторвав язык вместе с трахеей, отошла в сторону и начала есть. Ела она теперь не спеша и не давясь. А один из медвежат стал отгрызать ноздри с губами. Пестуны обглодали всю челюсть вместе с ушами оленухи, все мясо на шее, и, в конце концов, один из пестунов рывком оторвал и голову. Управившись с останками важеньки, все медведи улеглись на занастившемся снегу и стали облизывать окровавленные лапы.

Шум убегающих оленей затихал. Выстрелов тоже не было слышно, только крики дежурных пастухов, успокаивавших стадо, все еще раздавались в предрассветных сумерках: «Хаг-хаг-хаг! Ча-ак, хаг, хаг!».

Желудки медведей, набитые свежим мясом и костями, вздулись. Полгода пустовавшие и бездействовавшие, они работали, как мясорубки. Один за другим медведи шумно опорожняли кишечник. А поодаль от места кровавой трапезы на чистом снегу лежали четыре глиняных кишечных пробки. Три зацементировавшиеся пробки были поменьше, а одна — большая, наверное, от медведицы.

При замере спичкой длина большой пробки была в пределах восьми сантиметров, диаметром — десяти сантиметров. Выступала она наружу из ануса на четыре сантиметра. Все четыре кишечные пробки были из затвердевшей наподобие цемента темно-бурой глины. Подобная однородно бурая глина распространена в континентальной части территории Северо-Эвенского района. Эту глину едят (преимущественно с начала и до середины лета) снежные бараны, лоси, олени. Но мне не приходилось видеть ранее, чтобы ее ели бурые медведи. Однако кишечные пробки аналогичного состава встречаются часто.

Попадает еще светло-голубая глина тестообразной консистенции. Вот ее-то, кроме вышеуказанных парнокопытных, с удовольствием едят и медведи. Попадает светло-голубая глина и в составе экскрементов волка, иногда в чистом виде. Белую глину любили поест некоторые оленеводы-кочевники.

Очевидно, напавшие на оленье стадо медведи, выдернув свои пробки цепкими подвижными лапами, аккуратно положили на снег. Выступающая наружу часть пробок за зиму, соприкасаясь с подстилкой, стала как полированная, а та часть, которая скрывалась в полости прямой кишки, была влажной с поверхности и покрыта тонкой зеленой пленкой слизи.

Интересно, почему некоторые медведи оставляют пробки на длительную зимовку? И не внутри прямой кишки, а с выходом наружу. Это в то время, когда весь желудочно-кишечный тракт пуст и стерильно чист. Возможно, это связано с тем, что в сжатой прямой

кишке может развиваться болезнетворная микрофлора, и пробка способствует лучшему отхождению газов.

Перед залеганием в берлогу, после очищения желудка и кишечника, медведь съедает глину и при испражнении последнюю «порцию» содержимого кишечника задерживает на выходе из толстой кишки. Получается своеобразный запор на весь период спячки. При берложной охоте у добытого медведя со значительным усилием удастся извлечь выступающую пробку.

Вот почему мы в шутку спросили у дежуривших в ту злополучную ночь Макара и Толика, не слышали ли они ночью, как медведи после сытной еды орали благим матом, освобождаясь от пробок?

— Да нет, тихо было. Чего они будут орать? — не понял юмора Толик.

На восходе солнца медведи ушли по насту вверх по распадку и шли по нему до самого истока. Оттуда поднялись на вершину как бы сплюснутой горы и там, на склоне, на небольших проталинах, спали до заката солнца, и только ближе к ночи ушли на гряды гор, откуда берет начало река Кансал (Трубки), впадающая в реку Тэвтэнрэ (Ягодная) с правой стороны.

Мы еще долго сидели на макушке голой каменистой сопки под старым, покосившимся деревянным геодезическим тригопунктом и смотрели из биноклей на белую, блестящую под закатным солнцем цепочку медвежьих следов.

— Жалко, конечно, телят. Опять же и медведей жалко. Они не виноваты, что всю долгую зиму ничего не ели, — задумчиво проговорил дед Этэнды.

— Кругом еще белым-бело, одни камни холодные на скалах чернеют. А до зелени еще далеко, ох как далеко. Съеденной сегодня еды им, этим медведям, теперь надолго хватит. А там, глядишь, и почки на тальниках распустятся, нэргат (пушица) пробьется — выдюжат, — поддержал мысли деда Этэнди бригадир Иван.

— И пусть ведет «матуха» своих детей в горы, подальше от людей, — подытожил Семен.

Из-за бугра, откуда мы поднялись сюда, по нашим следам выбежали оленегонки Будыкан и Хэвка. Собаки весело завияли хвостами, как бы приветствуя нас, и начали смотреть назад, откуда только что неожиданно вынырнули. Наверное, собаки прибежали не одни, а с хозяевами. Показались головы Макара, Толика и Николая. Ребята шли медленно, враскачку, повесив за спины малахаи (пыжиковые шапки). Взмокшие от пота волосы слиплись на лбу.

— Ух, ну и жарко! Внизу в распадке снег раскис, — заговорил Макар, скидывая свои обитые оленьим камусом широкие лыжи.

— Ну где медведи, куда ушли? — спросил Николай.

— Вон, на гору Мэлтыньдго (Сверкающая) поднялись. Даже без бинокля след их виден, тянется, как цепочка, — пояснил я ребятам.

— Сегодня мы с Виктором заступаем в ночь, — сказал Николай.

— Как бы ночью опять медведи не вернулись к оленям, — забеспокоился Макар.

— Нет, теперь уж не вернутся. Смотрите, какой ровный след, словно маут протянули, — отвечал парням Этэнды.

— Мы с Толиком большой круг дали. Ходили смотреть, откуда пришли медведи, перед тем как напасть на стадо, — говорит Николай. — Так вы мне не поверите: это же наши старые знакомые, у которых шатун берлогу хотел разрушить. До самой той берлоги мы дошли с Толиком по их следам. Оказывается, четверо их — медведица с пестунами. Выйдя из берлоги, немного покрутились и ушли по пастбищу мимо старой стоянки и по следу ездовых оленей уперлись прямо в стадо.

Удивленные рассказом Николая, мы внимательно слушали, не перебивали.

— Знали бы о таком исходе дела, лучше бы тогда еще, когда обнаружили берлогу, поохотились на них, — сказал Макар, крутя в руках папиросу.

— Ну ничего, ребята, шибко-то не ругайте медведей, — проговорил дед Этэнды. — Голодные медведи весной — это все равно как половодье, а волки зимой — это как пурга. И давайте будем спускаться вниз, к оленям, — закончил разговор дед и стал с кряхтением надевать свои лыжи.

P.S. Начиная со школьных лет, мне долгие годы пришлось работать в оленеводческих бригадах. Поэтому не раз приходилось быть непосредственным очевидцем нападения зверей, в частности — бурых медведей, на оленье стадо, в том числе и во время отела.

С незапамятных времен эвены слыли хорошими охотниками на бурого медведя, добывали его преимущественно в берлоге. В тонкостях зная повадки зверя, охотились в начале зимы, после накопления жира, соблюдая традиционную технику безопасности и сложившиеся в давние годы старинные правила охоты.

Эвены охотились на медведя не ради забавы, а чтобы обеспечить себя мясом и жиром. Шкура использовалась преимущественно в качестве дождевика, особенно в начале лета и поздней осенью, во время холодных ливней. Через хорошо выделанную шкуру, легкую и теплую, капли воды не проникают в медвежий мех, а скатываются с поверхности. В медвежьем дождевике (нэгдэкэс) можно спать на холодной земле.

Мне много раз приходилось удивляться опыту и терпению бывалых охотников-эвенов, умеющих находить берлогу без всякого следа медведя даже уже глубокой зимой.

Прекрасными охотниками на медведя в берлоге были мои дед и отец. Благодаря им я многому научился, с юношеских лет принимая участие в этом виде охоты.

Медведь — удивительное животное — умен, хитер. Идя к берлоге, перед лежкой петляет порой похлеще зайца. Как живой барометр, чувствует приближение непогоды. Часто перед самым снегопадом уходит к берлоге, чтобы занесло следы, обычно залегает в берлогу по снегопаду.

Когда-то мне не верилось рассказам, что медведь, идущий к берлоге по снегу, не доходя до логова, может остановиться и пойти «задним» ходом до нужного места, чтобы снова проделать петлю. Он может пятиться задом сотни метров, ступая след в след, а потом прыгнуть в сторону на залегший стланик или выступающие камни, или кочки и пойти по их верхушкам. В моей практике несколько раз приходилось сталкиваться с аналогичным «маневром».

Часто медведь приготавливает своеобразный указатель, чтобы не потерять свою загоду приготовленную берлогу, если ее занесет снегом. Не доходя до берлоги 50–150 метров, обычно ломает верхушку молодого деревца или куста и направляет не до конца сломанную верхушку строго по направлению к берлоге — получается своеобразный деревянный указатель.

Многие мне рассказывали, что часто зимой опытный охотник по такому «указателю» обнаруживал медвежью берлогу, скрытую под толстым слоем снега. Если ветка-указатель свежая, значит, берлога вырыта этим летом. Я встречал такие указатели, но уже высохшие, прошлогодние. Естественно, и берлоги попадались мне тоже старые.

БЕШЕНСТВО

Много воды утекло с той поры. А дело было так. Один молодой кочевник имел немного оленей в личном хозяйстве. Однажды он хотел надеть уздечку на одного из них, и тот, сопротивляясь, ударил хозяина толстым рогом по зубам. Хорошо еще летом, когда рога хоть и затвердели, но не очистились от шкурки. Она смягчила удар. И все-таки парень отлетел на траву и завыл от боли. Рот его быстро наполнился густой кровью, и два зуба будто на нитках повисли. С тех пор за ним и закрепилось имя Колтэку Ит — «Обломанный зуб», или просто Ит (зуб), как зачастую называли его соплеменники.

Бедным он себя не считал, хотя экономил на каждом забитом олене. Даже остатки туш после нападения волков уносил в свою юрту. Вот уже несколько зим Колтэку Ит самостоятельно кочует и промышляет пушнину, можно сказать, в одиночку. Его молоденький зять Ивакка, которому всего-то тринадцать лет от роду, не в счет. Но за оленями

присматривает хорошо и с дровами для очага управляется бойко, и льда на чай и варку мяса наколет, натаскает с речки.

Шустрый малец уже половину самых приметных оленей в их небольшом стаде «в лицо» знает. Особенно непослушных, норовящих уйти подальше в лес или за речку, чтобы там кормиться самым вкусным ягелем, сочным хвощом, отыскать под зернистым рыхлым снегом мерзлый гриб, оставшийся с поздней осени. Вот таких прожорливых и хитрющих олешек надо запоминать в первую очередь, чтобы избежать беды. Они могут потеряться в тайге или стать добычей волков.

Колтэку Ит к этому делу приучать начал своего зятя-мальчонку и, как видно, не зря. Плоды труда Зуба налило. А со временем и охотиться научит, не все сразу. Колтэку Ит тоже не сразу стал хорошим пастухом и охотником. И не только белку, но и баранов, и медведя Зуб добывал, притом не единожды, особенно после того, как заимел настоящий американский винчестер. Уж больно дорогой, но зато вещь, и какая! Оправдывает свою цену с лихвой. Охота на баранов стала доступной.

Благодарить за это, конечно, надо людей, тоже оленеводов, которые наезжали откуда-то с низовьев реки Анадырь. Приобрел винчестер, но не особо интересовался, откуда они пришли. К тому же Зуб и не знал тех краев, хотя и слышал от стариков. Кроме оружия, Колтэку Ит и табачком-махоркой обзавелся, и чайком в придачу. Взамен отдал снежно-белого, хорошо обученного оленя по кличке Мунрукан (заяц). До того белый был, что одни глаза чернели, когда лежал на фоне сугроба и смачно жевал жвачку, периодически срыгивая и проглатывая. У Колтэку Ита еще есть другой верховой, высокий и крепкий Буюра. По масти, экстерьеру и конституции очень похож на дикого северного оленя-буюна. Уж этому-то училу цены нет, тут одним винчестером не отделаешься, много бы еще чего потребовалось в придачу.

У Колтэку Зуба в хозяйстве, вернее, в друзьях, числился смелый охотничий пес Тураки (ворон), а если ласково – Тура. Подстать кличке, черный, поджарый, шерсть не столь уж длинная и густая, но в трескучие морозы пес часто ночевал снаружи юрты, выкопав неглубокую ямку в снегу. Тураки несколько раз загонял на дерево росомаху и не давал уйти, как бы яростно она ни оборонялась. Колтэку Иту оставалось только подойти к дереву и застрелить зверя. И тогда Тура подсказывал к упавшей росомахе и остервенело рвал ее, пока не окрикнул хозяин. Нюх у собаки был очень острый: пробегая против ветра, пес мог учуять зверя за несколько распадков и помчаться туда. Но молодой, азартный Тура частенько вспугивал зверя, прежде чем хозяин подкрадется на расстояние выстрела.

– Натаскается, со временем станет послушным. Главное – быстру и прыгуч, как заяц, сделаю из него охотничью собаку. Мало того, и оленей подгонять научу, – утешал себя Зуб.

В ту памятную зиму Колтэку Ит решил держаться вблизи стойбища, чтобы время от времени ездить к соседям в гости, когда дома наскучит. С утра уходил на охоту, а Ивакка оставался в стойбище. Правда, одну их юрту и стойбищем-то называть стыдно, а жена Колтэку Ита и его замужняя дочь жили в одной юрте. Дочь Зуба была немного старше своего мужа-мальчика. Мать все еще обучала дочь, чтобы сделалась полноценной хозяйкой и не мучиться потом, когда они с Колтэку Итом навсегда уйдут к бунил – предкам.

В тот день с самого утра небо заволокло тучами, ветер подул со стороны восхода солнца. Мороз заметно ослаб. Тут и ветер загулял в вершинах деревьев. Видно было, как снег вихрился, превращаясь в настоящий смерч на самых вершинах ближних гор. К ночи повалил снег.

«Вот хорошо, а то давно уже не было снега, старый-то просел, слежался, оленям по колено. Бегают по всему лесу – не соберешь, да и холодно им в морозные ночи лежать на мелком снегу», – подумал Колтэку Ит. Он поудобнее улегся в своем теплом семейном кучу (меховой олений спальный мешок), по старой, еще детской привычке свернулся калачиком и тотчас захрапел. А жена все еще варила нимэн (кровяной суп), в который обильно добавила хачин (нутряной жир оленя).

Суп получился отменный. Хозяйка тихонько растолкала мужа, который уже досматривал десятый сон:

– Колтэ, может, нимэн с нами поешь, а потом снова ляжешь?

Колтэку спросонья даже не понял, о чем говорит жена, пробормотал что-то про снегопад, вновь уткнулся в медвежью окантовку кукуля и захрапел.

Утром Колтэку разжег костер, повесил над ним отяжелевший от копоти чайник, кастрюлю со льдом и вышел наружу. Он глазам своим не поверил: ущербная луна всю светилась над лесом, и утренние звезды холодно мерцали на чистом небе. Но снегу все же прибавилось.

«Что это небо скупится на снег», – усмехнулся Колтэку и, схватив сухих полешек, прошел в проем замшевой двери своего жилища.

«Сейчас поймаю и оседлаю Буюру, возьму Тураки и поеду на вторую, дальнюю стоянку. А вдруг росомаха или лиса туда ходит? Там отбросов много оставалось, почти целая туша вынужденно забитого мулхана (третьяка), у которого загнили легкие. Бедняга натужно кашлял, задыхался, даже поднимаясь на низкую пологую террасу».

После короткого обильного снегопада тусклое солнце светило ярче обычного. Застоявшийся верховой олень Буюра быстро шел по запорошенной снегом дороге. Опытный ездовой олень чувствовал под ногами занесенную дорогу, высоко держал голову, уздечка его была туго натянута левой рукой седока.

Впереди оленя по заснеженной дороге бежал Тураки. Временами пес останавливался, поджидая хозяина. Скоро уже стоянка. Слышно, как за деревьями каркнула ворона. Вот и старые пни сухостоя, где рубил дрова зять Ивакка.

Колтэку Зуб остановил разгоряченного оленя, соскочил с седла. Буюра обтер об заструг сугробика свой заиндевелый нос, фыркнул, прочищая ноздри, помочился. Легкую нужду справил и хозяин. Колтэку Ит негромко окрикнул Тураки. Собака тут же подбежала, Колтэку Ит взял ее на поводок, завязав за ошейник длинный конец уздечки ездового. Колтэку теперь решил до стоянки, где полмесяца назад стояла его юрта, идти пешком — до нее оставалось рукой подать. Мало ли что, а вдруг росомаха рыщет, ведь костей, содержимого желудка оленя, срезанных копыт валяется полно — все это еда зверью.

Вообще-то на старых стоянках в любое время года надо быть предельно осторожным. Запах съестного приманивает любого зверя. Покойные предки Колтэку Ита ему об этом говорили. Вот недавно, в позапрошлом году, где-то в ноябре, вот так же после снегопада, на старой стоянке Колтэку Ит чуть не попал в роковую ситуацию. Тогда жена забыла под ветками, служившими подстилкой, единственный в семье чочун (инструмент для выделки шкуры, кожи). Колтэку пришлось возвращаться. Без задней мысли он подъехал к стоянке, соскочил с учика и уже хотел привязать оленя, чтобы порыться в куче веток, как из вороха оленьей шерсти, состриженной со шкур, которые приготовлены для выделки замши, поднялся заиндевелый медведь и решительно направился к Колтэку Иту. От неминуемой гибели спас заряженный винчестер.

Со стоянки, прервав мысли Колтэку, снова раздался крик вороны. Колтэку Ит хорошо знает: когда ворона так покрикивает, рядом ходит зверь.

Колтэку передернул затвор, протер мушку и направился к стоянке, ведя за собой оленя, рядом, тоже на поводке, Тураки. Настороженно прислушался. Издали заметил еще двух ворон, сидящих на дереве над самой стоянкой: нагнув головы, они на кого-то смотрели вниз. Так и есть, на стоянке кто-то есть. Кто?

Под прикрытием больших лиственниц Колтэку приблизился к стоянке, на которой что-то промелькнуло рыжей тенью. Да это же лиса! Вот плутовка! Вот кто тут хозяйничает. За деревьями она не видела Колтэку, наверное, была занята поиском съестного, а может, грызла кости.

«Не буду тратить патрон на лису, спущу Тураки, не упустит. Он и в прошлом году по пушистому снегу легко догнал лису», — подумал Колтэку.

Пес уже увидел рыжую и дрожал от возбуждения. Колтэку отвязал ремень, и пес длинными прыжками помчался к стоянке. Вороны

заорали в предвкушении драматической развязки. От тревожного гвалта птиц лиса встрепенулась и увидела мчащегося на нее пса. Хрипло по-собачьи тявкнула и, выгнув хвост, легкими прыжками побежала навстречу.

Колтэку был поражен увиденным и нарочито наблюдал с места, ожидая, что будет дальше. Собака и лиса мчались навстречу друг другу, вот-вот столкнутся. От удара собаки лиса кубарем отлетела назад. Не успела вскочить, как Тураки тут же схватил ее за шею и стал трепать.

Вдруг пес завизжал и отскочил в сторону, а лиса попыталась встать. Она вся была в снегу. Обозленный пес снова налетел на нее и схватил за шею. Лиса обмякла и захрапела; из ее раскрытой пасти обильно текла пена. Колтэку подошел, чтобы забрать у собаки лису, пока не попорчена шкура. Но она какая-то тусклая, как весной. На шерсти у основания хвоста и на суставах — смерзшиеся комочки жидкого кала и несвежие кровоточащие ранки. А худая-то. «Наверное, большая», — подумал Колтэку.

Он безразлично взял лису за передние лапки, оттащил в ямку, раскопанную оленями, закидал ветками и засыпал снегом. А у собаки на левой щеке, чуть ниже глаза, кровоточили две ранки. Все-таки умудрилась укусить пса острыми, как иголки, зубами. На вторую стоянку Колтэку не поехал. Сел на Буюру и повернул обратно.

После случая с лисой прошло некоторое время. Обитатели юрты занимались каждый своим делом. Вдруг пес Колтэку повел себя странным образом: вечером убежал на стоянку, где была закопана задушенная им лиса, возвращаясь только к утру. Тураки отказывался от еды, стал агрессивным, рычал на хозяев, когда его пытались привязать. И пытался спрятаться в углу юрты или между мунгурками, укрытыми старым замшевым даси (покрывалом), и оттуда, из полумрака, наблюдал за хозяевами, злобно сверкая глазами. Несколько раз он перегрызал поводок, сплетенный из оленьей сыромятной кожи. Тогда Колтэку отсоединил цепь с капкана и посадил собаку на цепь рядом с юртой.

«Что это с Тураки происходит? Пора бы выздороветь, он все хворает. Совсем отошал», — размышлял Колтэку Ит.

Как-то раз Колтэку поймал и привел Буюру к юрте, чтобы съездить верхом на охоту: на олене и быстрее, и больший участок можно охватить, чем на лыжах плестись. Перед тем как войти в юрту поест мяса и попить чаю, он привязал своего оленя за ближайшее к юрте деревце. Тем временем зять Ивакка рубил сухие дрова для костра.

— Колтэку, выйди скорей, Тура укусил учика за нос и очень сильно, — послышался снаружи испуганный крик Ивакки. Оставив еду, Колтэку Ит выскочил из юрты. Верховой олень мотал головой,

с окровавленных светлых губ капала кровь и, падая на снег, превращалась в красные ледышки.

– Тураки, ча-а, ты что натворил! Я тебе сейчас!..

Тураки вылупил на хозяина немигающие холодные глаза. Буюра хорошо знал собаку и не боялся ее. Привязанный на длинную уздечку, олень без опаски подошел к лежащему на подстилке псу, видимо, хотел его обнюхать, а тот цап за нос.

Рано утром жена Колтэку Ита, наполнив деревянную посудину-ачали кровавым супом, выбралась из юрты, чтобы накормить собаку.

– Тура, ты, наверное, проголодался и замерз. Ночь-то какая морозная была. На-ка, попробуй, вкусного нимына полакай, – ласково приговаривала женщина, опускаясь на корточки. Собака лежала на куске шкуры, свернувшись клубком. При появлении хозяйки не пошевелилась. Жена Колтэку тихонько дернула за цепь, но Тураки уже околечел.

Расстроенный смертью любимца, Колтэку Ит не пошел на охоту, просидел в юрте целый день. Он отволоч Тураки далеко по дороге и закопал под валежиной. Жена Колтэку наскоро сшила из кусочков шкуры мешочек с длинными тесемками, наполнила кусочками жирного мяса, положила туда солидный кусок имрын (топленый костный жир). Мешочек жена Колтэку привязала к шее Тураки, чтобы не потерял, когда будет бежать по неведомой тропе в потусторонний мир.

Вечером все молча ели мясо. Жена Колтэку Ита по привычке складывала возле себя вкусные кости, предназначенные Тураки.

– Зачем ты в прошлый раз взял Туру с собой на стоянку? Лиса укусила его за «лицо», вот он и заболел, – упрекнула жена Колтэку.

– Ивакка, – нарушил тягостное молчание Колтэку. – Завтра поеду вперед, вдоль сопок. Поразведать новую стоянку. Пойщу место, где будет много дров, чтобы тебе далеко не таскать, но чтобы корма для оленей было много. Там и веток на подстилку наломаю, снег под юрту расчищу, чтобы на готовенькое нам подкочевать. А ты дров наколи и посмотри за оленями.

– Хорошо, Колтэ, так и сделаю, – ответил мальчик-зять.

Назавтра Колтэку Ит сходил в стадо и привел своего ездового оленя Буюра. Ранки от укуса Тураки уже не кровоточили и почти затянулись. Хотя нос у ездового оленя заметно опух.

«Ничего, заживет, вон какой бодрый Буюра», – подумал Колтэку, седлая оленя.

Место для стоянки Колтэку Ит выбрал на длинной пологой возвышенности посреди леса. Снег был рыхлый и мягкий, и ягеля оленям было много. А у основания продолговатого холмика, где будет стоять юрта, в глубоком овраге парила небольшая наледь.

«Вот уж повезло, так повезло! И дрова рядом, и вода талая, и ягель ковром стелется под мягким снегом», – подумал довольный Колтэку Ит, перетаскивая наломанные ветки.

Вот только Буюра беспокойно крутится вокруг своей привязи и громко хоркает, будто подзывая оленей.

«Чем он так встревожен? Обычно спокойно щиплет ягель, если привяжешь к дереву?» – недоумевал охотник.

Закончив задуманное, он собрался в обратный путь. Олень, увидев, что хозяин направляется к нему, беспокойно закрутился вокруг дерева.

«Ишь, как торопится домой. Сейчас умчишь меня, я тоже домой хочу, к бабке своей», – усмехнулся Колтэку Ит, отвязывая с привязи верхового.

Собирая в моток длинную уздечку, Колтэку подошел к учик, чтобы сесть в седло, но Буюра резко развернулся к подошедшему сбоку хозяину и ударил его рогами. Колтэку не удержался на ногах, упал в снег. Разъяренный олень подскочил к упавшему, больно заколотил его передними ногами. От боли и испуга Колтэку развернулся, ничком уткнулся в снег и, закрыв голову руками, затих.

Постояв над хозяином, Буюра, оглядываясь, пошел по своему следу. Колтэку Ит, постанывая, встал. По разбитому лицу текла кровь, меховые брюки были порваны. Олень, увидев вставшего хозяина, галопом помчался назад, а Колтэку Ит, долго не раздумывая, заковылял к ближайшему стволу с толстыми сучьями и кое-как вскарабкался на него.

Раздался треск сучьев: Буюра с разбегу ударил рогами по дереву. На всякий случай Колтэку поднялся еще выше. Внизу под деревом стоял ездовой олень, время от времени ударяя рогами по стволу. Колтэку, обняв дерево, тихо стоял на толстых сучьях. Тело его ныло от недавних ударов, сильно болела нога.

Ездовой олень глухо захоркал и рысью помчался по своему следу, длинная уздечка волочилась, разрезая снег. Вскоре Буюра скрылся из виду. Колтэку спустился на землю. Без лыж, хоть и по следу оленя, идти было тяжело. К тому же болела нога. Сквозь дыру в штанах сильно холодило.

Только к полуночи Колтэку приплелся домой. Встревоженные родичи не спали и поддерживали большой огонь в юрте. Колтэку рассказал все, что произошло там, на новой стоянке.

– Однако болезнь пошла от той лисы, которая кинулась драться с собакой. Это она принесла нам беду. И зачем мне было ехать на стоянку? – сокрушался Колтэку. – Ивакка, ты завтра не ходи за дровами, пока я не вернусь со стада. И вы, женщины, не выходите из юрты.

Стадо кучками забрелось по всей сопке. На лыжах Колтэку обходил поляну, истоптанную оленями. Осмотрев следы, он понял,

что верховой учик ночью гонялся за оленями. Колтэку издали увидел одиноко стоявшего на склоне сопки оленя. Это был его Буюра. Стоял, опустив голову, словно о чем-то глубоко задумался, как бывает с людьми. Один рог обломан, седла на нем не было — где-то сбросил, гоняясь за оленями. Колтэку громко свистнул. Буюра даже не шелохнулся. Раздался выстрел, и эхом затерялся в ближайших распадках.

P.S. Вероятно, лиса, укусившая собаку, была больна бешенством, вирус которого при укусе со слюной попал в организм Тураки. В свою очередь, собака таким же путем заразила и верхового оленя. При этом укусы пришлись в области головы, близко от головного мозга, что и сократило сроки инкубационного (скрытого) периода, поэтому болезнь развилась стремительно.

ГНЕЗДО-ПЛОТИК

Где только не умудряются птицы строить гнезда: на карнизах скал, на зданиях, на развилках деревьев и ветках, в дуплах, земляных норах — кто во что горазд.

Некоторые аккуратно устраивают гнездышки, маскируя под цвет почвы, травы, камушков. Но попадают лодыри и неряхи, которые кладут яйца, где и как попало. К примеру, гага. Впрочем, она-то еще делает кое-какое углубление на земле. А вот канадский журавль кладет яйца, не церемонясь, прямо на глинистые сухие пятячки, коих в тундре много.

Есть птица, которая строит гнездо-плотик из сухой измельченной осоки прямо в воде, в зарослях жесткой осоки, выступающей из воды на болотистых озерах. Продолговатые крупные темно-зеленые в коричневую крапинку, они, можно сказать, лежат наполовину в воде. Гнезда на воде устраивают гагары. В кладке обычно два яйца. Если посередине озер нет торчащих из воды зарослей осоки, гагары строят гнезда в прибрежной осоке или во вздувшихся из-под воды зыбунах-трясинах.

Когда озеро мелководное, с твердым каменистым дном, добраться вброд до гнезда не составляет труда. Гнездо гагары хорошо заметно, не то, что у куропатки или чирка.

Гагара ныряет прямо с гнезда-плотика. Может далеко уйти под воду, вынырнуть буквально под гнездом и взобраться на него при помощи сильных крыльев. Гагара не может стоять и ходить по земле, поэтому никогда не садится на сушу. Это связано с особенностями строения тела, вернее, конечностей гагары: дело в том, что лапы этой птицы расположены параллельно тела, то есть вытянуты назад к хвосту. Не может она без разгона подняться в воздух, поэтому не селится на маленьких озерах. Как-то находясь в оленеводческой

бригаде, выпасающей оленья стада у северного побережья залива Шелихова, решил я сходить на дежурство в стадо вместо бригадира Андрея, чтобы он отдохнул. Был июнь, лёт кровососущих насекомых еще не начался. В мои обязанности зоотехника-селекционера выпас оленей не входил, тем не менее я с удовольствием ходил с пастухами на дежурство. В тот день погода была солнечная, теплая. Собаку не хотелось брать в стадо, но бригадир убедил:

— Костя, а ты возьми Хэвку, на поводке будешь водить. Дашь команду «Гогли!», и будет лаять. Если олени станут сильно расходиться, осади: «Тэка!» — и перестанет лаять. Она послушная, Хэвка. Стадо знает ее голос, слушается. Уже в годах, но быстроногая, сразу догонит оленей. Так что бери ее с собой, чтобы самому лишний раз не бегать вокруг стада.

Взял собаку на поводок и погнал стадо на озеро. Зелени там полно, олени любят бродить по воде, поедая сочные водоросли.

Иду поодаль, наблюдаю за передними оленями. Стадо движется потихоньку, от озера к озеру. Я подошел к небольшому озерку, уселся на берегу, отдыхаю и думаю, что олени сами придут к этому месту.

Посередине озера плавают гагара, время от времени тревожная покрикивая. В Северо-Эвенском районе гнездятся белоклювая, краснозобая и чернозобая гагары. До птицы близко, и видно, что это краснозобая гагара. Южный угол озера травянистый. Густая и плотная осока колыхается от ветерка. «Самец, наверное. А самка в гнезде сидит, в воде, в гуще высокой травы», — догадался, а сам наблюдаю, откуда появится самка.

Передняя часть стада, в основном молодняк и самцы, заведя травянистое и богатое сочной растительностью озеро, устремляются в мою сторону. Олени с шумом бросаются в воду и, обгоняя друг друга, едят траву, листья, стелющиеся по поверхности воды. Озеро неглубокое и нетопкое, олени бродят, не увязая. Так что все нормально. С конца озера, из зарослей высокой осоки выплывает вторая гагара и разгоняется вдоль озера, шумно шлепая по воде крыльями. Слышен свист крыльев в воздухе. Ближе к противоположному берегу отрывается от воды вторая птица. За самкой последовал и самец.

«Сейчас олени разрушат гнездо», — мелькнуло в голове. Размахивая посохом, мчусь по берегу в южный конец озерка, откуда взлетела самка.

— Фьють-фьють, — громко свищу на бегу. — Хяк-к! Хак-к! Тяк! — кричу во весь голос, чтобы сдерживать натиск животных, с разбегу бросающихся в воду. — Хэвка, гогли!

Собака хрипло залаяла. Олени приостановились, не понимая, что от них хотят. А мне этого и надо. Захожу в воду и, прощупывая дно посохом, бреду по густой высокой траве. Дно озера плотное, под ногами чувствуются мелкие камни. А вот и гнездо. Его колыхает мелкая

рябь. Подобно маленькому кораблику, оно пустилось бы в плавание, если бы его не удерживала стена жесткой травы.

А это что? Удивленный, стою над гнездом, глазам не верю. В гнезде два белоснежных гагариных яйца. По размеру и форме яйца, да и гнездо принадлежит гагаре. Беру одно, рассматриваю. Сомнений нет, оно принадлежит этой птице. Яйцо теплое, одна половина мокрая. Все гнездо пропитано влагой.

Стадо уже сытое, можно укладывать. Отогнал его на сухой холм, обхожу вокруг, посвистываю, чтобы олени успокоились и улеглись. У самцов панты уже большие, и перед тем как улечься, корбы (быки), повернув набок головы, старательно массируют кончики рогов задними конечностями.

Воткнув посох в землю, привязал к нему Хэвку, бросил рядом рюкзачок и вновь направился к озеру, чтобы убедиться, что белые яйца принадлежат этой гагаре.

Три поморника уже летают над озером: заметили яйца. Летом от ярых грабителей пернатым спасу нет, особенно уткам. Караулят, когда хозяйка гнезда улетит на кормежку, чтобы пробить скорлупу и высосать яйца.

Птицы, потревоженные оленями, еще не вернулись. Оставленные белые яйца лежат. Я выбрал место для наблюдений неподалеку. Улегся в ямку, достал бинокль и жду появления гагар.

Стадо лежит. Хэвка торчит пеньком. Издали, кажется, будто смотрит в мою сторону.

А вот и гагары. Я прильнул к земле, не шевелюсь. Сделав круг над озером, словно маленькие реактивные самолеты, птицы приводнились. Высоко подняв головы, с явной настороженностью некоторое время поплавали посредине озера, чтобы убедиться, что опасности нет. Вот самка нырнула. В бинокль наблюдаю за зеленой массой зарослей болотной травы. Вот и она! Пригнув длинную шею к воде, раздвигая высокую траву, подплывает к гнезду. Оно в самой гуще жесткой травы, и мне плохо видно, как птица взобралась на гнездо-плотик. Самец плавает на прежнем месте и, опустив голову под воду, что-то разглядывает на дне.

Уже не таясь, поднимаюсь и направляюсь к гнезду чуть наискосок, по воде. Вытянув шею, гагара замерла в гнезде.

Я осторожно выбрался на берег и направился к стаду.

P.S. В мире птиц нередки причуды природы. Помнится случай, когда пастух Василий принес с охоты охотку куропаток, среди которых красовался куропач с ярко-красным гребешком. А пожилой оленевод Дядика-Алексей пришел как-то обеспокоенный с дневного дежурства и сообщил, что олени вспугнули куропатку на берегу реки Вархалам. В гнезде лежат двенадцать яиц, все опоясаны двойной белой окантовкой поперек.

Я в то время находился там и спросил у Дядики-Алексея, сможет ли он найти то гнездо. Пастух был уверен, что да: рядом в кустах он укрепил пучок мха, заметный издали.

Когда мы подошли, куропатка взлетела и, задев крыльями верхушки кустов, уселась неподалеку. В гнезде действительно было двенадцать яиц. Все имели по две поперечные белые окантовки, которые были изящными и ровными, будто их нарисовал мастерской рукой загадочный художник...

ЧАМАК

Рассказ

В одном стойбище оленеводов-кочевников родилась девочка. Молодые родители души не чаяли в черноглазой малышке и нарекли ее Неченкан (Цветочек-Листочек). Не редкость, когда кочевники давали детям по два имени. Одно основное, другое как прозвище. Если ребенок рос болезненным, ему могли дать прозвище Хэлуни или Хэлгани, то есть Железный (хэл – железо), и тогда малыш, по поверью, рос крепким, как хэл. Имена-прозвища обычно давали шаманы, к которым за помощью обращались родители.

Неченкан была крепкой, как молодой весенний цветок. Росла улыбчивой и, по сравнению с другими детьми ее возраста, быстро научилась есть измельченное мясо, негустой нимэн (кровяной суп), обильно заправленный хачином (нутряным салом оленя).

Переезжая со стоянки на стоянку, девочку, как и других детей, возили в бэбэ. Чтобы колыбелька была легкой, ее делали из просушенного тополя, для тепла обтягивали выделанной шкурой. Во время холодов кожаный клапан закрывается и затягивается кожаными шнурами. Бэбэ с ребенком носит выючный олень – бэбэсук (люльковый). Обычно он крепок и покладист, приучен к плачу и возне ребенка.

В низовьях реки Омолон, куда добрались кочевники, стал попадаться чамак (тарбаган). Они удивлялись, а некоторые даже пугались при виде больших чидыга (евражка), живущих в норах. Чамаки были не только большими, но и жирными. Кочевники смекнули: раз чамаки едят сочную травку и листочки, мясо у них «чистое», съедобное, как у зайца или, скажем, у медведя. И впрямь, по вкусу чамак напоминал медвежонка.

При случае кочевники стали добывать чамака на еду, а красивая светло-рыжая шкурка шла на оторочку меховых изделий.

К осени Неченкан научилась ползать по расстеленной матерью мягкой теплой шкуре. Взрослые облачились в теплую зимнюю одежду. Многие речушки и ручьи заковало, остывшая земля покрылась ине-

ем, словно сединой. Уснули в своих норах до самой весны евражки. Оказалось, что и чамак на зиму впадает в спячку. Стало быть, не даром этот зверек такой упитанный. Нагулял за лето жира и теперь беззаботно спит в норе на теплой подстилке, не слыша ни воя пурги, ни голодного воя волков.

А вот и долгожданный пушистый снег выпал. Все этого ждали. Глухари и куропатки будут теперь спать в долгие зимние ночи, нырнув в рыхлые сугробы. Тепло им, благодать. Мягче станет ездить верхом на оленях.

Первый снег неглубокий, а умнется, станет чуть выше щиколотки. Но морозы еще не набрали силу. В полдень в густом лиственном лесу даже тепло от солнца еще на лице ощущается.

В один из ясных и безветренных дней кочевники решили перебраться на новое место. Женщины встали, когда утренняя заря еще не очертила краешек неба на темном монолите далекого горизонта. Плотное поев мяса, мужчины ушли собирать оленей. Женщины подняли детей, накормили их, тепло одели. Когда пастухи подогнали стадо, женщины уже успели увязать вещи и разобрать юрты. Вскочило солнце, и лучи его растекались по лесу и глубоким оврагам.

Сразу же приступили к отлову ездовых учиков и выючных оленей. Женщины привязывали их, таская на руках тяжелые объемистые связки кожаных уздечек (уси). Привязанные плотными группами к деревьям, олени смиренно стояли, переминаясь с ноги на ногу и поскрипывая крепкими зубами. Завьючив оленей и рассадив детей по седлам, а некоторых и закрепив к выюкам, чтобы те не упали в дороге, взрослые тоже уселись на ездовых оленей.

Мужчины, едущие впереди нулгы (каравана), слегка ударили пятками по стертым бокам учиков и зачмокали, погоняя и поторапливая оленей. И длинный выючный караван тронулся к месту новой стоянки, словно гусиная стая потянулась над просторами тундры. Каждая хозяйка юрты вела за собой по тринадцать, а некоторые — и по пятнадцать груженных оленей. В караване были и белые, и пестрые, и белоногие олени разной масти. Женщины норовили блеснуть мастерством в пошиве меховой одежды. Надели в дорогу все лучшее.

Олени, ведомые хозяйками, были привязаны друг за другом концами длинных уздечек за шеи и шли цепочками. Молодые олени пытались обгонять впереди идущих, забегали за дерево, запутывались и не могли освободиться. Бывало так, что они оказывались задушенными насмерть. Впереди идущие тянули, прилагая усилия. Рвались уздечки, роняя выюки, валились олени с седлами, не удерживались на седлах и матери с детьми. У женщин, ведущих за собой выючный караван, был единственный голосовой сигнал, предупреждающий об опасном дереве или деревьях вблизи тропы, за которые можно зацепиться. Услышав его, олени начинали выравниваться. Вот и на этот

раз караван продвигался по густой чащобе молодого лиственника. По лесу тут и там раздавались звонкие голоса: «Тёг-тёг-тёг! Тёг-тёг-тёг!». И олени поспешно вставали на тропу.

Когда караван наконец-то выплыл из засыпающего леса, мужчины, ехавшие впереди, гурьбой стояли на террасе речушки. Многие из них слезли с седел.

— Неужели решили ставить юрты? — гадали женщины. — Говорили ведь, что далеко будем кочевать!

Под ногами мужчин сустились собаки. Наконец весь караван подтянулся. Женщины повскакивали со своих учиков и стали подправлять выюки на спинах оленей. Некоторые мунгырэ (сумы) съехали на бок, какие-то сместились назад, к крупу, а остальные сползли к шее.

— Подправляйте пока мунгырэ, дальше поедem! Собаки нашли норы чамака — неглубокие, разрозненные. Вдруг зимует выводок, — крикнул кто-то из мужчин.

Двое орудовали концами заостренных сырых жердин, ходы расширились, в закругленном тупике открылась спальня: просторное углубление, устланное мягкой сухой травкой, как гнездо заботливой утки. В уютном теплом углублении, свернувшись в клубок, безмятежно спал крупный взрослый чамак. Он и сверху был прикрыт сухой травой. Чамак даже не шевельнулся, когда один из мужчин схватил его за шкуру на шее и положил на снег, наоборот, еще плотнее съжился, только по телу прошла еле заметная дрожь. Светло-рыжая шкурка лоснилась и отливала блеском. Пожилой кочевник хотел было ударить чамака по голове посохом, чтобы убить. Но отец Неченкан запротестовал:

— Не надо глушить, а то кровь пойдет, вещи запачкаются, по пути тушка замерзнет, трудно будет ее разделывать, он ведь и так почти что мертвый.

На том и порешили: спящего чамака не убивать до стоянки. Из соседних норок извлекли еще двух сонных молодых чамаков и, предварительно оглушив палками, погрузили поверх выюков, завернув в куски старой замши. Взрослого чамака было решено отдать на свеженину отцу девочки.

— У Неченкан бэбэ просторное, в ногах совсем пусто, туда и положим. Подкочум, поставим юрту, я его мигом разделаю, и будет у нас свеженина к ужину, — сказал он жене и затолкал зверька поглубже к ногам спящей девочки. — Вот видишь, тут еще на пару чамаков места хватит, и Неченкан теплее будет ехать, и чамак не заледенеет.

Они уселись на верховых оленей и бойко тронулись вслед за удаляющимся караваном. При длительных переходах у кочевниц, имевших малых детей, часто возникали какие-нибудь трудности. Дети частенько плакали в закрытых бэбэ на спинах оленей-бэбэсуков. Зимой —

когда холод в люльку проникал, летом — от духоты. Само собой, когда ребенок мокрый. Попробуй-ка подстилку поменять на снегу и морозе! Порою детишки орали до хрипоты.

Неченкан тоже плакала иногда в дороге. Вот и в этот раз она резко и громко заплакала, когда к ней в люльку положили спящего чамака. Всплакнула и замолчала. «Наверное, крепко уснула, пригретая мягкой шкурой чамака», — подумала мать.

Вот и новая стоянка... «Вокруг так много деревьев, годных на дрова, удачно мужчины подобрали стоянку для стойбища», — отметила мать девочки, подгоняя оленей к мужу, который уже выбрал место под юрту и, разгрузив и отпустив своих двух оленей, ждал жену с основным семейным караваном. Кочевники снимали выюки с оленей и отпускали их кормиться. Те, которых еще не успели разгрузить, нервничали и мотали рогатыми головами. Того и гляди по лицу задедут. Отпущенные олени сначала чесали рогами натруженные спины и лишь потом принялись раскапывать ягель.

— Растет наша дочурка умницей: спит, не капризничает. Не буду ее будить, пока юрту не поставим и костер не разгорится, — сказала мать, продолжая расчищать площадку.

Поставили юрту. Отец Неченкан разжег очаг, а жена принялась затаскивать внутрь шкуры и стелить на ветки, пышно уложенные на пол, и только потом занесла семейный меховой хулры (спальник). Муж уже повесил котел над костром, подсыпал в него зернистый снег узким черпаком из бараньего рога. Снег таял и шипел.

«Сейчас растает снег в котле, занесу бэбэ с дочкой и чамаком. Сдеру шкуру, распотрошу — и в котел, мясо-то тепленькое, вмиг сварится. Нежное и вкусное, даже мягче, чем мясо хонгычана (теленка)», — думал отец девочки, непрестанно шуруя черпачком и подкидывая сухих дров в костер, который уже пылал жаром.

«Пора! Расторопность кормит в тайге человека, — подумал он и выскочил наружу. — А бэбэ-то тяжеленькое, как-никак, двое там».

Внутри люльки ощущалось шевеление. «Доченька уже выспалась и проснулась», — мать отодвинулась от костра, пропуская мужа на середину юрты, подала ему широкий алун (кожаная скатерть для обработки мяса) и стала развязывать тесемки, чтобы открыть клапан, извлечь чамака и заспавшуюся дочку, накормить ее досыта грудным молоком, благо за день-то накопилось.

Муж, поплеывая на засаленный каменный брусок, усердно точил и без того острый нож, готовясь разделить чамака.

Открыв бэбэ, жена громко закричала: «А-а-а!» — и отпрянула. Из люльки высунулась окровавленная голова чамака. Неуклюже вывалился он из бэбэ и заполз под хулры (меховой спальник).

Оцепеневшие было родители кинулись вынимать дочку. Тельце девочки уже давно окоченело. Ее горло, губы и щеки были выедены чамаком до кости.

БУДЫНЬДЯ — ПЕСТРЫЙ ОЛЕНЬ

Отел оленей в 1974 году мы провели на левом берегу Омолона, чуть ниже устья реки Гриша. После отела, когда новорожденные телята окрепли, перед самым вскрытием Омолона мы перегнали стадо на правый берег Омолона, как раз в районе устья реки Очакчан (очак — место обучения ездовых оленей).

Я работал тогда ветеринаром, большую часть года кочевал с бригадой по ее сезонным маршрутам. Весь июнь бригада должна была двигаться вверх по Очакчану вплоть до ее истока и перевалить на исток ручья Ульба (Ульба — левый приток реки Кочукан Авлындя, т. е. малая равнинная), на этой реке и планировалось провести летовку. Однако когда переправились через Омолон, по Очакчану еще лежал снег, бригада была вынуждена задержаться, пока он не сойдет.

Оленья стадо было большое — свыше трех тысяч голов. Перегонять его через множество тающих ручьев было нелегко. Особенно трудно приходилось новорожденным телятам: они мокли в ледяной воде и в снежной каше, заболели.

В те годы рыба в реках водилась обильно. Пока бригада стояла на берегу Омолона, пастухи в свободное от дежурства время ловили ее на блесну. В каждой заводи, где еще держался лед, в маленьких бухточках клевали ленок, хариус и каталка. Около каждой палатки стояли вешала с вяленой рыбой. Ее было много у каждой семьи. Пастухи брали свежую рыбу на каждое дежурство, чтобы варить в котелках и жарить на костре.

Наконец снег сошел по всему бассейну Очакчана, ручьи очистились от ледяных и снежных затворов, в которых могли тонуть телята. В сухих местах, где снег сошел раньше, робко пробивалась зелень. Но Очакчан был еще полноводный, и пастухи следили, чтобы стадо не надумало переплывать его. Кочевали по левой стороне.

Наступили устойчивые теплые дни, почва хорошо подсохла, стала буйно распускаться зелень. Как-то после продолжительной кочевки жена пожилого пастуха Микулая Эвдэче пожаловалась мне, что ее любимый ездовой Будыньдя (Пестрый) сильно хромот: мол, когда завтра дежурные пригонят стадо, посмотри, может, его надо лечить.

Да, Будыньдя припадал на правую переднюю конечность. Мы поймали и повалили его, чтобы осмотреть. У Будыньди был глубокий прокол в подошве — в мякоти копыта. Возможно, груженный, под выюком он наступил на острый сук или камень. Подобные поражения

конечностей у животных, да еще в начале лета, лечить очень сложно. Нарушение целостности тканей – это прямые «ворота» для проникновения инфекции.

Очистив и продезинфицировав рану, я наложил повязку, ввел антибиотик, дал сульфаниламидный препарат и отпустил оленя со стадом. На третий день ему стало хуже: хромота усилилась, он уже не ступал на больную конечность. Хуже того, стал отставать от стада.

На следующий день дежурившие ночью пастухи к обеду пригнали оленей к стоянке. Надо было проводить лечение Будыньди-Пестрого, но в стаде его не оказалось. Микулай взял уздечку и пошел искать. Привел ближе к ночи. Олень ковылял на трех конечностях, держа больную ногу на вису. Хмурый хозяин привязал Будыньдю около своей палатки и пошел пить чай. Тем временем я осмотрел больного. Начался острый воспалительный процесс. Фаланга нижней конечности была опухшей и горячей. Я вошел в палатку Микулая. Хозяева ужинали. Эвдэче отодвинулась от печки, давая мне возможность пройти на середину, подала в миске отварного мяса, налила чаю и пододвинула тарелку с лепешками.

– Все пастбище обошел, пока нашел. В овраге в кустах лежал. Я уже подумал, что медведь его задрал. Хотел домой уходить, – промолвил Микулай, прихлебывая чай из блюдечка.

– Будыньдя у вас крепкий и упитанный, должен выздороветь. Но сейчас лето, грязь, вода. Повязка загрязняется и мокнет, слетает с ноги. Он же ходит по камням и кустам. Стоял бы на одном месте – другое дело, – говорю я Микулаю. – Давай пригласим Мургани и Чанду, чтобы помогли повалить Будыньдю. Хорошенько осматрю копыто и проведу лечение. Сегодня оленя не отпускай, привяжи на длинный маут возле ручья. Там ягель богатый, а то ночью опять отстанет от стада.

В месте прокола копыта, под роговым слоем образовался свищ с обильным гнойным секретом. В мякоти, у основания копыта, появились неглубокие язвочки. На взгляд ветеринара, исход болезни верхового оленя был очевиден. За считанные дни фаланга нижней конечности может утолщиться до размеров литрового чайника и вызовет в организме оленя сопутствующие осложнения. И тогда никакое лечение не поможет.

После окончания процедур хозяйка оленя вновь пригласила нас в свою палатку попить чаю и поесть мяса. Мы не отказались зайти к Эвдэче и продолжить прерванный ужин. А мне предстояло предупредить хозяев, что Будыньдя может еще долго и тяжело болеть. За чаем я сказал, что рана на подошве Пестрого серьезная, лечение может затянуться. Скоро наступит жара, и Будыньдя будет отставать от стада. Сегодня олень пока еще хорошо упитан, но со временем начнет быстро худеть. Мой намек был понят и предложение отвергнуто наотрез:

– Это не только верховой учик. Я на нем и в Камешки, в гости зимой на нартах езжу. Будыньдя вожак в упряжке, всегда правым запрягаю в нарты. Спокойный и сильный, собак не пугается. Жалко. Микулай его еще годовалым теленком обучил. Если не сможешь вылечить, пусть лучше сам потеряется, – упрямо сказала хозяйка больного оленя. Микулай был на стороне жены.

Такая любовь хозяев к оленю тронула меня, как и высокая оценка его хозяйственной ценности. Я решил рискнуть – ампутировать фалангу по путовому суставу, удалив таким образом больное копыто.

Я сказал Эвдэче и Микулаю, что одними лекарствами Будыньдю не вылечить, поэтому завтра с утра буду делать операцию. Но тогда оленя придется долго держать на привязи и хорошо ухаживать за ним, чтобы не голодал и не страдал от жажды. А при перекочевках водить его на поводу, чтобы не бередить рану.

– Да о чем разговор! Я сама буду ухаживать за ним. А на кочевках Микулай будет водить на стоянку. Оперируй, а вдруг выздоровеет! – воспряла духом Эвдэче.

С вечера я приготовил все необходимое. Предупредил бригадира, что мне утром понадобятся помощники, чтобы фиксировать животное при операции.

С 70-х по 90-е годы оленеводческие хозяйства Магаданской области очень хорошо обеспечивались лекарственными препаратами. Поэтому у меня, кроме специальных стерильных ниток и хирургических игл для наложения швов, был большой набор антисептических веществ. Было достаточно новокаина, глюкозы, кофеина, перевязочного материала, гигроскопической ваты. Имелись даже витамины.

Сразу после завтрака и радиосвязи с центральной усадьбой я приступил к операции, которая прошла успешно, с незначительной кровопотерей. Длилась она не более двух часов. Хозяева ездового оленя были беспредельно рады. Да и пастухи удивлялись и восхищались. Мне же, молодому ветеринару, откровенно говоря, было приятно.

Мелкие хирургические операции мне приходилось делать довольно часто: при массовых заболеваниях оленей, в частности, при вспышке некробактериоза, в день приходилось лечить более тридцати животных. Однажды в моем амбулаторном журнале за три месяца было зафиксировано 680 голов пролеченных оленей. Примерно через месяц после операции на фаланге нижней конечности ездового оленя, уже на реке Авланде, по просьбе хозяев я оперировал глаз выючного оленя, он выздоровел.

После удаления копыта Будыньдя-Пестрый быстро пошел на поправку. Вначале я сомневался, что операционная рана начнет быстро заживать, ведь регенерация костной ткани не может быть скорой. Но, несмотря на то, что операция проводилась в полевых условиях, рана хорошо, без воспаления, зарубцевалась.

Надо отдать должное Микулаю и Эвдэче, они добросовестно ухаживали за Пестрым, по несколько раз в день меняли место привязи, чтобы олень не голодал. Я же в свою очередь проводил интенсивное терапевтическое лечение, два раза в день менял повязку, поверх которой надевал резиновую перчатку. Потом вместо резины стал натягивать на большую конечность длинный брезентовый мешочек, сшитый хозяйкой.

Иногда во время кочевки я сам вел Пестрого на новое место стоянки. Микулай и Эвдэче жили вдвоем в палатке, с ними две собаки. Дети, уже взрослые, со своими семьями пастушили в соседних бригадах. С установкой палатки старики вдвоем управлялись быстро, а еще надо было веток на подстилку нарубить, дров заготовить, воду принести. Вот я и предложил старикам: мол, сам справлюсь. Вел не спеша, выбирая путь полегче, минуя заболоченные и каменистые участки, давал выздоравливающему возможность покормиться и отдохнуть. Приводил на стоянку поздно. Рана на культе затянулась, олень уже не опасался наступать на больную ногу. Щадя ее (а может, и с непривычки, ведь теперь наступал на одно копыто вместо двух), мой больной слегка прихрамывал.

Мы уже подкочевали к перевалу на Кочукан Авландю. Решили постоять денек и переваливать. Собрали небольшой бригадный «консилиум»: отпускать верхового оленя на волю или еще поддержать на привязи. Решено было провести через перевал и отпустить на волю. И отныне на хозяйственных работах не использовать – пусть отдыхает. Как сказано в поэме: «Отдыхай, мой товарищ, мой верный слуга...»

Вечером привязали оленя неподалеку от палаток – под сопочкой, возле чистого ручья, где буйно распустилась зелень. Утром, на восходе солнца громко залаяли собаки. Я еще не улегся спать. Перед этим пришел с двумя школьниками с рыбалки, и мы сели чаю попить.

Услышав лай и топот, мы выскочили из палатки: испуганный Бudyньдя, с арканом на шее, высоко подняв голову, смотрел в сторону ручья. Быстро подбежав к оленю, я схватил его уздечку, чтобы не убежал в лес.

– Медведь, медведь, – кричали мальчишки.

Вижу: от самой крайней палатки, где жил пастух Мургани с семьей, бежит к речке небольшой пестун и что-то тащит в зубах. Гнавшиеся за медведем собаки вернулись, не стали его преследовать.

Оказалось, что на рассвете на привязанного оленя набрел молодой медведь и напал. Привязанный за небольшой куст на всю длину маута (это метров двадцать с лишним), Пестрый разбежался и вырвал куст с корнем. Так с кустом и примчался к палаткам. Медведь же гнался до самых палаток. Но тут залаяли собаки. Накануне вечером семья Мургани забила на питание крупного самца-кастрата, и жена Мургани, Акулина, развесила все мясо на жердях рядом с палаткой, чтобы за

ночь подсохло на ветру. Когда собаки залаяли, медведь остановился и увидел висящее на вешалах мясо. Пестун не растерялся и, прежде чем убежать в лес, схватил самый жирный и большой кусок – тазовую часть туши, отрубленную по позвонку.

Назавтра бригада откочевала за перевал, на Кочукан Авландю. Наступали уже жаркие дни. Последний перевал я вел на поводу Бudyньдю-Пестрого, который еще долго служил своим хозяевам.

СЕРЫЙ

Раньше в оленеводческих хозяйствах разводили и лошадей, зоовет-специалисты зачастую выезжали на них на летовку.

Я всегда удивлялся сообразительности этих животных: стоило лошади хоть раз пройти по местности, она надолго запоминала свой первый след. Бывало, проезжаешь через несколько лет по тому маршруту, где она когда-то проходила, лошадь ни за что не собьется с пути, даже ночью.

Приляжешь чутко вздремнуть возле костра, проснешься и видишь, как конь, спасаясь от гнуса, стоит, переминаясь с подветренной стороны, приблизив голову к спасительному дымку. Он мог бы запросто на твои ноги наступить, ан нет – стоит аккуратно, чтобы хозяина не задеть.

А когда едешь по хорошей тропе размеренной и плавной рысью, прямо чувствуешь, как улетучивается плохое настроение и пропадает усталость!

Знакомый зоотехник, проработавший в оленеводстве не один десяток лет, признался однажды, что когда едет на лошади рысью, то, сам того не замечая, принимается напевать. При этом он метко сравнивал поступь лошади с бегом оленьей упряжки по накатанной зимней дороге.

В то памятное лето я взял с собой в бригаду своенравного коня по кличке Серый. Забегая вперед, скажу, что он впоследствии стал выносливым и ходким. На Сером я мог с запасом продуктов легко преодолеть 60 километров за день. Раз после завершения летовки в стаде, перед тем как перегонять лошадей на центральную усадьбу, я надумал съездить в гости в соседнюю бригаду. Рано утром привел Серого и привязал возле палатки. Попил чаю, взял седло и подошел к коню, чтобы оседлать его. Ощутив на своей спине седло, Серый всхрапнул и рванулся в сторону. Привязь ударила мне по ногам, и я вместе с седлом отлетел в сторону, при этом сильно ушиб о торчащие камни колено. Благо, конь был привязан на крепкую капроновую веревку, а то бы порвал уздечку, и потом попробуй, поймай!

Морщась от боли, я огляделся, пытаюсь определить, что напугало коня. Рядом никого не было, лишь в стороне молча стояли ребятишки, наблюдая за происходящим. А Серый настороженно смотрел на меня. Видать, хорошо отдохнул за эти дни, пока я на нем не ездил, и решил показать свой норов.

«Ладно, — усмехнулся я, — это даже к лучшему, впереди дорога длинная, посмотрим, на что ты способен». Поднявшись, подошел к коню, чтобы подтянуть его поближе к дереву и, зафиксировав, оседлать. Но как только я ухватился за веревку, Серый бешено завертелся вокруг привязи, пытаюсь вырваться. Он упирался, вытаращив глаза, и всем своим видом показывал, что не даст себя оседлать. В таком состоянии пытаться его усмирить было небезопасно: конь молодой, сдуру и ударить может.

Я отошел в сторонку, пусть успокоится, а сам все пытался понять, что же его напугало? И тут меня озарило! Я же только вчера убил медведя, а перед дорогой поел медвежатины. Посмеявшись от догадки, зашел в палатку и тщательно умылся горячей водой с мылом, помыл нож, которым резал медвежатину. Побрызгал антикомарином одежду. А женщины даже пудру умудрились где-то найти, руки и лицо напудрил. Только после этих сложных процедур мне удалось оседлать норовистого коня и отправиться в путь.

СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ АНЯПИЛ

Рассказ

Издавна у народностей Севера существовали аняпил — своеобразные места для жертвоприношений, служившие многим поколениям. Чаще всего это был камень (или камни). Подъехав к месту жертвоприношения, оленный караван обязательно останавливался у аняпила, чтобы оставить заранее приготовленные подарки — обычно это были мелкие предметы обихода — ложки, ножики, монеты, самодельные кольца, бусы, а также угощение — табак, чай, кусочки мяса, шкурки от головы оленя или обрывки пыжика и прочее. По обычаю, камень аняпил нельзя было перемещать или сталкивать с места, тем более разбивать. Это считалось большим грехом. Аняпил мог покарать обидчика.

Аняпил обычно напоминал идола, сделанного рукой человека. В верховьях реки Гижига было три небольших камня, олицетворяющих семью. Высотой сантиметров тридцать и диаметром двадцать, все трое «сидели» рядышком у кочевой тропы. Помню, в детстве, когда родители возили нас верхом на вьючных оленях в школу-интернат, наш караван останавливался у аняпила, все доставали из мунгурок

подарки и с почтением клали возле идолов. Некоторые оленеводы, особенно пожилые, что-то шептали: наверное, просили о чем-то, возможно, жаловались на жизнь.

Мы, дети, тоже слезали с ездовых оленей, подходили к священному месту и с интересом наблюдали, как женщины и мужчины, присев на корточки, по очереди укладывают подарки. Кто уже «угостил» идолов, начинал подправлять вьюки, женщины незлобно ворчали на своих оленей, успевших запутаться ногами в опущенных уздечках. Остальные идолопоклонники курили с чувством исполненного долга. Возле каменных идолов лежало много разных мелких «подарков», сохранившихся с прошлых лет. Исполнив обряд, нулгы (караван) трогался в дальнейший путь.

...Рассказывают, что когда-то на берегу одного из притоков Вархам, на вершине горы, над пропастью был камень-аняпил в виде человека, сидящего на согнутых в коленях ногах, руки по швам. Изможденный лик, иссеченный дождем и ветрами, был устремлен над дремлющей тундрой в далекий буйный океан. Казалось, каменный путник лишь на минутку присел передохнуть и обозреть свои владения. С подножья сопки, на фоне голубого купола неба, на рассвете или в вечерних сумерках можно было принять аняпил за оленевода, наблюдающего за стадом.

Как-то двое ночных дежурных пастухов поднялись на эту острогорбую сопку, похожую издали на спину старой, отнерестившейся горбуши на перекатах Вархалама. Сверху удобнее было наблюдать за пасущимся у подошвы горы стадом. Один из пастухов подошел к камню-аняпилу и налег плечом. Тяжелый идол шатался, но крепко сидел на своем месте. Испуганный напарник запротестовал:

— Ты что делаешь? Это грех! Старики и пастухи побьют нас сегодня же, когда мы пригоним стадо на стоянку.

Тот, что силился скинуть идола в пропасть, не послушался напарника.

— Ну что ты так перепугался? Это же просто камень, похожий на сидящего человека. Давай столкнем его вместе, посмотрим, как полетит в обрыв. А пастухи и не заметят, что камня нет. А если и заметят, подумают, что сам упал или медведь его сбросил.

Идолоборец для пушного эффекта подsunул под основание камня-идола свой посох, надавил плечом на аняпил и столкнул его в обрыв. Камень с грохотом полетел вниз, ударяясь об огромные валуны и рассыпаясь на куски.

Когда перекочевали на другую стоянку, у пастуха, надругавшегося над аняпилом, на спине развился фурункул, который спустя некоторое время вскрылся — большой, с утиное яйцо, вытекло много гноя вперемешку с кровью.

В стойбище узнали о проступке, но никто рта не раскрыл, корили пастуха молча. А что говорить — поздно, каждый это понимал. Отец заболевшего пастуха все-таки съездил на оленях к тому месту, где «сидел» аняпил и отвез угощение. И хотя было только начало лета, в том месте, где сидел аняпил, травка и листочки пожухли, словно опаленные костром осени. Рана на спине больного не заживала, гной постепенно разъедал живую ткань, ребра оголились, и в зияющей ране, когда больной дышал, были видны легкие. От спины больного исходил тяжелый запах. К ране прилипала оленья шерсть с одежды и кучу (одноместного спального мешка). Женщины, чтобы облегчить состояние больного, старались шить ему легкую теплую одежду инрыми из телячьей шкуры. Отец заболевшего ездил к оленеводам в соседнее стойбище и привез оттуда шамана, чтобы тот попытался вылечить его сына.

Когда шаман вошел в транс, он сказал:

— В начале лета больной столкнул с горы аняпил и навлек его гнев, потому так тяжело заболел, я не смогу его вылечить. В ближайшие годы старайтесь не бывать в том месте и вы.

Глубокой осенью, когда земля уже застыла и на реках появились забереги, больной умер в мучениях.

ЛЕТАТ ГУСИ

В тот год мы проводили отел оленей на Осиновке — правом, довольно полноводном притоке реки Туромча, которая, в свою очередь, является одним из крупных правых притоков Гижиги. Приходим мы однажды вечером из стада, а женщины говорят:

— Эх вы, охотники! Целый день рядом с палатками на сухом озере кормились гуси, и некому было поохотиться. Собаки раза два их отпугивали, так ведь возвращались. А потом мы привязали собак, чтобы понапрасну не тревожили уставших дэи (птиц). Их было шесть, гусей-то. Красивые и большие, они громко кричали на сухом озере, когда садились.

— Не может быть так рано, сегодня ведь только двадцать шестое апреля, — возразил я женщинам.

— Да это гуси были, мы хорошо их в бинокль разглядели, — сказала Марфа, жена нашего бригадира Ивана.

— Ничего удивительного, в начале мая на талых галечниках Гижиги их бывает много. На незамерзающих перекааты Гижиги уже шестнадцатого-восемнадцатого марта лебеди прилетают, — подтвердил слова жены Иван.

— Лебедей-то мне приходилось видеть в марте на незамерзающих местах и протоках в районе Ахавеема. А для гусей мне почему-то кажется, что рановато, — говорю я пастухам за неторопливым ужином. — В Эвенске на Первомайские праздники я всегда хожу вдоль берега в сторону Тайночки и всегда хоть одну стаю гусей, да увижу. Когда работал в первой бригаде у Виталия, на Омолоне, мы каждую весну уже в середине марта видели орланов, которые чистили свои гнезда от снега.

Сейчас поужинаем, и все-таки схожу на сухое озеро, посмотрю: есть ли следы, помет должен остаться на месте кормежки.

Снаружи входа в палатку слышались возня и визг собак, которые подрались из-за того, кто войдет первой. Осторожно нагнувшись, вошел Миханя, средних лет пастух. Он немногословен, хотя и отменный рассказчик, если его разговорить. Миханя уже в курсе, что возле палаток днем кормились и отдыхали гуси.

— Костя, ты бы завтра днем не ходил в стадо, посидел с ружьем у озера. Утром гуси непременно прилетят на кормежку, а на ночевку они улетели на растаявшие лайдь на реке или на открытые водоемы. Да и проток открытых на Гижиге полно, — как обычно с улыбкой предлагает Миханя.

— Утро вечера мудренее. Утром видно будет. А сейчас схожу, посмотрю.

— А что смотреть? Двадцать шестое сегодня, пора им. Ты же сам рассказывал, что на День Победы добывал гусей на Чукотке. Иван, а ты не помнишь, позапрошлой весной на Чотлавинских озерах мы с Николаем, когда ночью дежурили в стаде, шестнадцатого мая нашли гнездо гуменника, в котором было шесть яиц? — спросил Миханя.

— А точно, помню, как же! Проталин-то толком еще не было, и не все еще важеньки отелились, когда вы с Николаем нашли гусиные яйца, — подтвердил Иван.

После ужина и чая я пошел на озеро, до которого было с полкилометра. По берегам его темнели проталины, много было покрошенной оленьими болотной растительности, зеленой и сочной. И действительно, везде валялся свежий гусиный помет, видны были и следы лап возле луж, уже покрывшихся тонким льдом. Я повалил небольшую сухостойну на дрова и пошел к палаткам.

Назавтра утром я не стал оставаться в палатке, а ушел в стадо с пастухами. Когда мы вернулись с работы, женщины снова рассказывали, что днем прилетали гуси, уже не шесть, а целых одиннадцать. Одиннадцатый был белый и поменьше других.

На третий день, 29 апреля мы встали очень рано, перед восходом, чтобы по утреннему морозцу поехать рыбалить на Туромчу. Пока я направлял «Буран», Иван приготовил удочки, подправил ножи ледобура, собрал котелки с продуктами, а жена его, Марфа, тем временем

приготовила завтрак. В восемь утра мы были на Туромче. Старые лунки замерзли, пришлось бурить новые. Сначала пробурили для Марфы. Не успели подготовить лунки себе, как наша рыбацка вытащила трех здоровенных сизых хариусов и пару мальмин. Клевало в то утро превосходно, но не долго. На троих мы поймали почти полмешка рыбы.

— Хватит, куда еще! Завтра другие приедут порыбачить, — сказал Иван.

— Вы пока еще поудите, а я таган поставлю, дров соберу, костер разожгу — время-то к обеду, — говорю супругам.

Пока возился с костром, Марфа разделывала рыбу на уху. Низко над нами туда-сюда сновали лебеди-кликуны, не обращая на нас внимания, будто чувствовали, что никто на них охотиться не станет. Тундровые озера, где находятся их большущие гнезда, еще во льду, поэтому белоснежные птицы держатся на открытых водоемах Туромчи. А куропатки уже в своем свадебном наряде, с коричневыми шеями — беспечно кормятся на ближних тальниках, покачиваясь на тонких ветках чозении, хотя над лесом плавно кружат два орла.

Пообедав свежей ухой на теплом весеннем солнце, мы тронулись в обратный путь. Не успели подъехать к палаткам, собаки уже наперегонки бежали встречать нас. Потревоженные лаем собак и гулом снегохода, из сухого озера поднялись гуси, но, сделав круг над лесом, снова приземлились. Взяв бинокль и отойдя от палатки, я поднялся на взгорок и стал рассматривать кормящихся гусей.

Как и рассказывали женщины, в стае был один белый. Это был канадский серый гусь.

МАРОНДЯ

Рассказ

На реке Гижига есть глухая нерестовая протока, живописная и таинственная. Очень давно на ней — в стойбище рыбаков — произошел трагический случай: потеряла мужа молодая красавица Марондя. Быть может, поэтому протоку и нарекли женским именем.

Когда-то река славилась обилием кеты, горбуши, мальмы и хариуса. Берега заросли красной смородиной, жимолостью, шиповником, черемухой, рябиной, голубикой, брусникой. Видно, поэтому прибрежная галька летом казалась красно-голубой от медвежьих экскрементов. Повсюду с сопок протянулись набитые зверями-тяжеловесами глубокие тропы. Со стороны гор к протоке примыкает лиственный лес, заросли стланика, а со стороны Гижиги-реки растут белые тополя, тальник, рябина, черемуха. В иное лето травы повыше роста человеческого вырастают.

В давние времена рыбаки-эвены спускали выловленную рыбу к юртам по протоке. Связками волочили по воде или на плотиках. Стойбище рыбаки устраивали в устье Маронди на правом берегу, на сухой, белой от ягеля поляне. Детвора, да и взрослые в жаркие дни ходили босиком по мягкой теплой земле. Рядом с юртами устанавливали вешала для рыбы.

Поздно вечером или рано утром обитатели рыбацкого стойбища, возвращаясь с рыбалки, нарочито громко разговаривали, отпугивая зверей с протоки. Отпрыгнет косматый рыбак с воды в высокую траву и затаится, ждет, пока люди минуют место его ловли, только шорох в кустах.

Хорошие собаки, великолепно натасканные на медведя, у рыбаков, конечно же, были. И старые, и молодые. Но без особой надобности на рыбалку обычно их старались не брать. Зачем зря зверя тревожить? Они, медведи, как и люди, готовятся к долгой зиме, чтобы тепло и сытно было в берлоге. Пусть питаются вдоволь, жир накапливают. А вот ударят крепкие заморозки, тогда другое дело. Эвены свое непременно возьмут. К хорошей, душистой юколе обязательно понадобится осенний медвежий жир, нагулянный на ягодах, орехах, на свежей рыбе.

А собаки в стойбище резвые и смывленные, знают вкус медвежьего сала, того и гляди, медвежат врасплох застанут. Не запрыгни вовремя медвежонок на корявую тополину, тогда плохи дела, задушат окаянные. Тут и грозная мамаша не подмога. Если налетят сворой, то и ей самой несдобровать, доведут до изнеможения, не отвяжутся. Лишь бы самой ноги унести, какие уж тут детки.

В этом рыбацком стойбище из мужчин самыми старыми были трое — Кеня, Микулэй и Нистур. Их жены Ыкья, Эдэкэ и Бэчика, тоже в годах. Сами старики уже не рыбачили, но молодые не обходились без их мудрых советов. Занимались обычно какими-нибудь бытовыми юртовыми делами, например, плели мероши (эвенская мордуша) из ивняка, чтобы с заморозками поставить на мальму и хариуса. Придирчиво разглядывали, правильно ли молодые строят амбары под рыбу на четырех опорах, чтобы рыба обдувалась снизу. Юкола так не заплесневевает, лишь бы крыша не протекала. Для кровли есть древесная кора, снятая с высоких лиственниц еще весной, перед самым цветением.

А старушки не отстают от мужей: поднимаются с первыми лучами солнца, когда гагары и чайки только начинали кормиться на реке. А как они умеют сушить и коптить кетовую икру, чтобы зимой есть с юколой! За каких-то три дня могли приготовить «муныча», которую все обитатели стойбища любили не меньше, чем медвежатину. Аккуратно обладывали вырытые в камнях ямки свежей травой, листьями, чтобы заложить туда кетовые головки, молоки, икру. Сверху накрывали душистыми листьями и придавливали тонкими пластинами

камней, да так, чтобы свежие рыбы головки хорошо прогревались на солнце. И хлопочут над ямками бабки, словно утки над гнездом в ближайшем озере, куда каждое лето прилетают выводить птенцов большие жирные кекавки-свистуны (турпаны).

Старики умели приготовить отменный деликатес ничуть не хуже, чем рыбы головки, сваренные в горячих камнях. Убив жирного осеннего медведя, кипятили в котле небольшое количество воды, наливали туда свежей медвежьей крови, мелко нарезали медвежий язык, сердце, легкие, нэлэкэн — «фартук» (грудину) — хозяина реки и леса, ребрышки и внутренний жир тоже закладывали в котел. Потом подолгу кипятили в собственном соку, помешивая палочкой. О, какое кушанье получалось! Все стойбище наедалось. И в долгие зимние вечера нет-нет, да и вспомнит кто-нибудь, какое изумительное блюдо приготовили осенью старики.

Во вкусе медвежьих лап старики тоже знали толк. Смолили на костре, чтобы обуглилась кожа на подошве и корка сама сошла. Долго варились лапы, подошвы которых состоят из плотного жира. Разберут старики лапу по суставам и угощают гостей. За уши не оттащишь!

Кеня, Нистур и Микулэй сами соблюдали древние обычаи и приучали к этому молодых. Не разрешалось грызть мясо могучего умного зверя, нельзя ломать его кости: ненароком можно разгневать дух зверя. На трапезах надо говорить о медведе с почтением. Старики собирали кости добытого медведя, складывали в небольшой «голи» (лабазик) вроде вороньего гнезда, вместе с черепом. На глазницах закреплялись деревянные дужки вместо очков. К черепу привязывали тряпочные или замшевые серьги. А если добычей охотника оказывалась медведица, то дарили госте бусики. И все это за то, что не стала связываться со слабыми людьми, а добродушно подарила им себя, пожалев охотников и детей их.

На трапезах не полагалось говорить о медведе «убил», а только «подарок зверя». Строго пресекалась похвальба: меткий выстрел, мастерство охотника — все это само собой разумеется. Никого не упрекали и за допущенную оплошность, если зверя вдруг упускали. Стало быть, так и надобно: медведь не был подарен охотнику. Вот подрастут медвежата, станут красивыми и большими зверями, непременно медведица хоть одного из них да подарит охотникам. Так что не стоит сокрушаться. И сомневаться в себе не нужно, будь уверенным, тогда удача не отвернется.

Это о богатом подходе кеты и горбуши по Гижиге приходится гадать и тревожиться, потому как не видно рыбу в море. Сейчас еды хватает и людям, и собакам. И прожорливые чайки совсем разленились и «хэвлэны» перестали чистить, полощутся себе на плесах и снова дремлют на теплом песке. Днем в чащобе леса духота, спасу нет. А комарья да мошки летом столько, будто снег сыплет в зимнюю непо-

годь. Медведи — и те по берегам протоков роют себе ямы и отлеживаются в прохладной земле в ожидании ночи. Потому в кустах и медвежьим потом шибко пахнет. Медведь знает, как избавляться от наседающей тучи комаров и слепней. Вокруг лежанки-ямы справляет большую медвежью нужду, обкладывая себя кучками. Уж этот-то запах отпугивает лютых насекомых.

Нынче лето выдалось жаркое да богатое на рыбу, разные ягоды и орехи. Лето сытное, как и в прошлый год. Вон медведицы, даже молодые, по два-три медвежонка водят на рыбалку. Половина лета миновала в рыбацких хлопотах, а кеты будто не стало меньше. По ночам все прет и прет вверх по реке. Завтра поутру надо будет разгрузить вешала: шесты прогнулись от тяжести вяленой юколы, словно спина старого медведя. И пусть высушенная на солнце и на ветру юкола коптится теперь в юрте, дымком пропахнет. После можно будет перетаскать и уложить в амбары.

Много наловили и насушили в стойбище рыбы. В амбарах может места не хватить, благо еще пару добротных помещений сумели построить перед самой рыбалкой. Скоро листва и пух начнут опадать с тополей, тоже своего рода линька, как весной у зайца или белого лебедя перед началом лета. По утрам земля начнет покрываться инеем. Тогда и приступим к заготовке «таки» (цельная свежемороженая кета с икрой). Начнем городить запруды на мелких перекатах и ставить мероши. Перед большой шугой мальма и хариус станут суетиться, скапливаясь в плесах. Только успевай тогда вываливать рыбу из мерош. В прошлом году в мерошу Нистура даже выдра умудрилась залезть, гоняясь за мальмой. А что? Выдра — та же нарга (ларга), мясо вкусное и нежное. Не пропадать же добру.

Осень не за горами. Работы сколько! Скоро время охоты на медведя подоспеет. Вон как лоснится шерсть на округлых боках. И ходят они по галечным отмелям вразвалочку, будто полусонные. И те пестуны во главе со старым одноухим самцом, что каждую ночь подходили к вешалам, норовя стащить рыбу, теперь осторожничают: выглянут вечером из-за кустов, скорее всего, по старой привычке, и опять в лес.

Молодые рыбаки все чаще и чаще стали засиживаться на лайде, где Марондя сливается с Гижигой. Старики догадываются: парни наверняка говорят о будущей охоте. В устье Маронди лагуна глубокая, шестом не достанешь дна, когда плывешь на плотике или лодке-атуате. В лагуне кета день и ночь плещется, выбирая себе дальнейший путь: то ли ринуться вверх по Гижиге, то ли войти в протоку Марондю и вырыть себе гнездышко, отложить икринки на родной уютной протоке и затем навсегда успокоиться под ее пологими берегами, превратившись в разноцветные камушки.

Когда-то очень давно старики сами были молодыми и знают, что в вечерней прохладе, когда яркие отблески заката начинают сползать с вершин сопок, хорошо мечтается. А лето-то, какое щедрое и теплое было! Богатое на рыбу, ягоду! И кедровки стрекочут без умолку, снуя по стланикам: тоже запасаются орехами на холодную зиму. Медведи теперь много шишкуют: за лето надоела рыба вприкуску с кореньями, хвощом и другой травкой, что гуси щиплют. Не прочь они полакомиться и кое-какой мелкой живностью, когда бурундучок или полевка-мышь, ожиревшие перед зимней спячкой, подворачиваются. Похрустит косточками, облизнется зверь и пойдет дальше пружинистой, уверенной походкой. Ягода вся переспела, сладкая после заморозков.

Медведи набрались жиру до самой весны. После орехов и ягоды сало стало белым, как буркат (белый камень). Во рту тает, когда ешь, не наешься – такое лакомство. И тот старый одноухий самец уже перестал обращать внимание на груды рыбьих костей, которые женщины после разделки рыбы оставляют. И в росистую ночную темень медведи не пытаются бесшумно подходить к вешалам – на душе покой, и сон от этого по ночам крепок. А мясца-то обитателям стойбища уже хочется! Рыба приелась порядком.

Ранний заморозок опалил листву, словно ярким сказочным костром. Молодые рыбаки Тёда и Нёндыр допоздна засиделись на берегу реки. Быть может, мечтают на вечерней зорьке о предстоящей охоте на медведя? Оба имеют кое-какие навыки, а вот самостоятельно на медведя ходить им не приходилось. Нёндыр и Тёда к тому же еще и женились весной, перед самым ледоходом.

Престарелые Нистур и Эвдэче вырастили рано осиротевшего мальчонку Тёду. Тёда и Нёндыр были неразлучными друзьями и даже свой тэдэм (лабаз) построили один на двоих. Старый Нистур со своей подслеповатой бабкой Эвдэчой присватали для Тёды краснощекую крупную девушку Маро. В стойбище ее попросту называли Марондя, то есть большая Маруся. Нистур и Эвдэче втайне мечтали о будущих внуках, которых надо успеть понянчить до ухода к предкам. Родители Нёндыра женили своего сына тоже на прекрасной девушке Улье. Она научилась плавать кету на юколу ничуть не хуже старушек, работающая, неутомимая, целыми днями порхала по стойбищу, словно сорока, ухаживающая за своими птенцами в гнезде, свитом на тополе, на берегу Гижиги. Хотя родители Ульи из кочевых оленеводов, девушка оказалась прирожденной рыбачкой.

Нёндыр и Тёда работающие, как их молодые жены. Глядя на молодых мужчин, старики не нарадуются: вон какую красивую и крепкую лодку-атуат выдолбили из цельного тополя! Правда, дерево выбирали старики Микулэи и Кеня, но все-таки это первый атуат в жизни молодых рыбаков. Хороша лодка: устойчива и скользит по воде, как гагара, переплывая Гижигу. Такая многие годы прослужит.

В один из теплых сентябрьских дней Нёндыр и Тёда сказали старикам, что поутру собираются переправляться через Гижигу, чтобы пройти по протокам и посмотреть, много ли кеты и горбуши зашло на нерест в этом году и хорошо ли медведи посещают те нерестилища. Старики предупредил парней, чтобы без надобности не тревожили зверей, если и подвернется какой: тепло еще, мухи много, мясо не сохранить.

Спозаранку ребята переправились на левую сторону реки и углубились в лес. К вечеру не возвратились в стойбище. Обеспокоенные отсутствием мужей, Маро и Улья сидели на берегу и перешептывались, пока не поглотил их силуэты вечерний туман, опустившийся над рекой.

Но и к утру молодые охотники не пришли домой. Старики забеспокоились, засобирались искать. Нужно будет взять пару собак и пустить по следу ребят, найдут непременно, что бы там ни произошло.

Когда сборы были в разгаре, ребяташки, резвившиеся на берегу, закричали:

– Идут, идут! Кажется, это Тёда, но почему он один? А где же Нёндыр?

– Смотрите, Тёда упал. Нет, поднялся.

– Он опять упал, что это с ним? Глядите, он шатается, будто пурга на него дует!

Мужчины молча наблюдали, хмурились, понимая, что случилось непоправимое. После некоторого оцепенения они подбежали к воде и стали стаскивать притулившийся к песчаному берегу пропахший рыбой атуат. С того берега Тёда, подошедший к своей новой лодке, вдруг замахал приподнятыми кверху руками: мол, сам переправлюсь. Легко столкнул атуат и уверенно заработал шестом. Вот он подгрел к берегу и, пошатываясь, ступил на песок.

Когда повернулся лицом к подошедшим, те отпрянули. Рот Тёды был разорван до самых ушей, нижняя челюсть свисала на грудь вместе с посиневшим опухшим языком. Под омертвевшим языком и губами белели свежие кучки личинок вездесущих прожорливых мух. Замшевая камняй (камлейка) потемнела от запекшейся крови. Помутневшим взглядом Тёда нашел среди притихшей толпы свою жену Маро и медленно, будто виноватый, подошел к ней, ласково погладил по голове. В его заполненных болью глазах промелькнула тень улыбки и безысходности.

Он жестами рассказал собравшимся, что на них напал медведь. Нёндыр остался там, в протоке, живой. Мужчины тотчас переправились через Гижигу и пошли по следу с собаками, те привели к глухой протоке, где в изобилии нерестилась рыба. В нагретой за день гуще леса витал смрад дохлой рыбы и медвежьего помета. Где-то здесь и охотились парни. Собаки, натасканные на зверя, уверенно

вели хозяев вдоль речки по лабиринту медвежьих троп, натягивая поводки. Мужчины были начеку: мало ли что — вдруг раненый зверь затаился поблизости!

Вот собаки остановились, стали прислушиваться. Чуть в стороне от воды, в густом топольнике послышалось нечто похожее на рычание. Предварительно договорившись, как действовать при нападении подранка, охотники крадучись направились в сторону странного звука. Но собаки были равнодушны, не рвались вперед и не проявляли злобы, как обычно бывает на охоте. Мужчины вплотную подкрались к месту, где рычал раненый медведь. Держа наготове оружие, выглянули из-за кустов.

Посреди помятой травы чернел на боку медведь, а рядом с ним ползал на четвереньках Нёндыр. Временами парень хрипло ревел, бросался на лежащего медведя и рвал его зубами. Медведь не подавал признаков жизни. Когда Нёндыр начинал носиться на четвереньках, его правая разутая нога болталась, как плеть, вокруг медведя земля была изрыта. Оставив медведя, Нёндыр продолжал рыть землю руками, совсем как это делает медведь, и комья земли летели во все стороны. Мужчины поняли, что Нёндыр тронулся умом во время нападения медведя.

Мужчины, стараясь не выдать себя, раздумывали, что предпринять. Берданки возле Нёндыра не было, видимо, валялась где-то в траве. Ножа на ремне как будто бы тоже нет, на боку болтается пустой деревянный футляр. Когда в очередной раз обезумевший Нёндыр на четвереньках кинулся на тушу медведя, стал ее кусать, мужчины набросились и скрутили охотника. Покалеченный кусался и рычал, глаза его были безумны, пальцы рук ободраны до костей. Правое бедро, опухшее, как бревно, было с перебитой костью и держалось лишь на мышце. Нёндыр бился, пытаясь вырваться. Мужчины взяли в шину раненную ногу. Нарубив ольхи, изготовили носилки и накрепко привязали к ним парня.

Туша медведя вздулась, во рту и ушах роились тучи мух,* было видно, что драма произошла еще вчера. В густой траве нашлась бердана с пустой гильзой в патроннике. Очевидно, парни смертельно ранили зверя и, когда после выстрела тот упал, поспешили к нему, не перезарядив ружье. В груди зверя торчал вонзенный по рукоятку нож Нёндыра. А нож Тёды так и не нашли: видно от сильного толчка отлетел далеко в высокую траву. Смог ли Тёда ударить, ведь рыбаки насчитали на теле зверя не более двух серьезных ножевых ран. Видно, когда ребята подошли, смертельно раненный медведь успел разделаться с ними и упал замертво. Им бы повременить, и исход схватки был бы иным. Оказавшись в опасной ситуации, парни, наверное, пытались обороняться ножами, но медведь — слишком серьезный противник, нападение было стремительным и внезапным.

Увечья Тёды и Нёндыра были тяжелыми. Старики и старухи поставили разорванную челюсть Тёды на место и завязали тряпкой, накинута на голову. Парень не мог ни есть, ни пить, ни разговаривать. Рану мазали топленным рыбьим жиром, но это не помогало. Без воды и пищи раненый Тёда угасал на глазах. А обезумевший Нёндыр не приходил в сознание. Ревел по-медвежьи, пытаясь освободиться от пут. Старики понимали: дни молодых охотников сочтены.

Марондя и Улья ухаживали за мужьями, тихо плакали, укоряя друг друга: зачем, мол, отпустили на охоту, почему не удержали, хотя бы даже силой. Зато были бы живы и здоровы.

Вскорости умер Тёда, а спустя несколько дней похоронили и Нёндыра. Перед смертью поздно вечером Нёндыр пришел в себя и впервые за дни болезни заговорил:

— Улья, развяжи меня, я больше не буду буяннить и пугать вас, я уже умираю, дайте мне чаю и немного свежих хариусов.

Улья собрала мужчин, и те развязали ремни.

— А как Тёда? — поинтересовался Нёндыр.

— Тёда тоже еще болеет, но ему уже лучше, — отвечали старики.

— А ты, Улья, когда меня не станет, уезжай сразу к родственникам в оленьи стойбище и подругу свою, Маро, забирай.

Когда выпал снег, Улья увезли оленеводы, а Марондя наотрез отказалась уезжать с места рыбалки. По вечерам она подолгу сидела на берегу замерзающей реки и все глядела на другой берег, словно вот-вот должен был выйти из притихшего леса ее ненаглядный молодой муж Тёда.

ПТИЦЫ, ПРИНЕСЕННЫЕ В ЖЕРТВУ

Издавна у эвенов бытовало поверье, что перелетные птицы, перед тем, как отправиться в теплые края, приносят в жертву птицу своего вида, чтобы благополучно добраться до места зимовки, а весной вернуться в северные края, на берега родных речек и озер, к своим гнездам. Припозднившуюся одинокую птицу, будь то утка, кулик или лебедь, запрещалось добывать, поскольку она оставлена стаей, и, когда настанут настоящие холода, когда реки и озера скует крепкими, толстыми льдами, найдет она свою погибель без вмешательства человека.

Пастух Андрей глубокой морозной зимой собирал разбредшихся по лесу оленей. Резво шел на широких лыжах вдоль незамерзающей речушки с высокими обрывистыми берегами. Берега стали еще круче и выше от снежных заносов. Снежные карнизы над звонким, как и летом, ручьем могли обрушиться в любой миг, если олень или пастух на лыжах подойдет достаточно близко к обрыву. От речки шел мо-

розный пар, как от дыхания разгоряченного быстрым бегом оленьего стада в зимнюю пору.

Андрей знал, что ручей тянется по лесу далеко и найти удобный переход не так-то и просто. Вдруг юноша услышал звонкий крик речного кулика, подумал: «Что за чертовщина? Почудилось, что ли?». Впереди за поворотом наискосок мелькнула, идя на снижение, какая-то птица. Да это карты-бэгын (оляпка), только она может зимовать у воды! На талых, незамерзающих протоках он часто испугивал карты-бэгын. И видел, как бойко они ныряют в поисках пищи в лютые морозы, когда и руки из теплых рукавиц высунуть непросто. А им хоть бы хны, ныряют.

Карты-бэгын – это лекарство от игральных карт, «карточная птичка». Если у игрока в кармане лежит высушенная шкурка карты-бэгын, то с таким игроком тягаться бессмысленно, удача будет на его стороне. Старые эвены любили поиграть в карты. Тайком от других, бывало, картежники старались подстрелить карты-бэгын и, собираясь в гости в соседнюю бригаду, не забывали прихватить с собой для фарты волшебную шкурку – на тот случай, если друзья-приятели устроят игру в честь желанного гостя.

За поворотом, где береговой обрыв пологий, с мелководья, где торчат плоские черные камни, взлетел светлый большой кулик и со звонким криком полетел над водой обратно вниз, откуда его только что спугнул Андрей.

Вечером, придя домой, Андрей рассказал, что в талой протоке спугнул большого речного кулика, а думал, что оляпка. Старый пастух дядя Алгимар объяснил молодому пастуху:

– Андрей, эрек, дэи голичен (это птица, принесенная в жертву), ее грех трогать. Она должна погибнуть своей смертью, так назначено улетевшими осенью куликами. Мне приходилось встречать таких птиц – и нэкичан (утку), и гусэте (орла), а однажды, в годы далекой юности, даже хуси (лебедя). Видели его морозной зимой в незамерзающей пойме на реке Омолон, как раз в устье Олая.

...Зимний маршрут оленеводов пролегал по реке Тэвтэнрэ (Ягодная), где Андрей видел зимующего кулика. Миновала зима, весна и лето пролетели, вновь наступила холодная снежная зима. Стадо снова, как и прошлой зимой, часто паслось в лесистой пойме Ягодной, если сильно пуржило.

После ночного дежурства в оленьем стаде Андрей натаскал и нарубил дров для палатки, наскоро пообедал. «Пойду, похожу по лесу, вдруг глухарей подниму», – подумал он.

– Делики (Горностай)! – позвал свою белую оленегонку.

Делики опростелась выскочила из палатки и, перегнав хозяина, помчалась по лыжне. Вскоре в самой гуще леса послышался звонкий лай. «Никак, глухаря на дерево загнала», – Андрей поспешил на собачий зов. Издали увидел четкие силуэты трех черных крупных

птиц, сидящих на ветках. Подкрался поближе, хорошо прицелился и выстрелил. Глухарь шумно скатился по разлапистым веткам и шлепнулся в рыхлый снег. Два других глухаря тотчас сорвались и, выгнув спину, перелетели талую протоку, скрылись за деревьями.

Улетели-то они, может, и недалеко, но как теперь найти подходящий переход? Протока еще та – зимой ее не в любом месте перейдешь. «А вчера кто-то из пастухов вроде сказал, что через ручей большая лесина упала еще летом, наверное, ее забило затором в пору паводка. По нему-то ребята уже переходили эту речушку», – вспомнил Андрей.

Собака, увидев, что хозяин идет по берегу, припустила вдоль ручья. И тут послышался пронзительный птичий крик. Большой кулик, взлетевший из талой гальки на берегу ручья, с громким криком пролетел над протокой, рядом с замершим от неожиданности Андреем, и скрылся между снежными буграми, нависшими над журчащей полетнему талой протокой.

Парень не поверил своим глазам. «Неужели мой прошлогодний знакомый?». Прошел вперед, к тому месту, где опустился кулик. Аккуратно, чтобы не спугнуть, подкрался из-за заиндеветого куста – протока парила. Выглянул. Да вот же он – что-то старательно поклевывает между камнями у самой воды. Так и есть – это он, прошлогодний кулик. Вторую зиму один коротает. Андрей грустно улыбнулся, ему стало жаль птицу: «Какая же судьбина и за какую провинность тебя приговорила зимовать одному долгую зиму, вместе с куропатками?».

– Ну здравствуй! Молодцом! Ничего, скоро твои сородичи прилетят. Еще немного осталось. Весна подоспеет, выживешь. Будущей зимой непременно к тебе наведаюсь. Так что будь здоров! Делики! Делики! – Андрей громко окликнул собаку, успевшую умчаться в лес, и заскользил по лыжне.

РОКОВАЯ ПЕСНЯ

Зима была морозная, но малоснежная. Даже у домашних оленей, если они подолгу стояли на одном месте, мерзли подошвы, и, чтобы как-то согреть ноги, они били копытами по затвердевшему снегу. Носы у них заледеневали, и животным приходилось тереть ноздрями о кору упавших деревьев. Да и вороны, бывало, пролетали с заиндевелыми клювами.

Короткого светового дня хватало ровно на разделку одного оленя, забитого на мясо. Пастухи предпочитали не кочевать, стояли на месте, занимаясь преимущественно выпасом и кормлением оленьего стада да заготовкой дров для юрты. Солнце не всходило, лишь освещало из-за горизонта нежным розовым светом самые высокие хребты, чтобы тут

же скрыться в бездну. Вдогонку за скрывшемся светилом темно-сизым монолитом надвигалась зимняя холодная ночь. Тайга замирала.

В этом стойбище было много семей с малыми детьми, в том числе и грудного возраста. Ребенка, родившегося в морозную пору, приходилось заматывать в шкуру, увязывать кульку и подвешивать на перекладинах над костром, чтобы огонь подогревал крохотное тельце. Тяжелее всего – зимние кочевки: младенцев возили в теплых бэбэ на выючном олене. Дети потели, им не хватало свежего воздуха. Бывало и так, что ребенок погибал от удушья, если мать вовремя не откроет замшевый клапан люльки. Малыши – серьезная проблема, еще и из-за них кочевники старались переждать зимнюю пору без кочевков – им, детенышам, как и новорожденным телятам, надо дать немного времени окрепнуть перед дальней дорогой жизни.

Большое стойбище – восемь юрт – расположилось в густом лесу, на левом берегу реки Омолон, как раз в устье левого притока – реки Бэбэкан (маленькая люлька). Стадо выпасалось на сопках. В густых тальниках водилось в тот год много зайцев, на куропатку тоже был «урожай». В иные дни счастливым и удачливым рыбакам удавалось поймать на удочку хариуса и ленка. Но такое бывало редко, лишь во время краткого потепления, когда пойдет снежок и ветерок потянет со стороны моря или восхода солнца. Петли на куропатку ставили из скатанных тонких, расщепленных оленьих жил. На местах кормежки ставили пасти на зайцев.

По утрам одни уходили в стадо, другие – на охоту. Поголовье ездовых оленей содержали отдельно от основного стада, в котором паслись телята, самки и быки разных возрастов. Выючные олени привыкли находиться поблизости от жилья. Им так спокойнее: молодняк не мешает кормиться и лежать на мягком снегу. И пастухам тоже удобно: надо тебе поймать ездового оленя, чтобы поехать на охоту или в стадо за мясом, так вот он, учик. Все было продумано, лучше не надо.

В стойбище том жила молодая женщина, обладающая необычно красивым и очень высоким голосом: могла вытянуть любую эвенскую песню. Не зря ее прозвали Икэлын – поющая, умеющая петь. Никто из обитателей стойбища не знал ее настоящего имени. У певунии была дочь – лет пяти. Часто Икэлын сама сочиняла песни, немало их позаимствовала у женщин-певуний, у поющих пастухов, у стариков, сохранивших в памяти напевы молодости. Песни Икэлын нравились и гостям из других стойбищ. Часто старики, да и муж, предупреждали Икэлын, чтобы в отсутствие в стойбище мужчин не пела громко, иначе можно накликать беду.

В то морозное утро все мужчины, как обычно, уехали на оленях проверять петли и пасти, расставленные по обоим берегам Омолона, а старики по натоптанной лыжне пошли в стадо. В стойбище оста-

лись женщины и дети. Ребяшня, одевшись потеплее, играла на улице, а женщины хлопотали по своим юртам: шили одежду, катали нитки из сухожилий, выделывали шкуры, дробили кости, чтобы вытопить из них жир к мясу.

У одной женщины был день рождения, она наварила два медных котла жирного оленьего мяса, приготовила свеженину из оленя и к середине короткого зимнего дня созвала гостей. В полдень женщины с детьми пришли в юрту именинницы. Икэлын не пришла, послала дочку. Именинница сама пришла позвать певунью. Звонкая песня разносилась над стойбищем, улетала далеко за речку.

– Икэлын, хватит петь! Отложи свое шитье, пойдем покушаем, отметим мой день рождения. Все уже собрались, одну тебя ждем!

– Слушай, эгден (большое) бачиба (спасибо) за приглашение, покушайте без меня, я же прислала дочку, – ответила Икэлын. – Я шью мужу рукавицы из белого камуса, одна уже готова, хочу вторую дошить до его прихода. Смотри, как хорошо получается! Придет муж с охоты, обрадуется.

Рукавицы и вправду были сшиты прекрасно: из разноцветных кусочков неблоя – черных, белых и желтоватых, была сделана ромбовидная окантовка.

– Молодец, Икэлын! Со временем опыт в любом деле приходит, – похвалила именинница. – Ты теперь не только хорошо поешь, но и в выделке и пошиве одежды мало кому уступаешь. Ну, да ладно. Не стану отрываться от дела, поступай, как знаешь. А управись с шитьем – приходи, буду рада.

Именинница вышла из юрты и направилась к гостям.

Душа певунии переполнялась песней. Едва именинница удалилась, из груди Икэлын полилась задушевная трогательная мелодия, словно весенний звонкий ручей вырвался на просторы таежной долины и бескрайнего безмолвия.

А в соседней юрте женщины и дети принялись за еду. Не хватило посуды, и одна из женщин попросила сына:

– Хэлгэни (железный), сбегай-ка к нам в юрту, принеси нашу большую нину (корытце, выдолбленное из тополя).

Аромат горячего вареного мяса витал внутри юрты, проникая во все ее щели. Все принялись за еду, у детворы по углам рта тек теплый олений жир. Жарко пылал костер. Прибежал посланный за ниной-корытцем Хэлгэни, держа под мышкой деревянную посудину. Вид его был растерянный.

– Со стороны речки сквозь кусты кто-то идет, большой и черный. Рогов у него нет. Он уже подходит к оврагу, где мы кололи лед, – прямо от входа затараторил мальчик.

– Да это, наверное, ездовой олень. Что, мало кабата (комолых, безрогих) среди наших гилрыкыл (выючных оленей)? Подавай свою

нину и присаживайся. А вы, мальчики, сдвигайтесь кучнее, чтобы всем места хватило.

— Мама, ну ты посмотри в щель, это не учик, он страшный, — канючил Хэлгэни, так и не присев.

Та из женщин, что сидела ближе всех к входу, слегка отодвинув край кожаного клапана входа в юрту, служившего дверью, выглянула, поблела и отпрянула, плотно прикрыв щель.

— Тихо... К нашим юртам идет большой медведь, уже овраг перешел.

Детей быстро усадили в углу юрты, подальше от входа, а еду вместе с деревянной посудой расставили у входа в жилище, рядом с кучей дров, прикрыли шкурами. В костер подбросили сухих дров. В юрте воцарилась тишина, слышно было только, как в костре потрескивают, разгораясь, сухие дрова. Аромат вареного мяса предательски переполнял пространство внутри замшевого жилья.

Одна из женщин по-прежнему следила за зверем через небольшую дырочку в кожаной стене жилища. Медведь подошел к самой крайней юрте и остановился. Он стоял неподвижно, прислушиваясь и принимаясь. В центре стойбища располагалась небольшая юрта певуны Икэлын. Женщина весело и громко пела, увлеченная работой.

Медведь, не переставая водить носом, направился к юрте, в которой затаились женщины с детьми. Скрип когтистых лап послышался рядом. Женщины оцепенели. Их тревога передалась детям. Медведь подошел к входу, резко остановился у самого кожаного клапана, перед тем, как ринуться в проем. Кожаная «дверь» была коротковата, и поэтому под нижним краешком замшевого клапана были видны лохматые лапы. В стойбище стояла тишина, только Икэлын по-прежнему пела в своей юрте.

В какой-то миг лапы исчезли, раздался скрип шагов. Женщина, следившая за медведем, поднялась и прильнула к щелочке. Опустив голову, медведь подкрадывался к юрте Икэлын. Раздался пронзительный крик певуны, и все затихло. Над стойбищем нависла тревожная гнетущая тишина. Женщины одели детей, острым ножом вспороли замшевую стену юрты, вывели ребят, вышли и сами.

Под прикрытием юрты, стараясь не шуметь, они цепочкой пропустили по дороге, которой утром уехали мужчины. С детьми далеко не уйдешь: медведь может учуять и догнать по свежим следам. Дойдя до поворота на реку Омолон, женщины остановились — дети запыхались, надо что-то делать. Стойбища за лесом уже не было видно. К счастью, у дороги росли приземистые толстые разлапистые лиственницы. Женщины повели детей к деревьям и одного за другим подняли всех и рассадили по сучьям: мол, прижмитесь к стволам и держитесь крепче. Ребята постарше сами вскарабкались: они уже умели легко лазать по деревьям, как требовали их игры. За детьми забрались на

деревья и женщины. Все со страхом смотрели на дорогу, ведущую к покинутому стойбищу.

Мороз донимал. Вечерело. Скоро начнут сгущаться сумерки. Некоторые дети стали всхлипывать. Горше всех причитала пятилетняя дочь Икэлын:

— Почему мою маму оставили? Где она теперь? Ее медведь съел, да? Мы ее нарочно оставили, чтобы ее голодный медведь съел? Как мы теперь с папой будем одни, без мамы?

Женщины молчали и с надеждой поглядывали на дорогу: их спасение еще впереди. Вот в просвете деревьев замелькали всадники. Они гурьбой остановили ездовых оленей и с удивлением смотрели на женщин и детей, сидящих на деревьях, словно большая стая ворон. Без объяснений поняли, что в стойбище пришла беда.

Муж певуны углядел отсутствие жены, спросил:

— А где моя Икэлын?

Женщины помалкивали.

— Всем оставаться на деревьях — и женщинам, и детям, — твердо сказал самый пожилой из мужчин, в прошлом лучший охотник стойбища. — Двое мужчин, кто пожелает, захватив оружие, пойдут вместе со мной к стойбищу. Всем остальным зарядить ружья и засесть под деревьями. Мужчинам на деревья не залазить, ждать нас. Поторопимся, пока не стемнело.

Когда показались юрты, охотники, среди них и муж певуны Икэлын, спустились в овраг, в котором обычно кололи лед, скрытно добрались по нему до крайней юрты. Около нее была навалена большая куча мунгурок с вещами, за ней-то и засели охотники. От юрты к юрте сновал крупный медведь-шатун. Очевидно, все съестное, что было в жилищах, он уже слопал и искал, чем бы еще полакомиться. Вот он вошел в юрту певуны и тут же, не задержавшись, вышел и направился к юрте именинницы.

Мужчины следили из-за груды вещей. Через две юрты медведь дойдет до их убежища. Выйдя из жилища именинницы, зверь остановился и стал прислушиваться. Он глухо заревел и, минуя две юрты, направился напрямик к той юрте, около которой затаились охотники. Чутье подсказало шатуну, что в стойбище появились люди.

Медведь пристально смотрел на кучу вещей, за которыми сидели охотники, и, не отрывая тяжелого взгляда и не обращая внимания на юрту, шагал к мунгуркам. Его лобастая голова и мощная грудь все ближе и отчетливее маячили в прицеле двух берданок и мелкокалиберной винтовки. В сгущающихся сумерках раздался два громких выстрела, а следом — гортанный, протяжный рев. И все затихло. Мужчины побежали к юрте певуны Икэлын. Замшевый клапан был оторван, вход в юрту зловеще зиял. Охотники протиснулись в жилище.

— Икэлын, ты где? Где ты, Икэлын? Не молчи, что с тобой? — негромко, словно боясь разбудить жену, позвал муж.

В юрте было тихо. Только на черной, хорошо выделанной оленьей шкурке годовалого теленка, на которой любила сидеть и шить теплые вещи певунья Икэлын, лежали две прекрасно сшитые мужские рукавицы. На одной из них виднелось темное пятно.

ЗАГАДОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Во время кусин (войны) колхозники старались своей хорошей работой помочь Красной Армии. И Кэлкэми вместе со своей женой Акулиной тоже старался летом хорошо пасти оленей, а зимой добывать как можно больше белки. В голове его давно созрел план хоть раз достичь излучины Коркодона, где река круто поворачивает вправо, на северо-восток, чтобы влиться в Колыму.

В этом году Кэлкэми твердо решил пройти территорию между реками Сугой и Коркодон. Береговые охотники не заходят в этот район, предпочитая левый и правый притоки Омолона. Территории эти чрезвычайно обширные, и охватить их на вьючном оленьем транспорте просто не удастся. Уже в конце октября Кэлкэми пересек в верховьях еще не успевший замерзнуть Омолон. Снег только-только выпал. Стараясь не задерживаться, Кэлкэми сразу же перевалил на реку Джапкачан, которая впадает в реку Сугой с правой стороны. На Джапкачане Кэлкэми дал передышку оленям. Да и самим стоит отдохнуть. С морского берега отмахали немало, не отвлекаясь ни на какую пушнину, если не считать медведя-пестуна, которого Кэлкэми добыл специально, чтобы кушать его жир с юколой в долгом пути.

В верховьях Джапкачана прямо во время кочевки молодой охотничий пес Кэлкэми по кличке Утэ (Серый) загнал трех снежных баранов на скалу. Утэ имеет быстрые ноги, а внешне похож на волка. И когда он внезапно напал на спокойно кормящихся баранов, те в растерянности запрыгнули на спасительные карнизы скалы и уставились сверху на лающего Утэ. Кэлкэми без суеты завалил всех трех, и пришлось развьючивать оленей и ставить палатку. Бараны попались упитанные. Ох и досталось же Кэлкэми с Акулиной повозиться с мясом! Только далеко за полночь смогли приступить к ужину.

Пройдя вниз по Джапкачану, Кэлкэми перекочевал на долину Левого Хетачана. На Джапкачане и Хетачане он добыл много белки. Следов пребывания охотников и оленеводов в бассейнах обеих рек Кэлкэми не нашел. Отсутствие людей не шибко его беспокоило: все же конкуренты, как ни крути. Ему в долгом и трудном пути было не до соседей. Главным для охотника Кэлкэми в тайге была белка. Он по-прежнему кочевал по правым притокам Сугоя, на Север. Снегу

было очень мало — по щиколотку. За всю зиму Кэлкэми так ни разу и не надел широкие охотничьи лыжи, ходил так или ездил верхом на олене.

К середине зимы Кэлкэми перевалил на исток реки Пунгали. Он знал, что Пунгали впадает в реку Коркодон с левой стороны как раз на крутом изгибе Коркодона. Пунгали — длинная речка, до ее устья не менее пяти хороших кочевков.

— Кочевки две вниз по Пунгали сделаю, и хватит, круто развернусь вправо и по левым притокам Коркодона стану двигаться назад к Омолону, — вслух размышлял Кэлкэми по вечерам, расправляя и вешая на сушку свежие беличьи шкурки на специально сооруженную внутри палатки перекладину. Акулина помогала мужу обдирать шкурки с добытых за день зверьков.

В верховьях Пунгали наткнулись на следы диких оленей. Надо было пополнить запасы свежего мяса, поэтому Кэлкэми два дня подряд охотился на буюна, не обращая внимания на сидящих на ветках белок, которые кормились сухими грибами, припасенными летом. На второй день Кэлкэми вплотную подобрался к большому табуну дикарей — десятка полтора, среди них несколько одичавших домашних животных.

Когда Кэлкэми издали увидел пасущийся хэсын (табун) буюнов, он, можно сказать, не таился. Наоборот, нарочно выдал себя, неожиданно вынырнув из распадка вблизи дикарей. Те даже испугаться не успели, с интересом уставились на загарцевавшего небольшими кругами рогатого красавца буюна-корбу (самца) с высоко поднятой головой. Это был молодой, но уже хорошо обученный ондад — пробивающий дорогу в глубоком снегу олень, за которым ехал верхом на учике сам Кэлкэми. Специально отобранный по масти и экстерьеру, он очень походил на дикаря: скорее всего, в его жилах текла кровь домашнего и дикого оленей. Многим охотникам удастся таким же образом обманывать буюнов, которые принимают передовика-ондада за своего.

Перед тем, как показаться перед табуном дикарей, Кэлкэми предусмотрительно сбросил с ездового учика седло, чтобы дикие олени не заподозрили неладное: у них глаз зоркий. Ондад Кэлкэми, заведя диких оленей, тоже заволновался и ходил на длинном тонком поводке полукругами, время от времени копая копытами пушистый снег, будто это самец северного оленя приготовился к схватке с соперником за обладание табуном. Тем временем олень-учик Кэлкэми, уже успевший проголодаться, откапывал в мелком снегу ягель, изредка равнодушно поглядывая на табун диких оленей. Такое поведение двух непрошенных гостей, а возможно, даже потенциальных соперников, и вовсе успокоило дикарей.

А в это время сам Кэлкэми в белом замшевом камняе (камлейке), низко нагнувшись, таился за широким боком учика, из-за вытянутой шеи ездового наблюдая за поведением дикарей. Легкими движениями Кэлкэми управлял ондадом, направляя оленя в сторону табуна, но не прямо, а как бы скользя, стороной, с постепенным сближением.

Кэлкэми без труда определил, что вожак табуна является крупной нямой (самка), а когда он добудет эту большую самку, табун уведет одичавший домашний олень черной масти – очень крупный, с большими рогами кастрат. Вот в этих и надо стрелять. Двух больших жирных туш им с Акулиной до моря, вернее, до центральной усадьбы хватит с лихвой, и все выючные будут загружены.

Вожак-самка в сопровождении нескольких комолых, старых быков-производителей широкой рысью помчалась в сторону Кэлкэми, чтобы получше разглядеть пришельцев. Остальные олени потянулись цепочкой за вожакими. Из-под сильных ног дикарей снег брызжет, как песок. В морозном воздухе из ноздрей валит густой пар.

Дикари-буюны остановились недалеко от оленей Кэлкэми и, поводя горбоносими головами в разные стороны, старались уловить запах сородичей. Но ветра не было.

Направив ствол карабина под животом ездового оленя-учика, Кэлкэми выстрелил. Вожак-самка плашмя упала в неглубокий рыхлый снег и забила ногами в предсмертной агонии. Табун шархнулся врассыпную и вдруг замер в растерянности. Некоторые олени по-прежнему смотрели на ондада и учика Кэлкэми, а остальные на лежащую самку-вожака. Только черный кастрат – одичавший домашний олень недоверчиво остановился поодаль. Его голова, увенчанная большими ветвистыми рогами, отполированными до черноты смолой стланика, повернулась, было, в сторону белых сопков, чтобы в следующий миг ему сорваться с места и помчаться к заснеженным возвышенностям, уводя табун...

Но раздался сухой выстрел, черный вожак подпрыгнул и сорвался с места. Пробежав некоторое расстояние, рухнул замертво. Потянувшийся за кастратом табун застыл на месте. Кэлкэми, приподнявшись во весь рост, закинул карабин за спину, подтянул к себе ондада и, не глядя на медленно уходящий табун, повел ездовых оленей к ближним деревьям, чтобы привязать учика и ондада на кормежку. Только к полуночи усталый, довольный удачной охотой Кэлкэми подъехал к палатке, прихватив жирную грудину домашнего одичавшего оленя.

Назавтра, после столь удачной охоты, Кэлкэми опять не пошел белковать, ему пришлось кочевать к месту добычи. Потом еще целых два дня ушло на хлопоты с мясом. Кэлкэми уже и сам был не рад добыче. Опустевшие мунгурки пришлось набивать мясом.

– Ну ничего, лучше быть сытыми, чем голодать во время кочевья, как россомаха зимой, которая и высохшие рога буюнов, сброшенные

два-три года назад, старается грызть и глотать, лишь бы пустой желудок чем-нибудь набить, – успокаивал ворчащую жену Кэлкэми.

– У нас же еще и баранина есть, и медвежий жир возим, – не унималась Акулина.

Но Кэлкэми уже не обращал на нее внимания. В его беспокойной голове роились мысли поважнее: о пушнине и об обратной дороге домой, к морю. «Припозднишься, и ранняя распутица может застать. А рек бурных на обратном пути – не счесть. Сейчас они дремлют под толстым льдом, а если вскроются раньше времени, если весна буйная и теплая будет. Один Омолон чего стоит! А что мясо? Его каждый день и не единожды едим, а тут еще и Утэ-Серый должен быть сытым. Если припрет, часть мяса можно оставить, пусть голодные звери едят», – размышлял Кэлкэми, наполняя патронами камусный авсыкан (патронташ), чтобы завтра спозаранку выехать по реке Пунгали – искать белку.

Утро выдалось ясное и морозное. Краешек солнца едва выглянул из-за горизонта, а Кэлкэми уже в пути. По неглубокому рыхлому снегу ездовой бежал бойко. Кэлкэми соскакивал с седла только для того, чтобы застрелить и подобрать очередную белку.

Вдруг впереди, в устье небольшого ручья, впадающего в Пунгали, Кэлкэми заметил большие глубокие следы. Остановил оленя и, не слезая с седла, стал рассматривать их. Явно свежие, они ярко блестели под солнцем. Весь овраг и лед были вытоптаны. Местами лед был тонкий, остался еще с осени провисший над дном оврага, когда вода просочилась в грунт. Кому-то понадобилось разбивать эту своеобразную «крышу». На снегу и уцелевшем льду валялись выброшенные льдинки. Под нависшим льдом зияли пустоты. Холодок тревоги кольнул сердце Кэлкэми. «Шатун, – пронеслось в голове. – Искать шнулу рыбу».

Он тихонько слез с седла, проверил, есть ли в патроннике мелкокалиберной винтовки патрон. «Мелкашка для шатуна – укус мухи, – подумал он. – Сесть в седло и умчаться назад к палатке? Там-то есть карабин. А что это даст? Да ничего! Только неопределенность и лишние загадки. Не сегодня-завтра шатун придет к палатке по моему следу. Будь что будет! Надо посмотреть, что это за следы. Пару выстрелов, наверное, сумею сделать, прежде чем сомнет, – подумал Кэлкэми и, держа винтовку в правой руке, решительно направился к следам, ведя за собой ездового оленя. – Медведь может лежать под нависшим льдом, в пустотах или под берегом, – размышлял Кэлкэми. – А вот и следы».

Кэлкэми остановился, сердце его стучало.

– А что это? Да это же человек, человек ходил. Какое же это счастье, что не медведь-шатун! Наконец-то за несколько месяцев живая душа! – ликовал охотник.

Да, нависающий над дном оврага лед ломал человек, подбирал меж большими камнями мерзлую рыбу, не успевшую к осени спуститься к глубоким, не промерзающим до дна водоемам. На беду, перекаты пересохли. Между камнями и на льду лежали обломки мелкой рыбы.

— Наверное, юкагирская семья зимует тут, на Пунгали, — решил Кэлкэми.

Следы вели вниз по берегу речки, в гущу лиственного леса.

— Ну что же, пойду в гости, навещу юкагиров, знакомство завяжу, чтобы будущей зимой снова заехать по пути. Гостинец есть — мяса дам, выючным оленям будет легче. Наверняка голодают люди, мелкой рыбешке рады, — вслух подумал Кэлкэми и бодро зашагал вниз по проторенной тропинке. На глаза стали попадаться свежие пни: кто-то рубил на дрова сухостой. А вон и жилье. Небольшая юрта, и почему-то одна. Дымок вьется, значит, хозяева дома. Собаки нет, иначе бы залаяла. Около юрты ни вещей, ни седел не видать.

Привязывая к дереву верхового оленя, он нарочито громко кашлянул, дабы предупредить о своем появлении. Из юрты опрометью выбежала молодая женщина, испуганно уставилась на Кэлкэми.

— Я охотник, — проговорил он, подходя ближе и протягивая руку для приветствия. — Со стороны моря иду, меня зовут Кэлкэми,

Женщина испуганно попятилась к входу в юрту, но руку подала, жестом пригласила войти. Видавший виды Кэлкэми поразился, насколько бедно выглядело жилье. Кроме кучи изношенных полинявших оленьих шкур — ничего. Закопченный металлический чайник с кипятком стоял на земле у костра, а кастрюля лежала вверх дном, на сложенных у входа дровах. Ни рыбы, ни мяса не видать.

Кэлкэми разглядел еще в ворохе старого шкурья грязное детское личико со всклокоченными свалывшимися волосами. Обложенный кусками шкуры ребенок пристально смотрел на незнакомого мужчину. На вид ребенку было годика три.

Чтобы снять обоюдное внутреннее напряжение, Кэлкэми заговорил:

— Меня зовут Кэлкэми. Я охотник, приехал со стороны моря вместе с женой, белку промышляем. А вы кто такие? Где остальные люди? Где твой муж?

Женщина затараторила, размахивая руками. Кэлкэми ни слова не понял. Видимо, и женщина не понимала охотника. Кэлкэми неплохо изъяснялся на якутском языке и с юкагирами общался без особых трудностей, а тут ни единого слова не понял. Женщина, не переставая, рассказывала охотнику о чем-то своем. Было видно, что она соскучилась по разговору с людьми. Пусть выговорится.

«Откуда эта одинокая молодая женщина с малым дитем? Это она разламывала лед в поисках снулой рыбы, — подумал Кэлкэми. — Воз-

можно, охотилась в тайге с мужем, ездовых оленей разогнали волки, и с мужем, видимо, что-то приключилось, тайга — она и есть тайга».

Увидев, что Кэлкэми намерился уходить, женщина тоже засобиралась. Переобулась в длинные изношенные торбаса, подпоясалась потемневшим ремешком, обмотала шею лоскутком шкуры — то ли медвежонка, то ли росوماхи. На голову натянула какое-то подобие малахая — небольшой мешок из оленьей шкуры. Потом полезла в угол юрты и вытащила из-под шкур, очевидно, служивших постелью, маленький мешочек, из которого высыпала горсть свежих мерзлых рыбешек. Ребенок потянулся ручонками к еде. Одну рыбку мать сунула ему в рот. Ухватив обеими руками, ребенок стал с жадностью ее жевать. Остальных рыбок женщина положила обратно. Она умоляюще поглядывала на Кэлкэми и жестами показывала: подожди, мол, посиди, подобрала в костер толстых поленьев, чтобы подольше горели.

Кэлкэми понял, что она собралась пойти за ним, оставив ребенка одного. От этой догадки ему стало не по себе, и он изобразил жестами: «Не следует этого делать, ты не дойдешь, до палатки далеко, замерзнешь, и ребенок погибнет. Олень бежит быстро, не угонишься за мной. А завтра я привезу мяса, много мяса, спички и чаю. Не ходи, я завтра же приеду, не обману».

Женщина нахмурилась и опустила голову. В следующий миг она выхватила из-под лежавшего рядом куска шкуры большой деревянный футляр с ножом, и выскочила впереди Кэлкэми из юрты. Решительно направившись к привязанному оленю, женщина на ходу выдернула нож, а футляр бросила под ноги на снег.левой рукой ухватила за уздечку, а правой направила острие ножа в бок ездового оленя Кэлкэми, прямо напротив сердца, и только теперь взглянула на опешившего мужчину. Глаза ее горели. Она ждала реакции мужчины. Кэлкэми не сделал ни шага: остановился в сторонке и, стараясь не выдать волнения, передернул затвор мелкашки, вложил патрон и спокойным тоном сказал:

— Не режь оленя, без него мне тяжело будет, не дойду до моря. Я дам тебе мяса, там, там, в палатке, — он, как мог, продублировал свои слова жестами.

Женщина стояла молча, по-прежнему держа оленя под уздцы. Вечерело, и надо было поторапливаться. Кэлкэми жестом указал на валяющийся футляр, дал понять: зачем, мол, нам нож, оставь его в юрте и следуй за мной. Похоже, женщина поняла: отпустила оленя, недоверчиво посмотрела на незнакомца, потом, словно опомнившись, быстро направилась к юрте, на ходу подобрала футляр, воткнула в него нож и, приоткрыв вход в юрту, бросила туда. Тут же, развернувшись, направилась за мужчиной, успевшим сесть на оленя. Проголодавшийся верховой поспешил по собственному следу. Когда Кэлкэми выехал в редколесье, сумерки сгущались, вот-вот взойдет полная яркая луна.

Кэлкэми остановил оленя и оглянулся. На широкой открытой поляне, которую он уже миновал, маячил одинокий силуэт. «Как она быстро идет», — подумал Кэлкэми и ударил пятками по бокам верхового, который тут же перешел на рысь.

Кэлкэми подъехал к своей палатке. Отпустив оленя кормиться, занес в палатку карабин и мелкашку, а потом и оба топора. А Утэ (Серого) привязал на длинный поводок у входа в палатку.

— Ты чего это и оружие, и топоры занес домой — никак чем-то встревожен? — спросила жена.

Кэлкэми рассказал об одинокой женщине с ребенком, которая чуть не зарезала оленя.

— Очевидно, она жестоко голодает. Идет по моим следам. Но Утэ ее услышит.

— Какая еще женщина? Уж не привидение ли повстречал? — полусерьезно спросила Акулина, с беспокойством глядя в глаза мужа.

— Не болтай много и делай, что я тебе скажу, — рассердился Кэлкэми. — Когда она придет, нож возле нее не клади. Ты лучше до ее прихода нарежь вареного мяса, а когда придет, накорми, напои жирным бульоном и положи отварного мяса в мешок, пусть унесет к себе в юрту. Не забудь завернуть чаю и спичек. Потом, когда откочуем на другую стоянку, я тебе расскажу, как было дело.

Злобно залаял Утэ. Кэлкэми вышел наружу. К палатке подходила женщина. Собака, ошестившись, громко рычала. Женщина остановилась возле кучи нарубленных дров. Кэлкэми отпустил собаку, та забежала в палатку и села за спиной хозяйки. Женщина молча стояла возле дров. Кэлкэми жестом пригласил ее войти в палатку. Она, не сказав ни слова, подала потные руки жене Кэлкэми. Акулина указала рукой на подстеленную шкуру около жестяной теплой печки и, когда та уселась, тут же подала ей деревянное корытце, наполненное жирным горячим мясом.

Женщина набросилась на еду, с жадностью уплетала нарезанное кусочками мясо, запивая теплым бульоном. Несколько жирных кусочков положила за пазуху.

— Ты ешь, сама наешься. И для ребенка мясо положили, — сказала Акулина.

Когда необычная гостья наелась, ей подали полную кружку чая. После еды она заметно оживилась и взяла в руки, о чем-то рассказывала. Кэлкэми с женой сочувственно кивали. Какая беда настигла ее семью в безлюдной холодной глухой тайге, так и осталось тайной. Жена Кэлкэми показала женщине спички, чай, отварное мясо. На лице женщины мелькнуло подобие давно забытой улыбки — все сложила она в котомку.

— Мы завтра уйдем отсюда, далеко уйдем. Ты не ищи нас. Здесь, на стоянке, мы оставим тебе мясо и одежду, новые теплые шкуры. А ты все это перетаскаешь к себе в юрту, — пытался объяснить Кэлкэми. Наверное, его жесты и уверенный голос она истолковала правильно, торопливо закинув котомку за спину, вышла из палатки.

— Ты оставайся пока с собакой в палатке, а я немного ее провожу, — велел Кэлкэми жене.

Перед тем, как шагнуть на освещенную луной тропинку, женщина обернулась и кивнула головой, Кэлкэми тоже кивнул.

Луна ярко озаряла безмолвную заснеженную тайгу. Вскоре силуэт женщины растаял в лунной мгле ночи. Проворная расторопная Акулина до полуночи успела сшить из бараньей шкуры детский очак (комбинезон). Она перебрала все свои и мужнины вещи, чтобы взять необходимое. Все оставленное для женщины они накрыли шкурами, а сверху закидали ветками и придавили жердями.

Возможно, та одинокая женщина с Пунгали с приходом весны ушла вниз к Коркодону, к юкагирам и осталась там жить. Может быть, вышла на стойбище оленеводов-якутов с Колымы, уючевала вместе с ними и вырастила своего ребенка здоровым и счастливым. Ее жизнь на Пунгали осталась кошмарным сном. Так, наверное, и было. А охотник Кэлкэми еще долго ходил по охотничьим маршрутам.

СОСЕДИ

В ту зиму в небольшом частном стаде зимовали трое пастухов: молодой Федор и двое стариков — Иван и Кирилл с женами. Остальные члены бригады отправились на упряжках на центральную усадьбу колхоза «Рассвет» отдохнуть и получить продукты с колхозного склада.

Как правило, дед Кирилл и дед Иван ставили свои палатки рядышком — так веселее, и всегда можно заскочить друг к другу в гости, поговорить и почаявничать, скоротать зимние вечера.

Когда настало время перебраться на новую стоянку, решили они расположиться на невысокой сопочке, поросшей молодыми лиственничками. На возвышенности легче место для палаток подобрать, и снегу там поменьше придется разгребать.

Но все же старикам пришлось изрядно попотеть, прежде чем были готовы площадки. Пока настелили веток, натянули брезент, устлали пол шкурами, наступил вечер. Бабки Маня и Ако сварили мясо и вскипятили чайники. После нехитрого ужина уставшие за день старики легли спать.

Ночью собачка дедушки Кирилла, оленегонка Утэ, спавшая в палатке, ни с того ни с сего злобно залаяла. Разбуженный хозяин

прикрикнул на собаку, удивленный ее поведением, ведь она никогда без нужды не подавала голос.

Наутро дед Иван спросил у соседа:

— Что это Утэ ночью всполошилась?

— А кто ее знает, — пожал плечами Кирилл. — Может, приснилось что-то.

На следующую ночь, когда старики уже спали глубоким сном, Утэ с пронзительным и яростным лаем вскочила со своего места. Не на шутку перепуганный Кирилл зажег свечу. Утэ стояла посреди палатки и настороженно прислушивалась. Обеспокоенный дед взял собачку на поводок и привязал у своего изголовья. «Неужели Утэ заболела? — размышлял хозяин, — теперь до утра не уснуть». В соседней палатке дед Иван и бабушка Манья, разбуженные лаем, покашливали и, судя по всему, осуждали несдержанность лайки.

Наутро собака была весела, даже в стадо ходила. Никаких признаков недомогания. Но Кириллу мысль о странном ее поведении не давала покоя.

— Может, ей действительно что-то привиделось ночью, — вслух рассуждал старик, — с собаками такое иногда случается...

С вечера Кирилл отвел Утэ в соседнюю палатку, и ночь прошла спокойно. Правда, Кирилл посреди ночи слышал тяжелый вздох. «Неужели у меня что-то с нервами? — подумал дед. — Или еще хуже — с головой нелады?». Наутро ничего не стал говорить ни жене, ни соседям: что людей смешить?

Днем старики возвращались из стада и, уже подходя к палаткам, заметили горностаю, подбиравшего мясные крошки у колоды, на которой рубили тушу. При виде людей и собак зверек заметался по стоянке и нырнул под нарты, стоявшие вплотную к палатке деда Кирилла. В том месте старики обнаружили торчащие из-под снега кустики карликовой березки. Потыкав в них палкой, Кирилл заметил небольшую нору евражки, уходящую под палатку. «Так это горностаю облюбовал брошенную нору, — подумал дед Кирилл, заходя в свою палатку. — Ну пускай живет, не жалко».

Еще несколько ночей после этого Утэ продолжала лаять по ночам, а дед Кирилл водил ее к соседу Ивану, а то и просто привязывал на улице, подстелив оленью шкуру. Потом старики перекочевали на новое место и забыли бы о перенесенном беспокойстве, если бы дня через два дед Иван не вспомнил о капкане, оставленном на прежней стоянке.

Пришлось вернуться. Капкан он нашел, а на том месте, где стояла палатка соседа-Кирилла, увидел большую яму. Рядом валялись примятые ветки, служившие подстилкой. Иван присел на корточки, принялся разглядывать то место.

Вот оно в чем дело! Оказывается, дед Кирилл поставил свою палатку прямо на медвежью берлогу! Выход из берлоги был за пределами стен палатки, он был придавлен кустами, которые сверху завалил снегом Кирилл, расчищая место. А ветки и шкуры настелил прямо на логово косматого соседа. Когда укладывали люди, медведь разломал верх берлоги и вышел прямо в том месте, где спали старики. Выбравшись наружу, зверь спустился с бугра, постоял, отряхнулся (в этом месте на снегу лежали комочки сухой глины и мха) и...

А это что?! Никак мертвый горностаю. Да, тот самый, которого собаки загнали под палатку деда Кирилла. Словно меховой чулок, он валялся, слегка вдавленный в снег, в том самом месте, где топтался медведь. Иван долго рассматривал зверька, пока не понял, как было дело. Спасаясь от собак, зверек проник в берлогу медведя и в темноте стал метаться по спящему зверю, а тот со злости или с испугу целиком проглотил незваного гостя. Неработающий желудок спящего медведя не переварил горностаю, отверг, медведь просто отравился непереваренной пищей. Что, вероятно, и заставило его прервать свой сон и вылезти из норы.

P.S. Случай этот произошел в 1957 году на р. Хивач, где зимовал мой дед — Иван Ханькан (дед Иван), который и рассказал мне эту историю.

ГОРА НЭЛЭРЭ

Между Левым и Правым Кедоном есть отдельно стоящая небольшая каменистая гора с метким названием Нэлэрэ (Фартук). Она действительно очень напоминает эвенский фартук. Река же Кедон — один из самых крупных левых притоков Омолона.

Я работал в Гижигинском совхозе старшим ветврачом, когда произошел этот курьезный случай. Самая отдаленная оленеводческая бригада хозяйства круглый год выпасала свое стадо по реке Русская Омолонская (левый приток реки Омолон), переваливая иногда на лето в верховья Кедона или Русскую Коркодонскую (правый приток реки Коркодон, который впадает в Колыму).

В конце июля, когда появились ранние грибы, вместе с двумя пожилыми пастухами пошел я на ночное дежурство в стадо. Двумя днями раньше мы подкочевали на новую стоянку и остановились километрах в пяти восточнее горы Нэлэрэ. Ночью держали стадо у подножья Фартука с западной стороны и прижимали оленей к каменистой горе, чтобы стадо не шибко разбредалось в поисках грибов.

Уже совсем рассвело, когда мы уложили стадо. Солнце ярко-красным светом озарило плоские макушки близлежащих гор. Втроем мы быстро управились с костром, я еще успел сходить на речку, которая

протекала неподалеку, поймал несколько хариусов на уху. После горячей еды и чая меня разморило. Пока мои напарники мирно разговаривали, я прилег у костра и крепко уснул. Спустя некоторое время слышу:

— Костя, Костя, просыпайся! Кажется, мы потеряли стадо. Вон, смотри, на вершине Нэлэрэ-Фартука на фоне неба маячат олени.

И правда. Я удивился: вроде бы хорошо смотрели за стадом, не так уж и темно было. Как это они умудрились уйти на сопку незамеченными?

— Надо кому-то идти за ними и пригнать обратно. А то скоро ир-гыт (овод) налетит, и рванут они против ветра, ищи потом, — говорит Семен, собирая котомку. Он явно намеревается подняться на гору.

Второй мой напарник молча смотрел на лежащее стадо и, достав нож, стал снимать какие-то невидимые глазу заусеницы с хорошо отполированного посоха.

— Ладно, давайте-ка я схожу за оленями, пригону с сопки, — говорю им. — А вы, когда поднимется стадо, подгоняйте к подножию Нэлэрэ, чтобы мои олешки не убежали, куда не надо.

— Костя, ты мелкашку-то возьми с собой, вдруг зверь какой попадется, — советует до сих пор молчавший Элыктяй.

— Какой там зверь, днем-то! Пойду налегке.

Быстро дошел до подножия горы и стал подниматься на вершину. Вот и хребет, где недавно виднелись потерянные ночью олени. Но их тут нет. «Куда ж подевались? Неужели убежали?» — мелькнуло в голове. — Может, улеглись где-нибудь на ветерке?». Осторожно, чтобы не распугать невидимых оленей, выглядываю на противоположную сторону узкого хребта. И, слегка подавшись назад, сажусь от изумления на корточки: в небольшой котловине, метрах в сорока от вершины горы, на мелкой каменной россыпи лежат, нет, не олени — снежные бараны! Целый хэсын (табун), не менее восемнадцати голов. Возможно, даже два табуна соединились. Что делать?

Руки тянутся к ружью, но кроме нимками (посоха) у меня ничего нет. Сняв кепку с накомарником, я снова выглядываю из-за нагромождений круглых плоских камней. Все взоры баранов обращены вниз, к подножию горы. Бараны вылинявшие, упитанные. Есть крупные самки с ягнятами, годовалый и двухлетний молодняк. Одна крупная самка с ягненком-сеголетком устроилась в стороне от табуна на небольшом взгорке. Очевидно вожак табуна, немолодая уямкан (самка снежного барана), лежа на левом боку, потирает правой передней ногой морду. У нас на Севере из парнокопытных так могут отгонять с «лица» назойливых насекомых только снежные бараны.

Тихо пячусь, стараясь не задеть какой-нибудь камень. Сердце колотится. Надо отдышаться. Сижу и думаю: бежать мне в стадо за

оружием или нет? Может, успею, прежде чем табун уйдет. Может, они тут останутся кормиться. Решил все-таки попытать счастья.

Бегу вниз по склону Нэлэрэ, опираясь на посох, чтобы не упасть на камни, если споткнусь. Вот уже и каменистый склон кончился, далее сплошной ягельник. Спуск пологий. Здесь, ближе к подошве горы, лиственное редколесье, кусты ивняка вперемешку с карликовой березкой.

Вот и кончился лес, окаймляющий все северное подножье горы Нэлэрэ. Навстречу мне, как живая разноцветная лавина, движется стадо. Семен и Элыктяй идут по обеим его сторонам, окриком и свистом направляя движение животных. Передние олени, увидев меня, быстро идущего навстречу, заменжались и, постепенно останавливаясь, принялись кормиться. Подошли мои напарники, удивленные тем, что я пришел без оленей и столь быстро.

— Як одни? Нёмынды? (Что случилось? Убежали?) — с ходу спросил Семен, встревожено глядя на меня.

— Нет... Это не олени, а бараны были. Мы перепутали, — говорю им, усаживаясь на большую толстую кочку и вытирая пот с лица снятым накомарником.

— Нян гонивынкы, поктырэвми хорули! (Говорили же, оружие бери!) — воскликнул Элыктяй, с вздохом садясь на землю, будто и он ходил со мной на гору.

Я рассказал им, что на той стороне хребта лежат бараны, что сверху вышел прямо на них. Близко были, мог без труда добыть хоть одного. И что они меня не видели и, наверное, скоро уйдут. Я взял у Семена винтовку и пошел обратно на вершину Нэлэрэ, предупредив пастухов, чтобы придерживали оленей и не шумели.

Поднялся на хребет точно по своему следу, вышел на те же камни, откуда хорошо были видны темные спины животных, зарядил ружье и хорошенько отдышался, чтобы руки не дрожали. Была, не была! Ползком, на коленях, опираясь на локти и держа в правой руке мелкашку, двигаюсь к краю обрыва. Осторожно выставив ствол винтовки, глянул между камнями. Каменистая котловина пуста...

Придирчиво огляделся. Баранов нигде не видать. Куда же они могли переместиться?

Отполз обратно за камни и, пригнувшись, побежал вправо вдоль хребта. Пробежав метров триста, остановился, чтобы сделать передышку. Пот течет по лицу, попадая в глаза. Вытираюсь рукавом куртки. Здесь, где я остановился, самая высокая точка горы Нэлэрэ. Но ширина самого хребта небольшая, наверное, и пяти шагов не будет. По обоим краям гребня тянется частокол довольно высоких остроко-нечных каменных глыб. Осторожные бараны, услышав шум стада и окрики дежурных, могли затаиться на склоне горы. Не задерживаясь,

высунулся между валунами и глянул вниз. Баранов нет и тут. Склон виден до самого основания Нэлэрэ.

Стало ясно, что бараны ушли, скорее всего, даже убежали, пока я ходил к стаду. Сбросил куртку с досады на камень, сел, положив винтовку рядом. Взгляд зацепился за ближние высокие горы. И вдруг... На белых лишайниках — темная полоска. Странная такая и как будто шевелится, словно змейка. Вдруг она оборвалась и раздвоилась. Одна полоска потянулась влево, к узкому мрачному ущелью, берущему начало со склонов высокой плоской горы. А вторая темная тонкая живая ленточка свернула вправо и стала медленно подниматься на каменистый длинный отрог, по которому тянется светлая ниточка тропы, пробитой снежными баранами по каменной россыпи за сотни, а может быть, даже тысячи лет.

Как быстро одолели бараны широкую долину, простирающуюся между Нэлэрэ и высокими горами, чтобы вскоре оказаться в своей родной неприступной стихии! Очевидно, бежали, пока я за оружием ходил, и успокоились только когда подошли к горам.

Я не сильно расстроился, что табун ушел. Хотя и был около него на расстоянии выстрела. А будь при мне оружие? В хэсыне были и ягнтя, а опытная старая самка-уямкан, вожак, с достоинством лежала в сторонке с гордо поднятой головой, готовая увести табун от внезапно нагрянувшей опасности. Хэсын без вожака могла охватить паника, тем более столько молодняка. Бараны могли не сориентироваться, в какую сторону бежать, и, теряя драгоценное время, ненароком совершили бы роковую ошибку. Пусть уводит старая уямкан свой табун подальше, в горные лабиринты.

Нэлэрэ — красиво расшитый северными узорами фартук. Какой же охотник и когда подарил тебе такое великолепное имя? Стой, гора, моложаво и крепко в грядущих веках и охраняй своих быстроногих баранов. А я пойду к своим оленям, небось заждались. Тоже красавцы, еще какие!

НА ЛАПКЕ БЛЕСНУЛО КОЛЕЧКО

Май. Долгожданное время охоты на водоплавающую дичь. Мой сын Дмитрий — с начальных классов школы пригласился охотиться на уток и гусей. Много кострищ мы с ним оставили на просторах тундры, на богатых дичью зеркальных озерах. Сколько раз приходилось слушать у охотничьего костра разноголосое пение перелетной дичи на утренних и вечерних зорях! Во дворе еще только март, а Дима начинает подсчитывать, сколько дней осталось до прилета первых гусиных стай. В который раз чистит двустволку до безупречного блеска. Подгоняет патронташ, подтачивает охотничий нож...

Вся мелочь давно уже в рюкзаке: спички в непромокаемом пакете, разборный шомпол с масленкой, манок на гуся, бинокль, блесна на щуку...

— Мама, гуси и утки еще в теплых краях, а папа уже готовит рюкзак, — смеется Димина дочь, школьница Влада.

Середина мая, день теплый и безветренный. В такую погоду гусь летит высоко. Наша двухместная палатка стоит на берегу небольшого озера, в густых зарослях стланика, на высокой морской террасе, на берегу Наяханской губы Охотского моря.

С нами старая охотничья собака Серба. Эта оленегонная лайка — долгожительница, ей уже 16 лет. Хотя и плохо видит, и глуховата стала, на охоту ходит с радостью. Уходя в тундру, оставляем ее сторожить в палатке. В молодости Серба прекрасно работала с оленями, не боялась медведей, смело кидалась в воду во время охоты на гусей и уток, понимала нас с Димой без слов, хватало и жеста. Не надо кричать, звать, просто махни рукой или присвистни — она, увидев, что хозяин начинает подкрадываться, тут же ложится на место, дожидается выстрела. По взмаху руки радостно мчится за добытой дичью. По масти Серба рыже-пестрая, шерсть густая и лохматая. А к весне, когда на солнце выгорит шерсть, становится похожа на лису, поэтому гуси и утки не боятся.

— Пап, ты костер готовь, а я спущусь на припай, там по отливной полосе скопилось много крупных куликов, кормящихся в иле. Подстрелю на ужин несколько куличков. Сейчас они жирные, мясо нежное. Вермишелевый суп с картошкой сварим.

Взяв ружье, Дмитрий направился к ручью, чтобы по нему спуститься к морю. А я из чистой лужи между кочками набрал воды в кастрюлю и в чайник, разжег костер и принялся чистить картошку.

Вскоре один за другим послышалось два выстрела. Вода в алюминиевой кастрюле быстро закипела, я бросил картошку и жду. Слышу, привязанная под кустом Серба завизжала. Из-за куста появился Дмитрий. Прислонил ружье к кусту около палатки, снял рюкзак и сел к костру.

— Подстрелил окольцованного. Сейчас посмотришь, — он высыпал из рюкзака с десяток крупных куликов. Все они темно-желтой окраски, типа кукши, такая же бывает у некоторых турухтанов. Таких ни на озерах, ни на реках мне не доводилось встречать. На голову одного из куликов была натянута Димина замшевая перчатка.

— Чтобы не перепутать, — пояснил он. — Во, глянь: на колечке иероглифы.

Да, действительно, кулик был окольцован в Китае, в марте 2003-го года, а Дима добыл его в мае 2003-го, через два месяца.

— Жаль, что окольцованный подвернулся под выстрел, — сокрушался сын.

– Да ладно, что теперь поделаешь? Отправим кольцо в Москву, в Центр кольцевания. За это даже поощряют охотников. Охота есть охота, – успокоил я расстроенного сына.

Я знаю лишь о трех окольцованных трофеях. Это четвертый случай. Первое кольцо было на шилохвости – в мае, в середине восьмидесятых годов, на восточном побережье залива Креста, в Беринговом море, через два с половиной года после кольцевания в Америке. В девяностых годах во время осенней охоты была застрелена шилохвость, на восточном побережье Гижигинской губы, в Охотском море, через полтора года после кольцевания в Японии. И охотник из Гижиги добыл окольцованного гуся-гуменника.

Колечко на птицу – легкое, из алюминиевого сплава, легко разгибается, запечатывается в конверт с сопроводительной запиской, в которой указываются фамилия, инициалы охотника, адрес, число, год, месяц, район добычи и вид дичи.

Как-то мне довелось видеть «амуницию» на белоплечего орлана: красно-голубой кожаный наплечник, куда крепится металлический корпус датчика, показался грубым, жестким, стесняющим движения птицы при полете, а корпус датчика – тяжелым и холодным, со временем он мог привести к гибели птицы.

Кольцевание птиц – это метод изучения сезонных путей миграции из районов зимовки к местам гнездования. На кольцо выгравирован номер метки, дата кольцевания, страна, город. Ученые специалисты метят не только птиц, но и крупных морских млекопитающих: к примеру, кашалотов, усатых китов, может быть помечена белуха или косатка. Цель мечения морских животных и птиц одна – определить пути сезонных миграций. Крупные киты, совсем как перелетные птицы, перемещаясь к местам летнего нагула, в районы зимовки и размножения, проплывают тысячи километров. Пересекая экватор в разных направлениях, поднимаются в высокие широты северного и южного полушарий, порой достигая кромки льдов.

На метке кита выгравирован номер самой метки, страна, город, могут быть указаны координаты, где промечен кит. Трубку из нержавеющей стали вставляют в обычный папковый патрон и производят выстрел в спину кита из охотничьего ружья 12-го калибра. В слое сала метка инкапсулируется, не причиняя животному вреда. Бывают случаи, когда погибших китов выбрасывает на берег или заносит в небольшие бухточки, где их съедают медведи и лисы.

Учитывая научную ценность мечения, охотникам следует обращать внимание, не промечено ли животное или птица. Интересен рассказ местных жителей с реки Парень, впадающей в Пенжинскую губу на северо-востоке Охотского моря. Тогда в невод попалась кета с голубой резиновой лентой, надетой на хвост. Старые люди посоветовали рыбакам отпустить рыбину в реку.

Мечение рыбы – сложное мероприятие. Одним из примитивных методов является ампутация плавников. И если в сети попадется чавыча, кета или горбуша без плавника, то следует обратить внимание, помечена она или это нерпа откусила плавник.

Шелест гусиных крыльев над палаткой прервал наш с сыном разговор о кольцевании птиц. Большая стая гусей-гуменников, наскочив на дым костра, гортанно закричала. Мы оба потянулись к ружьям. Но, увы, они оказались не заряжены.

– Это они здороваются с нами, сынок. Так говорили старики. Плохо, когда гуси летят молча. Ты слышал, с каким громким криком прошла стая над нами? Это уже хорошо. Пусть летят дальше, на Север, где родились и оперились!

ПОДЧАС И ПОСОХ – ОРУЖИЕ

Как-то в сентябре мы с сыном Дмитрием охотились на перелетную дичь. Серый утренний рассвет только забрезжил. Наскоро разогрели вечерний суп, поеживаясь от прохлады, позавтракали и, попив чаю, отправились на озеро, часах в двух ходьбы.

Преодолев небольшой перевал, спустились в извилистую пойму каменистого ручья с высокой террасой, густо поросшей ивняком вперемешку с ольхой. Берег ручья, на который мы вышли, синел от переспевшей голубики.

Сын остался на поляне есть ягоды, а я пошел к ручью набрать воды для чая. Наполнив котелок и пройдя немного по течению, углядел подходящее место и выбрался на берег.

Пригнувшись, чтобы не цепляться за кусты, нависшие над песчаным узким оврагом, я повернул в сторону видневшейся полосы стланика: там можно набрать сухих дров для костра. По ходу обратил внимание на следы медведя, явно свежие.

«Коридор» кончился, я вышел на довольно просторную поляну, покрытую пыльным ковром ягеля. О господи! На расстоянии не более двадцати шагов за редким кустом карликовой березы, повернувшись в мою сторону, ел ягоды некрупный медведь. На мне была выгоревшая ветровка из зеленого тонкого брезента и шапочка из такого же материала. Видно, поэтому медведь меня не заметил. К тому же остановился я между двумя высокими кочками. Ружье, заряженное дробью, висело за спиной прямо на рюкзаке. В одной руке у меня был котелок с водой, в другой – посох из специально высушенного ствола рябины.

Пока я размышлял, что предпринять, правее медведя качнулся куст стланика – маленький медвежонок пытался пригнуть куст, чтобы сорвать шишку. Медвежонок скрылся в тени зарослей так же внезапно, как и появился. Только теперь я догадался, что первый зверь – молодая медведица.

Обратно отходить в кусты я не стал: зверь может заметить шевеление и принять меня за лося или оленя, со всеми вытекающими последствиями. По шелковистой светло-бурой шерсти, упитанности зверя можно было сделать вывод, что неспровоцированной агрессии с его стороны быть не должно. Но, как говорится, береженого и Бог бережет. Пока я стану снимать и перезаряжать ружье пулями, она наверняка увидит меня и уж точно услышит щелчок. В этом можно не сомневаться.

Когда-то отец учил меня: «Если безоружным близко встретишь медведя, то стучи обухом ножа по посоху. Услышав такой звук, медведь обычно уходит».

Медленно нагнувшись, я осторожно поставил котелок на землю, выпрямился, вытаскивая нож. Медведица вздрогнула, вся как-то сжалась, стала приземистой. Не отрывая головы от земли, она напряженно следила за мной. Явно приняла меня за какого-то зверя, свою возможную добычу, не исключено, что уже приготовилась к мощному рывку и просто выжидает момент. Мне стало не по себе. Я два раза стукнул ножом по посоху. В утренней тиши стук прозвучал, как выстрел из «мелкашки». Медведица присела от неожиданности. Резко бросила тело назад и, громко фыркнув, помчалась вверх вдоль стены стланика. Рядом с ней черным комочком катился медвежонок.

— Пап, что за шум? — показался из кустов сын.

— А вон, — махнул я рукой в сторону бегущих медведей. — Давай-ка теперь чайку попьем.

ОДНАЖДЫ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Был декабрь 1987 года. Работал я тогда зоотехником-селекционером в одном из совхозов Северо-Эвенского района. Стояла морозная безоблачная ночь. Мы с племянником Валерием поздно вечером возвращались из стада в свою палатку. Перегонное стадо оленей находилось в среднем течении Гижиги.

Еще не полная луна ярко освещала дорогу. До палатки оставалось километра полтора, не больше, когда я замедлил шаг, чтобы перевести дыхание. Случайно взглянул на небо и...

В какой-то момент мне показалось, что на небе две луны. Невольно перевел взгляд на восточную часть неба. Луна оставалась на своем месте. А на северо-западе, на высоте примерно двух-трех километров в направлении юго-востока летел ярко-голубой космический корабль. Двигался над бассейном Гижиги, по правой стороне, в направлении Гижигинской губы. Если ориентироваться по близлежащим сопкам, над которыми он пролетал, и расстояние измерить по земле, то от нас корабль находился на расстоянии не более трех километров.

Во всем его сказочном великолепии было что-то жутковатое и неестественное. Не было слышно никаких звуков — гула или шума. Полная тишина.

Я окликнул племянника, шедшего впереди.

— Валера, посмотри-ка...

Племянник подбежал ко мне.

— Ой! Что это? — негромко переспросил он.

Корабль летел очень медленно, мы смотрели на него минуты три, и за этот промежуток времени корабль пролетел не много. Потом он убавил «ход», а затем и вовсе остановился, и тут же всю носовую часть корабля стало заволакивать клубящееся темно-фиолетовое, прямо-таки чернильное облако. Оно клубилось, быстро увеличивалось в массе и через какое-то время полностью заволокло или поглотило корабль. Когда рассеялось, корабля нигде не было видно. И мы не заметили, чтобы из клубящегося облака вырвался корабль. Зато увидели вдалеке, над горизонтом летящую продолговатую звезду. Она проносилась над Гижигинской губой на восток, обогнув мыс Теланский и Тайгонос, и над Пенжинской губой ушла в сторону Анадыря. По крайней мере, мне так показалось. Скорость была очень высокой.

Да, несомненно, это был огромных размеров космический корабль. Он напоминал плывущий по воздушному пространству океанский лайнер без палубных надстроек. Он не был похож на ракету или самолет, а напоминал по своей форме большой дирижабль, плывущий в ярко-голубом вакууме. Вдоль по борту, по всей длине корабля ярко горели иллюминаторы.

Когда корабль скрылся из виду, мы, обсуждая увиденное, двинулись дальше. Пройдя немного, я почувствовал тошноту. Было такое ощущение, будто меня укачало, но через некоторое время все прошло. Когда мы пришли в палатку, племянник пожаловался, что у него разболелась голова.

КУБЫКА — МАЛЕНЬКИЙ ЧАЙНИК

Много лет минуло с той поры, много поколений ушло. Но люди еще помнят события, которые случались на самом деле, а потом обросли легендами. Велика человеческая память, которая не обрывается, а продолжает свое течение в веках подобно полноводной могучей реке. А было это так.

Жил в одном большом стойбище молодой неженатый мужчина — как и многие его сородичи, превосходный охотник и пастух. Славился еще и тем, что был несравненным ходоком, сильным и выносливым. Ранней весной сходил он на реку Омолон и в чаще молодого леса срубил высокий стройный тополь. Стесал дерево, разрубил на две

части и перенес к себе в стойбище. Удивлялись люди и спрашивали: «Не время сейчас такое затевать: отел оленей в разгаре, рыба на реке клюет, вешала у каждой юрты заполнены ею, аж прогнулись дугой. А ты взялся лыжи тесать. Еще весенний, нынешний снег не растаял, а до нового снега ой как далеко, еще целое лето впереди, успеется».

Молодой кочевник помалкивал, дело делал. Высушил свои заготовки, обработал их как полагается. Сварил из сухой рыбьей кожи крепчайший клей и обклеил свои широченные лыжи зимними оленьими камусами. Вот и готовы лыжи – легкие, широкие, не будут проваливаться в глубоком снегу, камус будет скользить, как рыба в воде.

Прошло лето, наступили холода, выпал глубокий пушистый снег. Однажды вечером, когда старики по обычаю собрались у старого уважаемого в стойбище деда обсудить накопившиеся дела и принять решения, зашел на огонек и тот молодой кочевник, который весной мастерил себе лыжи. И говорит:

– Решил я этой зимой пойти далеко – к морю. Туда, где живут береговые эвены, о которых рассказывал мой дед, он ведь родом из тех далеких краев. Там живут красивые девушки, сосватаю себе и привезу сюда. А если что, с ней останусь до благих времен. Сейчас снег устоялся, и ночи лунные стали, мне легко будет идти, да и лыжи у меня новые.

Зная быстроту и выносливость парня, старики дали «добро» на далекий трудный зимний переход к морю. Собрал кочевник все необходимое, упаковал как следует, что уместилось в котомке. Взял котелок и чайник.

Всем стойбищем провожали молодого путника в дальнюю дорогу. Те, кому приходилось бывать на побережье, подсказали ориентиры, чтобы не заблудиться парню.

Позже докатилась до стойбища весть, что не дошел до береговых людей отважный лыжник. Спустя некоторое время на берегу одного из левых притоков реки Малая Авландя кочевники нашли котелок и чайник, подвешенные на сучьях склоненного деревца, над высохшей подстилкой из веток. Это была посуда ушедшего к морю кочевника. Ничего другого обнаружить не удалось. С той поры кочевники стали называть эту речку Кубыка – маленький чайник. Потом на той таинственной речке вырос золотой рудник «Кубака».

ЖИВОЙ ПОТОК

В начале 80-х годов, в сентябре, мы с пастухом Виктором перегоняли оленье стадо с пастбища к палаткам бригады. Близился вечер. Стадо медленно плелось вверх по пересохшему ручью Джегдали.

Кое-где по руслу попадались невысохшие изолированные лагуны. Джегдали впадает в один из правых притоков реки Омолон. Давно не было дождей, вот и обезводили многие речушки.

О чем-то беседуя, шли мы вслед за стадом по берегу ручья. Я обратил внимание, что олени, шедшие по сухому руслу ручья, стали выбирать на берег, настороженно оглядываясь на ручей.

– Наверное, заяц, окруженный оленями, бежит по ручью, – сказал я напарнику.

Пройдя чуть вперед, мы остановились от неожиданности: мощный бурлящий поток во всю ширину речки катился сверху по сухому руслу. За клубящейся волной тянулся водяной хвост длиной метров 25. Сначала мы не поняли, что это, и какое-то время молча смотрели на водяной вихрь, пока, наконец, не заметили, что с волной катилась рыба, каким-то образом увлекаемая за собой воду.

Живая волна шумела, плескалась. Рыбы было много, она кувыркалась внутри потока. Масса хариуса, поблескивая брюшками, катилась лавиной, как в кипящем котле.

Высота уровня воды в центре головной волны была не менее 80–100 сантиметров. Скорость увлекаемой рыбой волны была столь высокой, как и сила течения, что увиденное чем-то напоминало селевой неуправляемый поток.

Мы бросились в стремнину и стали ногами выбрасывать рыбу на лайду. Но это было не просто: набрали в сапоги воды и промокли по пояс. Чувствовалось, как рыба бьет по ногам, зацепить ее ногами и выбросить на берег было трудно: она ускользала.

Какое-то время мы в азарте бежали за клубящейся живой волной, но вскоре отстали. Однако десятка полтора крупных хариусов все-таки сумели отстоять у волны.

Вода ушла, подобно морскому отливу, лишь темная мокрая полоса напоминала, что здесь только что прошла живая речка.

Позже я узнал, что аналогичное явление наблюдали и пастухи другой оленеводческой бригады на ручье Иняга. В тот раз оленеводы обнаружили оставшуюся заводь, где скопилось большое количество хариуса. Перекаты ниже по течению пересохла. Назавтра, захватив невод, люди пошли на изолированный плес, чтобы выловить рыбу. Но лагуна оказалась пустой, не было ни одной рыбки – за ночь исчезла из закрытого водоема. Дождя ночью не было, вода в речке не прибыла.

Каким же образом обреченная рыба поднимает уровень воды? Старые аборигены утверждают, что, оказавшись в опасности в пересыхающем водоеме, рыбы начинают носиться, создавая сильное волнение, и, когда достигается определенная высота волны, вся масса рыбы вместе с волной устремляется вниз по течению, увлекаемая за собой воду. В достоверность этого необычного явления природы я, возможно, и не поверил бы, если бы сам не был тому очевидцем.

МУДРЫЙ СОВЕТ

Эту историю я услышал от гижигинских пастухов. В 60-е годы в одной из бригад кочевала пожилая женщина Ульяна, которой было далеко за семьдесят.

Однажды, ближе к осени, перекочевывали в бассейн другой реки. Перед перевалом замыкавшие выючный олений караван женщины вдруг закричали ехавшим впереди мужчинам, прося остановиться. Мужчины послушались, а когда женщины подъехали, спросили, что случилось.

— Детки, я чую запах дыма очага из-за перевала, — стала объяснять Ульяна. — Не маленьким костерком тянет, видно, там стоянка. Наверно, там другая бригада пастухов. Будет беда, если наши стада соединятся.

Пастухи задумались: что делать? Не разворачиваться же перед самим перевалом, когда близка цель? А двухтысячное стадо уже напирает. Ветер на самом деле дует со стороны перевала. Все начали приноживаться. Кому-то смешно. Никто ничего подозрительного не учуял.

— Баба Уля, ты сама небось пропахла табаком своей трубки, вот и мерещится, — заметил бригадир.

— Детки, послушайтесь меня, старую, давайте остановимся тут. День-два потеряете — невелика беда. Поставьте палатки, попейте чаю и сходите на перевал, посмотрите, если там никого не окажется, вина будет моя.

После небольшого отдыха послали одного пастуха на разведку. Сразу за перевалом на котлообразной альпийской луговине спокойно паслось стадо другой бригады, а чуть ниже, у слияния двух рукавов истока реки белели и сами палатки.

ЛЕБЕДЬ — ПТИЦА СВЯЩЕННАЯ

Издrevле у эвенов Северо-Эвенского района лебедь считалась священной птицей. Старики чтили лебедей, не убивали, чтобы не навлечь беду.

Давно это было. В верховьях реки Гижига есть озеро Дарпис (Преграда). Как-то весной стойбище оленеводов обосновалось на берегу озера, чтобы наловить рыбы. Хариуса и хэсимки (горная мальма) в водоеме было в изобилии. Каждая семья заготовила рыбы впрок, а сытые собаки целыми днями грели свои бока на проталинах.

На то озеро каждой весной прилетала пара лебедей выводить птенцов. С приходом холодов белоснежные красавцы покидали гнездо и улетали в далекие края.

И вот однажды один молодой пастух говорит:

— Я никогда не ел лебединого мяса, хочу попробовать. Завтра застрелю самца, а лебедка одна управится с птенцами.

— Ты что, голодный? — в один голос говорят ему старики. — Вон сколько рыбы, да и оленей у нас целое стадо. Не трогай птиц, не бери грех на душу!

Пастух не послушался стариков, убил лебедя.

С рассвета до вечерней зари над озером слышался тоскливый голос овдовевшей лебедушки.

В стойбище оленеводов жила старая бабушка. Однажды она увидела сон, будто лебедь-вдова прилетела к людям, села возле очага и молвила:

— Вы убили моего мужа, теперь я возьму в мужья вашего пастуха, — и полетела обратно к озеру.

Наутро бабушка всем рассказала про свой сон. Люди сильно испугались. Только молодой пастух, убивший лебедя, громко рассмехался:

— Да что вы слушаете этот бред! Еще чего не хватало, чтобы я женился на птице!

Вскоре бригада засобиравлась перекочевывать в другое место. Все взялись строить лабазы, чтобы оставить до осени лишний скарб.

Когда стали поднимать и укладывать вещи на площадке лабаза, тот пастух, что недавно убил лебедя, поскользнулся и сорвался с лабаза, упал на выступающие корни деревьев и сломал себе позвоночник. Промучившись немного, умер.

СХВАТКА

Лыжи, обитые камусом, легко скользили по утреннему насту. В густых зарослях ивняка то тут, то там бормотали куропачи, подзывая подруг. Их коричневые шеи мелькали среди потускневших сугробов. Брачный наряд куропаток изумительно красив.

Тем тихим весенним утром я шел на подледный лов к руслу Омолона. В густом перелесье мое внимание привлекло скопление кукушек: птицы бесшумно сновали от дерева к дереву. Впереди из небольшой лощинки с громким карканьем вылетели два ворона. Еще издали я заметил старую наклоненную листовенницу. На высоте двух метров от земли, обхватив ствол дерева, между разветвленных толстых сучьев застыла росомеха.

В первую секунду я думал: живая. Но плоская голова с короткими ушами и раскрытой пастью неестественно свешивалась вниз. Помутневшие глаза будто бы с удивлением смотрели на землю. На крепкой длинной шее запеклась темная кровь. Рванный язык и лоскут

кожи на лбу, многочисленные раны головы говорили о том, что в одну из прошлых ночей здесь разыгралась драма. Все вокруг свидетельствовало о смертельной схватке. Сучья потоньше от вершины дерева и до земли были обломаны. Сухая кора содрана острыми когтями. Под деревом валялись ключья шерсти. Видно, долго длилась борьба, пока один их противников не схватил другого за горло. Вырвавшись из последних сил, смертельно раненный зверь сумел взобраться на дерево и, судорожно обхватив его, затих. Это был молодой самец двух-трех лет.

Вроде бы понятно, что произошло? Но с кем и из-за чего драка? С волком? От волка спасаются на дереве. А тут борьба происходила и на дереве, и на земле. С рысью? На рысь вряд ли осмелится нападать росомаха. Больше у нее в тайге врагов нет. Вероятнее всего, зверь пал в борьбе со старым самцом-сородичем, проиграв в битве молодую самку.

ТАЕЖНЫЙ ОХОТНИК

Светаёт. Крепок утренний мороз. То там, то здесь звонко хрустнет мерзлая ветка. Холодная луна склонилась над темными силуэтами гор. Только далекие звезды ярко мигают в небе. Видны отчетливые следы зайца, лисы, рыси. Коварная росомаха проковыляла по вчерашним следам охотника. Тонкие молодые деревья дугой согнулись под снегом, будто прикорнули до прихода весны.

А вот и следы ночной трагедии: спокойно грызший мерзлую кору упавшего тополя заяц-беляк сделал большой прыжок в сторону, а полутораметровый размах чьих-то широких крыльев, будто вилами, прочертил пушистый снег. Неподалеку на поляне остались ключья заячьей шкурки. Чуть подальше молчаливо застыла высокая корявая лиственница, на толстых сучьях которой, нахохлившись, сидел филин. На пятнистой, круглой груди остались пятна свежей крови. Ниже по ручью, в самой гуще леса, голодный соболь прямо в снежной лунке задушил каменного глухаря, остатками которого лакомились стремительные злые горностаи. Предрассветная тайга жила.

Большой, черный дятел-желна забарабанил по сухостою, возвещая о восходе солнца, а потом несколько раз хихикнул, достав добычу.

Широкие лыжи скользили легко. Мороз пощипывал щеки. Андрей уже добрый десяток километров отмахал от палатки. Его высокая статная фигура покачивалась в такт широким шагам. Впереди, пригнувшись, бежал рысью мохнатый Мухала (Белая шейка).

Вот и первые две белки только что пробежали на поиск своих запасов. Мухала, весело взвизгнув, мигом исчез в глухом перелеске,

вскоре раздался его звонкий лай. Неторопливо прицелившись, Андрей нажал на спуск.

Вскоре в связке уже насчитывалось двенадцать белок. Надо возвращаться. Короткий зимний день быстро угасал. Сумерки неумолимо сгущались. Крепчал мороз.

Вот и палатка, возле которой отдыхают десять вьючных оленей. Андрей растопил печку. Достал чайник с водой, укрытый куском старой шкуры, поставил на железную печурку и принялся за обработку добытой за день пушнины. Не заметил, как перевалило за полночь. А вставать предстоит до рассвета: завтра кочевка. Андрей наметил новый маршрут: по левой стороне Омолона с остановкой в устье реки Хунганра, там еще что-то добудет непременно.

Уже пятый месяц, как Андрей один в тайге. Пора и в обратный путь. На душе радостно – план перевыполнен, как-никак в мунгурах восемьсот беличьих шкурок, шесть соболей добыто, пятнадцать горностаев, две росомашки да одна лиса-огневка.

«Как-то там, в Гижиге, мои детки, Маринка да Сережа? – подумал он, засыпая. – Нелегко, наверное, Кате одной с ними».

Глухая Омолонская тайга и белые высокие горы дремали в ночной морозной тишине.

ПРИМЕТЫ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Жизнь аборигенов проходит на природе, и это заставляет их быть наблюдательными, находить причинно-следственные связи между животным миром и природными явлениями. В результате многолетних наблюдений и у меня сложился комплекс примет. О некоторых мне бы и хотелось рассказать.

ЧАЙКИ парят высоко в небе – менее чем через сутки пойдет продолжительный дождь.

Глубокой ночью чайки, спящие на плесе, подняли крик – значит, к нерестилищу вышел медведь.

КУРОПАЧ взлетел с пронзительным криком – неподалеку ходит какое-то животное. Так же реагирует на появление чужака и КУЛИК.

ОЛЕНИ зимой вдруг начинают отряхиваться – жди снегопада. Летом начинают пригнуваться, высоко задирая головы – быть дождю, грозе.

СОРОКИ предпочитают жить вблизи поселений человека, где легко добыть пищу. В континентальной части Северо-Эвенского района, где преобладают низкие температуры, появление сороки – явление довольно редкое. Поэтому оленеводы, кочевавшие раньше по Кедону, Коркодону, Моллонде зимой безошибочно узнавали, когда со стороны

Охотского побережья едут гости, либо охотники-промысловики из прибрежных колхозов. Приметой служил прилет к стойбищу сорок, которые, как правило, сопровождали людей, идущих с моря по всему маршруту их следования.

ВО'РОНЫ подолгу сидят на дереве, неподалеку от которого устроил лежку медведь. Один оленевод рассказывал, как в поисках оленей собирался переходить речку. На противоположном берегу в гуще кустов стояла одинокая лиственница, на которой сидели два ворона. Перед тем, как переправиться на другой берег, пастух снял карабин и выстрелил по стволу лиственницы. Испуганные вороны разлетелись, а из-под дерева выскочил медведь и помчался к сопке.

А появление этих птиц в расположении оленьего стада говорит о том, что вблизи рыщет волчья стая.

ГАГАРЫ активно летают, особенно днем, — к затяжному ненастью.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА АТМОСФЕРОЙ позволяют точно определить погоду. К примеру, ЯРКО-КРАСНАЯ УТРЕННЯЯ ЗАРЯ — к сильному ветру.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ — к скорой пурге, снегопаду.

ПЕРИСТЫЕ ОБЛАКА, быстро заволакивающие голубое небо, — без промедления готовьтесь к продолжительному дождю.

ЯРКАЯ РАДУГА в период затяжного дождя — к хорошей погоде.

ЧАСТЫЕ ГРОЗЫ — не будет продолжительных дождей с туманами, будут преобладать жаркие дни.

БЕСПРИЧИННО, тоскливо воет собака в присутствии хозяев, будучи хорошо накормленной, — к несчастью.

УТРЕННЯЯ ГУСТАЯ РОСА — к жаркой, ясной погоде.

ОБИЛИЕ весной пушцы — к обилию ягоды.

ЛУНА надела корэку (корэкэ, меховой капюшон из шкуры) — к ненастью.

МИРАЖИ БЕЛОГО БЕЗМОЛВИЯ

Этот странный случай произошел в 80-х годах на реке Гижига. Трое пастухов бригады, как бы теперь сказали, работали в стаде вахтовым методом и ждали со дня на день смену из села: вечерами связывались с центральной усадьбой по рации, интересовались, когда придет вездеход со сменщиками. Наконец, им сказали на сеансе утренней радиосвязи: «завтра».

Встали задолго до рассвета, чтобы подготовиться к передаче стада, собрать загодя личные вещи. С утра зарядил реденький снежок, к обеду он сошел на нет. Подкрепившись мясом и чаем, пастухи

поспешили в стадо, чтобы успеть обойти использованное за смену пастбище, убедиться в отсутствии откола. Перед уходом, как полагается, завязали шнурки входного клапана палатки, придавили брезент полешками, чтобы не распахнуло ветром.

Собрать оленей, обойти пастбище — хлопот на весь день. К вечеру пастухи возвращались на стоянку. Было еще светло. На выходе из леса, метрах в двухстах увидели свою палатку. Но что это? Откинув клапан, выскочила женщина в национальной одежде, с большой темной шалью на голове, ну или чем-то похожем на шаль. Припустила вокруг палатки. За ней вдогонку выскочили трое мужчин. Сделав два круга, живая цепочка вернулась туда, откуда пришла.

Пастухи заметили одну странность: все мужчины были одеты в одинаковые куртки или телогрейки, на головах шапки с опущенными ушами. Подумали: наверное, вездеходчик, не дождавшись их, выехал в село в ночь, а прибывшая замена уже «отмечает» приезд — бурно, со скандалом. Но ругани и вообще голосов почему-то не слышно. Каких-то сменщиков непонятных прислали в новой спецодежде. Молодежь, что ли? Как же теперь уехать в село? Кто их заберет?

Посетовали на жизнь, перекурили и через несколько минут пошли к палатке. Как ни прислушивались, как ни присматривались, никаких звуков, никакого движения. Не было и следов на свежем снегу. И вход, как и утром, придавлен поленцами, и посуда на привычном месте и накрыта старым полотенцем.

А смена прибыла в бригаду лишь через день.

PS. Старожилы Камешков рассказывали, что на том месте во время давней эпидемии гриппа умерли люди, чуть ли не половина бригады. А уже позже, в конце сороковых годов, в том же районе работали на заготовке леса заключенные ГУЛАГа. Много лет потом пустовал их барак.

ДИВНАЯ ПТИЦА КИДЫРРУК

Май. Солнышко пригревает по-весеннему. Отел в самом разгаре. Молени дремлют, лениво жуя. Аманда — мужчина в годах — дежурит в стаде на левом берегу Омолона, как раз напротив устья Кавы (Челюсть).

На костерке котелок с хури (каталкой) и небольшим норига (хариусом): поймал давеча на самодельную медную блесну. И всего-то за несколько минут. Клев превосходный, не то, что зимой.

Пока в котелке доходит рыба, Аманда вертит над огнем нанизанные на заостренную палочку очищенные рыбки желудки. Вкусные, ничуть не хуже, чем умын (костный мозг) оленя.

Перед тем, как полакомиться, Аманда снимает с таганка кастрюлю, иначе рыба переварится, будет как трава. Он и оленину недоваживает, тогда она сочнее. Из кастрюли торчат хвостовые стебельки, хоть Аманда и притапливал рыбу палочкой. Ничего страшного. Даже примета есть: «Если из кипящего котла высунулись хвостовые плавнички, предстоит удачная рыбалка: вырулив поднятым хвостом, рыба оглядывается назад, зазывая в сети плывущие за ней стаи».

Уха готова, можно обедать. Но тут, заставив вздрогнуть, до слуха пастуха донесся неведомо откуда странный крик. Повертев головой, Аманда понял: снизу, над Омолоном! Крик стремительно приближался, и вот уже можно было различить: «Кидыррук-кидыррук-кидыррук!». Испугался Аманда, плюхнулся на землю у костра, опрокинув котелок с едой.

Огромная птица с длинной, как березовый посох Аманды, шеей и отведенными назад длинными лапами, медленно машет широкими крыльями, с громким криком «Кидыррук-кидыррук-кидыррук!» нависает над самым стадом и целит прямо в Амандю. Того и гляди, набросится! Пастух вжался в землю, закрыл голову руками. От мощного непонятного крика «Кидыррук-кидыррук-кидыррук!» душа в пятки ушла.

Стих крик, птица скрылась из виду, Аманда встал, отряхнулся. Залитый костер не тронул, пошел в бригаду рассказать о случившемся.

Те, кому Аманда поведал о страшной птице, не хотели верить. Лишь немолодой оленевод Мэлэнти, похоже, принял рассказанное всерьез. В юные годы он работал подпаском у богатого частника на морском побережье. Тот выпасал свое большое стадо по реке Ылгы. Весной туда прилетали большие птицы, которых тамошние прибрежные пастухи так и называли – кидыррук.

PS. Канадского серого журавля – кидыррук, как и гусей, уток, лебедей, возможно, привлекало летом обилие озер, болот. По всей прибрежной территории Северо-Эвенского района этот вид стал распространяться только с 1970–1975 годов прошлого столетия. В настоящее время популяция в районе довольно многочисленна. Селится кидыррук и вблизи населенных пунктов, в том числе и райцентра. Это знают не только взрослые, но и дети.

Обычно журавль-кидыррук покидает место гнездования в ночь с 4 на 5 сентября. Наверняка это замечали охотники и районные охотоведы. По рассказам очевидцев, рано утром собравшаяся стая кругами набирает высоту, пока не пропадет в небесах. Очевидно, таким образом журавли находят попутное воздушное течение. Картину отлета журавля-кидыррука мы наблюдали с пастухами пятой бригады 5 сентября 1999 года на Вархаламе в 10 часов утра.

СТАРУХА И ШАТУН

Легенда

Жила в стойбище оленеводов одинокая старая женщина, похоронившая мужа. Юрту ставила на краю стойбища: не любила, когда поблизости шумно играют дети или громко разговаривают взрослые.

Как-то зимним вечером, поужинав, настругала она из сухих лучин «петушков» для растопки костра, сложила кучкой возле огня, чтобы просохли, и прилегла, не раздеваясь, рядом. Сквозь сон услышала, как вдруг зашипел костер, глянула на огонь. За костром, спиной к ней, лежит большой лохматый медведь. Приподнимая край покрытия юрты, скребет когтями слежавшийся снег, который служит завалинкой юрты, и горстями кидает в огонь. Не иначе костёр тушит дремучая немочь.

Видимо, лютая стужа заставила голодного шатуна проникнуть в человеческое жилье. Войдя в юрту, подслеповатый от рождения таежник не заметил спящую на оленьих шкурах старую женщину и улегся напротив, повернувшись к огню спиной. Старушка не растерялась: приподнялась, взяла лучину, на которой был наструган густой «петушок». Когда медведь зачерпнул очередную порцию снега, поднесла лучину к огню, та вспыхнула. Хозяйка дотронулась огненным «петушком» до непрошенного гостя. Густая шерсть вспыхнула, пламя побежало по спине, голове. Медведь взревел, вскочил и снес половину юрты, когда выскакивал наружу. За зверем устремилась хозяйка с горящей лучиной.

– Люди, медведь! Медведь горит! – вопила она. Испуганные соседи повыскакивали наружу.

В сторону леса мчался живой факел.

УЯМКАН – САМКА СНЕЖНОГО БАРАНА

Третья декада мая. Заканчивается отел. На вершинах южных отрогов горы Анункун появились большие проталины с богатыми кормовыми лишайниками, и, хотя в низинах и распадках еще полно снега, олени не голодают.

Как-то я остался в стаде на ночь с Ильей и Василием. До утра дул холодный северный ветер. Намерз твердый наст. Годовалым телятам раздолье: несутся вниз по ручью, пересекают его и оттуда бегут в гору. Как бы за перевал не спустились. За ними мы с Василием поспешаем. А Илья – мужчина в годах – остается за кострового и за новорожденными присматривать. Солнце взошло и утих ветер, когда мы вернулись передохнуть за кружкой чаю. Илья рад нам и не упускает возможность поговорить.

— Заставили вас побегать чертенята? Но ничего, днем снег раскиснет и будут они лежать как миленькие, — Илья протирает подолом камлейки старенькие очки.

— Это мулханы (трехгодовалые бычки) баламутят. Вот бы кого я проучил, если б не телята: привести бы Бобика, он бы им хвосты поотрывал, — негодует Василий, а сам гложет бедренную кость. Проголодался.

— А где твои лыжи? — спрашивает у меня Илья.

— Наверху ночью оставил на горе, где стланик начинается. Таскал, таскал без толку, повесил на ветке. Место приметное, сейчас передохну, схожу забрать.

Василий тоже не усидел. Поднимаемся вдвоем по прямому длинному хребту, обходя отдельные кусты стланика. Жарко. Время от времени садимся отдохнуть. Один из малых привалов устраиваем возле сухих корявых лиственниц. А вот и мои лыжи на сучке висят. Шагнул к ним, вспугнул стайку горных куропаток «тэкчака». Из-под ног выпархивают и устремляются на вершину горы. Теперь не до отдыха. Мы их достанем. На вершине стланик мелкий, не спрячутся. Прошлогодней брусничкой будут лакомиться. Заодно оглядим в бинокль окрестности: как бы и впрямь олени не ушли на другой склон. Лыжи пусть пока повисят.

Снизу казалось, что гора остроконечная. На самом деле макушка сплюснутая, как блин, правда, есть отдельные бугорки, серые валуны и низкорослый стланик. Снега почти нет, лишь отдельные полоски в затененных местах. «Наших» куропаток не видать. Идем дальше, беседуем.

— Стоп, — дернул меня за рукав Василий, присел, поспешно снимая ружье. — Смотри вон!

Приглядевшись, замечаю неподалеку среди валунов на белом ягельнике недвижно застывшего снежного барана с небольшими рожками.

— Стрелять? — шепчет Василий.

— Не надо: кажется, подранок.

Снежный баран какой-то сгорбленный, широко расставил ноги. Резко повернулся и засеменил между камнями к кусту стланика.

— А что там сзади болтается? — спросил Василий.

Вот так дела: это не баран, а самка! Рожает! Видны тоненькие ножки и головка ягненка. Выйдя из нагромождения валунов, уямкан юркнула в заросли стланика и, низко опустив голову, затаилась. Однако вся задняя часть туловища видна из ненадежного укрытия. Ягненок шевелит ножками и болтает головкой.

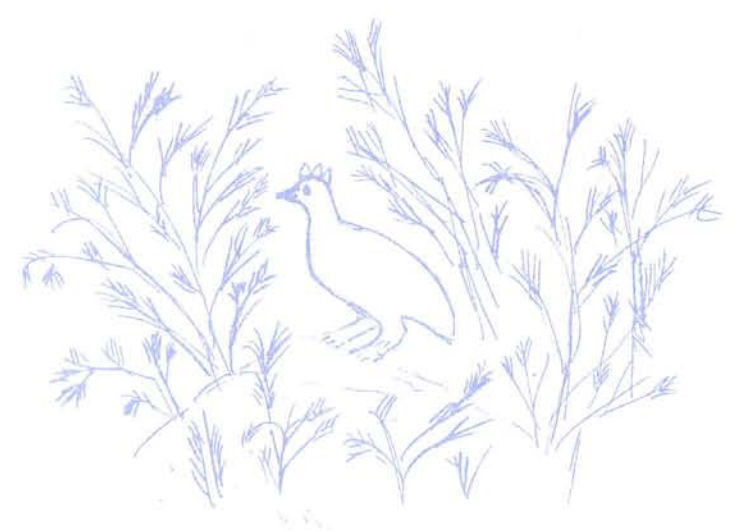
— Никогда такого не видел, — шепчет Василий.

— Это тебе не игрушки. Пошли.

Мы побрели по мягкому ковру ягеля, уже и не таясь. Самки не было видно. Стало быть, мы ей, к счастью, не помешали.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Данилушкин. От первого лица	3
Шаманка	5
Осенняя охота	16
За хвост серого разбойника	36
В пургу	39
Хангры делгэнкы (черный волк)	44
Буйный пассажир	50
Ушедшие тени Коркодона	57
Праздничный трофей	59
В гостях у медведицы	62
Свадьба на погэдэке	64
Нэчак вместо пушнины	68
Переправа	70
Гибель лесного великана	84
Сон	85
Потухший костер	88
Неразгаданные тайны тайги	93
Медведь — удивительное животное	98
Бешенство	109
Гнездо-плотик	116
Чамак	119
Будынды — пестрый олень	123
Серый	127
Священный камень аняпил	128
Летят гуси	130
Марондя	132
Птицы, принесенные в жертву	139
Роковая песня	141
Загадочная встреча	146
Соседи	153
Гора Нэлэрэ	155
На лапке блеснуло колечко	158
Подчас и посох — оружие	161
Однажды в лунную ночь	162
Кубыка — маленький чайник	163
Живой поток	164
Мудрый совет	166
Лебедь — птица священная	166
Схватка	167
Таежный охотник	168
Приметы северного края	169
Миражи белого безмолвия	170
Дивная птица Кидыррук	171
Старуха и шатун	173
Уямкан — самка снежного барана	173

Дорогие читатели!

Немного осталось на планете таких не тронутых цивилизацией мест, как моя малая родина. Я проведу вас по заросшим тропам оленеводов-кочевников, покажу дивных животных и птиц, дам возможность прикоснуться к тайнам древней земли. Веками здесь жили люди, свято соблюдая законы Природы, почитая ее как мать. Только так можно сохранять хрупкое равновесие по имени Север. Живой поток не должен иссякнуть, и об этом моя тревога. Надеюсь заполучить вас в свои союзники. Наш долг – оставить новым поколениям чистые нерестовые реки, ясное небо, пение глухаря на весеннем току и веселый смех детворы на опушке леса.

